

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

38 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 38 (641) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Гель Иванович Громов* — персонаж фантастических повестей Евгения Велтистова «Электроник — мальчик из чемодана» (1964) и «Победитель невозможного» (1975), по мотивам которых снят телефильм «Приключения Электроника» (1979), профессор, талантливый советский ученый-кибернетик, создатель робота по имени Электроник.

Много лет Громов посвятил работе над искусственным интеллектом и создал самообучающегося робота, способного решать сложные задачи, запоминать информацию и выполнять различные действия. Профессор глубоко переживает за свое творение и чувствует ответственность за него. В повести он осознает, что не заложил в робота способность смеяться и полноценно выражать эмоции, и это становится важным моментом в развитии сюжета.

Внешность Электроника была скопирована с фотографии семиклассника Сережи Сыроежкина, которую профессор случайно увидел в детском журнале.

Однажды, когда Громов подключал робота к розетке для подзарядки в гостинице, он по рассеянности использовал слишком высокое напряжение. Электроник получил перезаряд, испытал дискомфорт, выкрикнул: «Я не хочу!» и, выпрыгнув в окно, убежал в город.

Профессор начал поиски, но столкнулся с трудностью: робот ничем не отличался от обычных людей, и найти его в большом городе было непросто. По счастливой случайности Электроник встретил своего прототипа — того самого Сережу Сыроежкина, и они подружились.

В итоге Громов решил оставить Электроника в школе, чтобы тот помогал ученикам и учителям. В финале повести профессор наблюдает за дружбой Сережи и Электроника с улыбкой, понимая, что его создание обрело смысл жизни.

В телефильме «Приключения Электроника» (1979) режиссера Константина Бромберга роль профессора Громова исполнил актер Николай Гринько.

Первым пробовался на роль профессора Громова Ростислав Плятт, но он показался Бромбергу слишком вальжным. Мог стать Громовым и Бруно Фрейндлих, но вмешалась судьба: сразу после проб актер заболел. Худсовет

Одесской киностудии, на которой был запущен в производство фильм, уговаривал режиссера утвердить на эту роль Владимира Этуша, который до этого удачно снялся в других «приключениях» — «Буратино». Но Бромберг уперся, считая, что Этуш чересчур ярок для этой роли.

Изобретателем Электроника мог стать и «почетный Мюллер Советского Союза» — Леонид Броневой. Он очень хотел сняться в фильме по таким замечательным книгам и рвался «строить роботов-пацанов», но умудрился так разругаться по «творческо-кибернетическим» вопросам с оператором-постановщиком фильма, что режиссер не рискнул оставить Броневского, дабы не осложнять климат в уже сложившемся коллективе творцов.

В итоге Громовым стал Николай Гринько. Но и с ним было не все так просто. Великий актер только что снялся у Андрея Тарковского в серьезной философско-фантастической картине «Сталкер», причем тоже в роли профессора. Понятно, что после такой работы детский фильм не слишком привлекал Гринько, но, поскольку актер был в штате Одесской киностудии, его обязали сниматься. Однако Николаю Григорьевичу так понравилась роль, работа с детьми и съемки «Электроника», что он впоследствии с большим удовольствием выступал с этим фильмом на творческих вечерах.

В 1981 году фильм был удостоен приза девятого Всесоюзного фестиваля телефильмов, который прошел в Ереване. В следующем, 1982 году режиссер картины Константин Бромберг, оператор-постановщик Александр Полянников и сценарист Евгений Велтистов стали лауреатами Государственной премии СССР.

По состоянию на 2009 год искусствоведами было защищено 12 диссертаций, посвященных этому фильму. По результатам опроса, проведенного журналом «Русский репортер» в 2014 году, «Приключения Электроника» вошли в сотню самых популярных у россиян фильмов всех времен и народов. Картина заняла 42-ю позицию, за нее голосовали преимущественно респонденты от 26 до 45 лет.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Сивцев Л. И.

О проблемах судебно-бухгалтерской экспертизы при организации расследования хищений, совершаемых путем присвоения или растраты в условиях цифровизации..... 149

Соколов Н. И.

Проблемы правового признания казачества как культурно-этнической общности в Российской Федерации..... 152

Стародубцева А. Е.

Автоматизированная информационная система контроля осмотров жилья детей-сирот: архитектура и требования 157

Султонова М. З.

К вопросу о прекращении права пользования жилым помещением бывших членов семьи собственника жилого помещения..... 161

Тимонов Т. А.

Проблемы защиты прав потребителей в суде 162

Тян Д. Г.

Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершенных лицами при исполнении своих профессиональных обязанностей, по законодательству Российской Федерации ... 166

Файфер В. Ю.

Общие функции прокурора в досудебном производстве по уголовным делам 171

Файфер В. Ю.

Характеристика полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела..... 174

Фокин С. В.

Международно-правовые аспекты использования космических объектов для отслеживания ледников и айсбергов для обеспечения безопасности арктического судоходства 178

Хайдарова Ш. У.

Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: правовая природа, условия применения и проблемы обжалования приговора 181

Халмрадова Е. С.

Экстрадиция нацистских военных преступников после Второй мировой войны как предпосылка принципа «выдать или судить»..... 184

Шиловских А. Н.

Виды конкуренции исков в гражданском процессе..... 188

Яшникова Д. А.

Работники старших возрастных групп как участники трудовых отношений 189

ПЕДАГОГИКА

Багирова С. М.

Концепции современного образования..... 192

Бронникова Е. А.

Использование современных цифровых технологий в музыкальной деятельности дошкольников 194

Воронцова В. А.

Средовые факторы военно-патриотического воспитания и волонтерской деятельности в коррекции личностных нарушений у подростков с девиантным поведением..... 196

Демченко Е. Н.

Педагогические практики знакомства с понятием «единство народов» у детей младшего дошкольного возраста..... 199

Журавлева Г. Н., Лапшина Т. А.

Формирование естественно-научной грамотности на уроках окружающего мира через работу с разными видами информации 200

Крячков А. М.

Построение половозрастной пирамиды в Python: методическое руководство для демографического анализа 205

Монгуш М. А.

Четвертая промышленная революция
в школе: трансформация учебной
деятельности в эпоху генеративного
искусственного интеллекта 208

Нурмухаметова Е. Ф.

Использование кинезио-мешочков
в коррекции сенсорно-моторных нарушений
у обучающихся с глубокой умственной
отсталостью (из опыта работы) 210

Расторгуева А. О.

Формирование экологической
и здоровьесберегающей культуры
школьников через проектно-
исследовательскую деятельность
(на примере создания учебного травника
«Зелёная аптека») 212

Смирнов И. А.

Роль транспортного вуза в формировании
региональной идентичности и удержании
молодежи на Дальнем Востоке 216

Смирнова Ю. В.

Мотивация к получению образования:
теоретические аспекты и современные
подходы 219

Турскене Т. В.

Сочетание традиционных и инновационных
технологий в обучении иностранному языку
в системе среднего профессионального
образования: из опыта работы 221

Храмова С. Д.

Формирование коммуникативных умений
у детей старшего дошкольного возраста
с нарушением зрения 223

Хуснуллина Ч. Н.

Использование искусственного интеллекта
на уроках родного русского языка
и литературы: новые горизонты педагогики... 226

Шемонаев А. С.

Опыт создания мобильного приложения для
формирования иноязычной компетенции
студентов медицинского колледжа 228

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

О проблемах судебно-бухгалтерской экспертизы при организации расследования хищений, совершаемых путем присвоения или растраты в условиях цифровизации

Сивцев Лев Ильич, студент магистратуры
Научный руководитель: Жердев Павел Александрович, полковник полиции,
кандидат юридических наук, доцент, профессор
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

Одним из важнейших источников получения доказательств при расследовании хищений, совершаемых путем присвоения или растраты, является судебно-бухгалтерская экспертиза. Исследование ее роли в расследовании преступлений, предусмотренных ст. 160 УК РФ, а также проблем, связанных с использованием электронных бухгалтерских документов в качестве доказательств по уголовному делу о присвоении и растрате денежных средств, позволяют обобщать необходимость изменения подхода к расследованию данных преступлений на основе цифровой трансформации экспертной деятельности, а также указать на пробелы понятийно-категориального аппарата в данной сфере.

Ключевые слова: хищения в форме присвоения и растраты, судебно-бухгалтерская экспертиза, электронный бухгалтерский документ, цифровой след, цифровизация экспертной деятельности.

Issues regarding forensic accounting expertise in organizing the investigation of embezzlement committed through misappropriation or squandering in the context of digitalization

Sivtsev Lev Ilyich, master's degree student
Scientific advisor: Zherdev Pavel Aleksandrovich, police colonel, phd in law, associate professor, professor
Far Eastern legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk

Forensic accounting is one of the most important sources of evidence in the investigation of thefts committed through misappropriation or embezzlement. A study of its role in the investigation of crimes under Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the challenges associated with the use of accounting documents as evidence in criminal cases of misappropriation and embezzlement in the context of digitalization, allowed the author of this article to substantiate the need for a changed approach to the investigation of thefts committed through misappropriation and embezzlement based on the digital transformation of forensic activities, and to highlight gaps in the conceptual and categorical apparatus in this area.

Keywords: misappropriation and embezzlement, forensic accounting examination of materials records, electronic accounting document, digital footprint, digitalization in the field of forensic expertise.

Судебная и следственная практика свидетельствуют об угрожающих темпах распространения в Российской Федерации различного вида хищений. Анализ статистических данных за 2023–2025 гг., публикуемых Главным информационно-аналитическим центром МВД России показывает, что значительная часть хищений чужого имущества приходится на составы, регулируемые ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ), то есть на присвоение и растрату, в то время как общее число этих преступлений относительно показа-

телей 2020–2022 гг. уменьшилось на 13,7 % [8]. Особую тревогу вызывает тот факт, что данные преступления все чаще совершаются в соучастии и (или) в особо крупных размерах, что говорит об их повышенной общественной опасности и сложностях расследования.

Основу доказательственной базы при расследовании присвоения или растраты составляют результаты судебной экспертизы. Чаще всего, по таким уголовным делам назначается судебно-бухгалтерская (финансово-экономическая) экспертиза. Исследование, проводимое

экспертом-бухгалтером, позволяет установить факт и размер недостачи или излишков товарно-материальных ценностей, денежных средств, выявить подложные документы, используемые в финансово-хозяйственной деятельности организации с целью присвоения и растраты средств, аккумулируемых на ее счетах.

Согласно статьям 74 и 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), заключение эксперта признается в качестве доказательств по уголовному делу о присвоении и растрате [2]. В то же время, принятие такого заключения в качестве доказательства зависит от того, насколько достоверны его результаты, а также насколько правильно сформулированы вопросы эксперту. На практике имеют место случаи, когда перед экспертом ставится заведомо некорректный вопрос, на который дать однозначный ответ невозможно. Такие ситуации, как правило, возникают в случае недостаточного уровня подготовки следователя (дознателя) в сфере специальных информационных систем. В качестве примера можно привести следующий вопрос: является ли используемое в организации X программное обеспечение «1С.Бухгалтерия 8.3» лицензионным?

Принимая во внимание, что ни с правовой, ни с технической точки зрения данная версия «1С: Бухгалтерии» не образует самостоятельной единой программы, очевидно, что ставить вопрос подобным образом неверно. Дело в том, что данное программное обеспечение есть не что иное как сочетание платформы, ее прикладного решения, а также прав на их использование. В связи с этим вышеуказанная постановка вопроса эксперту некорректна, поскольку она не подразумевает однозначного ответа. Следователь должен ясно определить объект исследования, обстоятельства, подлежащие установлению, и пределы компетенции эксперта. На практике серьезные затруднения вызывает формулирование вопросов: они нередко бывают избыточными, расплывчатыми либо, напротив, содержат правовую оценку, которая не может входить в предмет экспертного заключения. [5, с. 93]. Отсюда следует, что следователь и (или) судья, инициирующие проведение судебно-бухгалтерской экспертизы для выявления факта присвоения и растраты денежных средств, а также судебный эксперт должны обладать определенными познаниями в IT-сфере, знать особенности функционирования программного обеспечения, установленного для ведения бухгалтерии в организации, а также своевременно повышать эти знания.

Анализ проблемных аспектов расследования случаев присвоения и растраты не позволяет обойти вниманием постоянно совершенствующиеся способы совершения таких преступлений. Практика подтверждает, что сегодня преступники хорошо владеют самыми современными достижениями цифровизации и активно применяют свои знания в противоправных целях. Соответственно, процесс расследования данных преступлений осложняется. В таких условиях особую значимость приобретает разработка новых подходов к расследованию. В их основе, как

видится, должны лежать научные разработки в области современных информационных технологий, а также повышение уровня профессиональных компетенций должностных лиц следственных органов, с учетом цифровой трансформации финансово-хозяйственной деятельности организаций [6, с. 98], [4, с. 142].

В июле 2020 года Президентом Российской Федерации был издан Указ № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» [3] (далее — Указ). Этим Указом утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которой задан ориентир на переход современных предприятий на бухгалтерское программное обеспечение. Его использование позволяет составлять и хранить не только бумажные версии документов, но и электронные. Обращение к теории криминалистики позволяет охарактеризовать бухгалтерский документ как «источник доказательств совершенных экономических преступлений» [7, с. 189]. В то же время, в научной литературе отсутствует какое-либо упоминание о следообразующей роли электронной бухгалтерской документации в процессе экспертного исследования и о его информационном обеспечении. Ряд пробелов имеет понятийный аппарат. На это указывает отсутствие легальных терминов «электронный бухгалтерский документ» и «цифровой след». Таким образом, сотруднику полиции необходимо обращать внимание на обнаружение тех следов и признаков, которые в дальнейшем могут выступать объектами экспертного исследования. С этой целью следует соблюдать правила обращения с изъятыми объектами, чтобы обеспечить их целостность, сохранность и доказательственную силу. Указанные мероприятия возможны только при непосредственном участии соответствующих специалистов [6, с. 99].

На сегодняшний день в научных кругах имеет место подход, авторы которого отстаивают позицию о низком уровне достоверности бухгалтерской информации, представленной в цифровом формате [7, с. 188]. Авторы этого подхода отдают предпочтение бумажным носителям бухгалтерских документов, аргументируя свою позицию тем, что такие документы скреплены подписями и печатями, а значит, имеют юридическую силу доказательств, а в процессуальном смысле это важно. Однако, согласиться с таким мнением сложно, так как отечественное законодательство предусматривает положение об электронной подписи, которая с позиции закона, имеет такую же силу, как печать и подпись на бумажном носителе информации. Помимо этого, считаем, что электронные бухгалтерские документы наиболее полезны с точки зрения выявления лиц, имеющих к ним доступ, установления реальной даты составления документа, а также возможности оперативного проведения математических расчетов любой сложности.

Несмотря на преимущества электронной бухгалтерии как источника доказательственной информации по делу о присвоении и растрате, практика по данному направ-

лению свидетельствует о многочисленных ошибках, допускаемых бухгалтерами-экспертами в ходе исследования соответствующего программного обеспечения. К числу наиболее характерных ошибок, допускаемых экспертом в процессе исследования товаров, материалов, расходов и доходов организации, опираясь на материалы судебной и следственной практики, можно отнести: нарушение порядка введения учетной информации, утрата данных при их несвоевременном сохранении, случайное удаление архива данных, ненадлежащая защита данных на электронном устройстве и т.д. [7, с. 202].

Таким образом, при организации расследования присвоения и растраты, важное доказательственное значение имеют результаты судебно-бухгалтерской экспертизы. В ходе ее проведения исследуются бумажные и электронные носители информации, программное бухгалтерское обеспечение. Однако, доказательственную ценность данные судебно-бухгалтерской экспертизы приобретают лишь в том случае, если вопросы, поставленные следователем (судьей) перед экспертом, подразумевают дачу однозначного ответа, а сам эксперт обладает необходимыми познаниями в IT-сфере, применение которых исключит риски утраты криминалистически значимой информации.

Анализ действующего законодательства, а также судебной и следственной практики позволил указать на необходимость совершенствования правового регулирования судебно-бухгалтерской экспертизы. С нашей точки зрения, важно принять меры к восполнению пробелов понятийного аппарата через закрепление в тексте отечественного уголовно-процессуального закона терминов

«цифровой бухгалтерский документ» и «цифровой след». Кроме того, основываясь на анализе теории и практики судебно-бухгалтерской экспертизы, назначаемой в рамках расследования фактов присвоения и растраты денежных средств, в качестве перспективных направлений развития данного правового института следует обозначить повышение квалификации следователей, судей, а также экспертов-бухгалтеров в сфере специальных IT-систем, реализуемых в финансово-хозяйственной деятельности современных организаций, а также разработку и последующее закрепление в гл. 27 УПК РФ правовых дефиниций «электронный бухгалтерский документ» и «цифровой след».

Под электронным бухгалтерским документом мы предлагаем понимать документированную электронную информацию, созданную, переданную или хранимую с применением средств вычислительной техники и информационно-телекоммуникационных сетей, фиксирующую факт хозяйственной деятельности организации, подписанную электронной подписью. Легальное определение цифрового следа, с нашей точки зрения, должно иметь следующий вид «криминалистически ценная компьютерная информация о событиях или действиях, нашедшая отражение в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи».

Полагаем, закрепление указанных определений в правовом поле позволит выработать единый подход к их пониманию правоприменителем, в том числе, в практике судебно-бухгалтерской экспертизы, назначаемой при расследовании присвоения и растраты, повысит доказательственную значимость экспертных выводов.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). URL: <http://consultant.ru>. (дата обращения: 02.04.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026). URL: <http://consultant.ru>. (дата обращения: 09.06.2026).
3. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года». URL: <http://consultant.ru>. (дата обращения: 02.07.2026).
4. Буйнов Д. О. Виды цифровых следов преступлений в сфере экономической деятельности и особенности их исследования экспертом / Д. О. Буйнов // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 11. — С. 140–148.
5. Жердев П. А., Мерецкий Н. Е. Прикладные аспекты назначения и производства судебной экспертизы / П. А. Жердев, Н. Е. Мерецкий // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шиловой. — 2026. — № 2 (75). — С. 91–97.
6. Жердев П. А. Тактические особенности изъятия электронных носителей информации / П. А. Жердев // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шиловой. — 2015. — № 4 (33). — С. 97–101.
7. Сафонова М. Ф. Развитие методики бухгалтерской экспертизы в условиях цифровой экономики / М. В. Сафонова // Международный бухгалтерский учет. — 2019. — № 2. — С. 187–204.
8. Статистические данные ГИАЦ МВД России по состоянию преступности (2023–2025 гг.) // Статистика МВД: уголовная статистика. — URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/> (дата обращения: 02.07.2026).

Проблемы правового признания казачества как культурно-этнической общности в Российской Федерации

Соколов Никита Игоревич, аспирант
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуются проблемы правового признания казачества как культурно-этнической общности в Российской Федерации. Анализируются нормативно-правовые акты, определяющие современный правовой статус казачества, а также особенности его институционального оформления в системе публичного права. Рассматриваются положения законодательства о реабилитации репрессированных народов, национально-культурной автономии и государственной службе российского казачества, а также их соотношение с конституционными гарантиями защиты этнических общностей. Выявляется противоречие между нормативным признанием казачества в качестве исторически сложившейся культурно-этнической общности и отсутствием механизмов, обеспечивающих реализацию данного статуса. Установлено, что действующая модель правового регулирования ориентирована преимущественно на культурно-общественные либо служебно-административные формы организации казачества, что препятствует его последовательному оформлению как народа и самостоятельной культурно-этнической общности. Обосновывается вывод о наличии нормативной дихотомии, определяющей современную правовую неопределённость статуса казачества в Российской Федерации.

Ключевые слова: казачество, культурно-этническая общность, правовое признание, правовой статус, этническая идентичность, национально-культурная автономия, государственная служба российского казачества, государственная политика.

Problems of legal recognition of the Cossacks as a cultural and ethnic community in the Russian Federation

Sokolov Nikita Igorevich, graduate student
Kuban State University (Krasnodar)

Keywords: Cossacks, cultural and ethnic community, legal recognition, legal status, ethnic identity, national-cultural autonomy, state service of the Russian Cossacks, state policy.

Проблематика правового статуса казачества занимает особое место в современных исследованиях, находясь на пересечении конституционного, административного и этноправового регулирования. Несмотря на наличие нормативных актов, прямо закрепляющих казачество в качестве исторически сложившейся культурно-этнической общности, его место в системе публичного права Российской Федерации остается неопределенным.

Актуальность исследования обусловлена сохраняющимся противоречием между нормативным признанием казачества и отсутствием механизмов, обеспечивающих реализацию и закрепление данного статуса. В результате казачество одновременно выступает объектом государственной политики в сфере сохранения культурного наследия и участником административно регулируемых форм самоорганизации, что формирует устойчивую правовую неопределенность.

Историко-демографические процессы XIX–XX вв. существенно изменили численность и социальную структуру казачества, однако не привели к полной утрате его этнокультурной идентичности. Даже после включения казачьих войск в административную систему Российской империи и юридического оформления казачества как служилого сословия сохранялись устойчивые культурные особенности, коллективная историческая память и механизмы воспроизводства собственной идентичности.

Именно это обстоятельство имеет принципиальное значение для последующего анализа законодательства конца XX века, в рамках которого государство вновь обратилось к вопросу о правовом статусе казачества как особой культурно-этнической общности.

Сохранение этнокультурной преемственности проявлялось не только в традиционном укладе жизни, но и в устойчивости коллективного самосознания, сохранявшегося несмотря на изменения политических и социальных условий. Вместе с тем события XX века, включая репрессии, массовые переселения и последующую трансформацию социальной структуры, оказали существенное влияние на культурную среду и формы самоидентификации казачества.

Указанные процессы имеют значение не только как исторический контекст, но и как одна из предпосылок последующего правового регулирования. Государственная политика первой половины XX века была направлена не только против отдельных социальных элементов казачества, но и против самой общности как носителя особой

исторической и культурной идентичности. Именно поэтому включение казачества в число субъектов, охватываемых законодательством о реабилитации репрессированных народов, следует рассматривать не как случайное политико-правовое решение, а как реакцию на предшествующий исторический опыт.

В правовом измерении ключевое значение приобретает Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов», который впервые сформировал нормативную основу для официального признания казачества в качестве исторически сложившейся культурно-этнической общности. Появление данного акта стало закономерным следствием переосмысления государственной политики в отношении групп, подвергшихся репрессиям по признаку их коллективной идентичности.

Уже статья 2 данного акта закрепляет расширенное понимание категории «репрессированные народы», включая в неё не только нации и народности, но и «иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей», к числу которых прямо отнесено казачество. Использование данной формулировки имеет принципиальное значение, поскольку законодатель сознательно выходит за рамки традиционной классификации этнических субъектов и распространяет механизм реабилитации на общности, обладающие устойчивой исторической памятью, культурной спецификой и коллективным самосознанием.

Содержание статьи 2 не ограничивается определением круга реабилитируемых субъектов. Норма связывает их статус с фактом проведения государственной политики, направленной на подавление идентичности, включая насильственные переселения, упразднение национально-государственных образований и изменение исторически сложившихся территориальных границ. Применительно к казачеству данное положение позволяет говорить о его восприятии законодателем не как совокупности отдельных социальных групп, а как целостной общности, в отношении которой осуществлялась специальная государственная политика.

Дополнительное значение имеет статья 3 закона, определяющая содержание реабилитации. Она предусматривает не только признание незаконности репрессий и восстановление нарушенных прав, но и меры, направленные на восстановление исторически сложившихся условий развития соответствующих общностей. Хотя казачество не обладало национально-государственным образованием в классическом смысле, сама конструкция нормы показывает, что законодатель рассматривает реабилитацию не только как индивидуально-правовой, но и как коллективный процесс, затрагивающий историческую судьбу соответствующих групп.

Важное значение для рассматриваемой проблематики имеет также статья 8 закона, закрепляющая право репрессированных народов, не имевших собственных государственно-территориальных образований, на сво-

бодное национальное развитие и равные возможности в реализации политических прав. Применительно к казачеству данное положение представляет особый интерес, поскольку распространяет гарантии национального развития на общности, не обладавшие собственной государственностью или автономией. Тем самым законодатель дополнительно подтверждает возможность рассмотрения казачества не только как объекта реабилитации, но и как самостоятельной культурно-этнической общности, обладающей правом на сохранение и развитие собственной идентичности.

Не менее показательно содержание статьи 11, посвящённой культурной реабилитации репрессированных народов. Закрепляя необходимость восстановления духовного наследия, исторической памяти и культурных традиций, законодатель исходит из признания ценности соответствующих общностей как самостоятельных носителей культурной идентичности. В отношении казачества данная норма имеет особое значение, поскольку предполагает не только констатацию факта исторической несправедливости, но и обязанность государства содействовать сохранению и развитию его культурного наследия.

В совокупности положения Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» формируют нормативную конструкцию, в рамках которой казачество рассматривается не как исключительно социальная или профессиональная группа, а как исторически сложившаяся культурно-этническая общность. Вместе с тем последующее развитие законодательства не привело к формированию механизма, обеспечивающего полноценную реализацию и закрепление данного статуса. Именно это обстоятельство во многом предопределило возникновение правового разрыва между нормативным признанием казачества и его фактическим положением в системе публичного права Российской Федерации.

Дальнейшее развитие данная правовая конструкция получила в Постановлении Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. № 3321-1 «О реабилитации казачества». В отличие от Закона 1991 года, распространявшегося на широкий круг репрессированных народов и культурно-этнических общностей, данный акт был посвящён непосредственно казачеству и конкретизировал ранее закреплённые положения применительно к его правовому статусу. Уже в преамбуле постановления провозглашается цель «возрождения казачества как исторически сложившейся культурно-этнической общности», что свидетельствует о сохранении выбранного законодателем подхода и его распространении на специальный акт, посвящённый исключительно казачеству.

Нормативное содержание постановления носит более конкретный характер по сравнению с Законом 1991 года. Пункт 1 закрепляет признание незаконности репрессивной политики в отношении казачества начиная с 1918 года и тем самым формирует специальную правовую основу для его реабилитации как общности, непосредственно названной законодателем.

Особое значение имеет пункт 3 постановления, предусматривающий право на возрождение традиционного социально-хозяйственного уклада, культурных практик и исторически сложившихся форм самоорганизации. Закрепление данных положений показывает, что предметом правовой защиты признаётся не только память о репрессиях, но и сама культурная среда, обеспечивающая сохранение и воспроизводство казачьей идентичности. Кроме того, постановление допускает возможность территориального общественного самоуправления в местах компактного проживания казаков в традиционных формах, что свидетельствует о стремлении законодателя учитывать исторические особенности организации казачества при определении направлений его реабилитации.

Вместе с тем постановление сразу задаёт пределы такого восстановления. Пункт 4 прямо указывает, что реализация предусмотренных прав не должна приводить к возникновению сословных привилегий и ущемлению прав иных групп населения. Данное ограничение имеет принципиальное значение: законодатель признаёт необходимость реабилитации и возрождения казачества как культурно-этнической общности, но одновременно исключает возможность восстановления прежней сословно-правовой модели. Тем самым уже в постановлении 1992 года проявляется напряжение между этнокультурным признанием казачества и поиском юридически допустимых форм его институционализации.

Эта же логика прослеживается в положениях о культурном наследии и программном обеспечении возрождения казачества. Закрепление объектов культурного наследия казачества в качестве общероссийского достояния, подлежащего государственной охране, а также указание на необходимость разработки комплексной государственной программы показывают, что законодатель связывал реабилитацию не только с устранением последствий репрессий, но и с созданием условий для сохранения казачьей культурной самобытности.

Однако последующее развитие законодательства не обеспечило полноценной реализации данной модели. Предусмотренные постановлением меры — от территориального общественного самоуправления до комплексной программы возрождения — не были преобразованы в устойчивый механизм закрепления казачества как культурно-этнической общности в системе публичного права. В результате признание, сформулированное в актах 1991–1992 гг., сохранило преимущественно декларативный характер и не получило необходимого институционального продолжения.

В этой связи особый интерес представляет Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии», закрепивший общую модель правовой организации этнических общностей в Российской Федерации. Обращение к данному закону позволяет оценить, какие формы институционализации государство предлагает группам, обладающим собственной культурной и этнической спецификой, и в какой степени эти механизмы применимы к казачеству.

В соответствии со статьёй 1 закона национально-культурная автономия определяется как форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан, относящих себя к определённой этнической общности, находящейся в положении национального меньшинства, на основе добровольной самоорганизации. Уже данная формулировка позволяет выделить основные признаки, через которые законодатель описывает этническую общность: наличие коллективного самосознания, добровольной идентификации и организационного оформления.

Принципиальное значение имеет положение о том, что национально-культурная автономия является видом общественного объединения и действует в форме общественной организации. Тем самым законодатель предлагает модель, при которой этнокультурная общность получает правовое выражение через механизмы гражданской самоорганизации, а не посредством создания специального публично-правового статуса. Именно это обстоятельство определяет пределы институциональных возможностей национально-культурной автономии и имеет ключевое значение для оценки её применимости к казачеству.

Содержание статьи 4 закона конкретизирует права национально-культурной автономии, включая возможность получения государственной поддержки, представления интересов в органах власти, создания средств массовой информации, образовательных и культурных учреждений, а также сохранения и развития языка и традиций. Данные полномочия обеспечивают широкий спектр инструментов для сохранения и развития этнокультурной идентичности, однако их реализация ограничена преимущественно культурной, образовательной и общественной сферами. Следовательно, национально-культурная автономия выступает прежде всего механизмом культурного самосохранения, а не формой особого публично-правового статуса соответствующей общности.

Особое значение для рассматриваемой проблематики имеет положение закона о том, что право на национально-культурную автономию не является правом на национально-территориальное самоопределение. Данная норма отражает принципиальную установку законодателя на разграничение этнокультурной самоорганизации и территориально-политических форм устройства. В контексте казачества это обстоятельство приобретает дополнительное значение, поскольку ранее рассмотренное Постановление 1992 года допускало возможность территориального общественного самоуправления в местах компактного проживания казаков. Тем самым законодательство использует различные подходы к институциональному оформлению культурно-этнических общностей, не формируя при этом единой модели их правового статуса.

Организационные положения закона, закреплённые в статьях 5 и 6, предусматривают многоуровневую систему национально-культурных автономий — местного, регио-

нального и федерального уровней. Такая конструкция обеспечивает возможность правовой самоорганизации этнических общностей и их представительства в культурной и общественной сферах, однако остаётся в рамках механизмов, характерных для некоммерческих организаций. Следовательно, законодатель предлагает форму институционализации этнической общности, не предполагающую наделения её каким-либо специальным публично-правовым статусом.

В совокупности положения Федерального закона «О национально-культурной автономии» демонстрируют, что российская правовая система ориентирована преимущественно на культурно-общественную модель организации этнических общностей. Применительно к казачеству это означает, что даже при наличии нормативного признания его в качестве исторически сложившейся культурно-этнической общности возможные формы правового выражения ограничиваются механизмами общественной самоорганизации. В результате сохраняется разрыв между признанием особого характера казачества и отсутствием специальных правовых механизмов, способных обеспечить институциональное закрепление данного статуса в системе публичного права.

Для понимания причин сохранения данной правовой неопределённости необходимо обратиться к конституционным основаниям регулирования этнокультурных отношений. В соответствии со статьёй 26 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право самостоятельно определять и указывать свою национальную принадлежность, а также пользоваться родным языком и свободно выбирать язык общения, воспитания и обучения. Данная норма закрепляет принцип свободной самоидентификации, согласно которому вопрос национальной принадлежности относится прежде всего к сфере личного самоопределения.

Применительно к казачеству данное положение имеет особое значение. С одной стороны, оно обеспечивает конституционно гарантированную возможность идентифицировать себя с казачеством как особой культурно-этнической общностью. С другой стороны, действующее законодательство не содержит специальных критериев, позволяющих определить формы и пределы такой идентификации применительно к казачеству. В результате вопрос принадлежности к данной общности оказывается преимущественно в сфере индивидуального самоопределения, что дополнительно осложняет её институциональное оформление в правовом поле.

Дополнительное значение имеет статья 69 Конституции Российской Федерации, устанавливающая обязанность государства по защите культурной самобытности народов и этнических общностей, а также гарантии сохранения этнокультурного и языкового многообразия. В отличие от статьи 26, носящей преимущественно индивидуально-правовой характер, статья 69 закрепляет публично-правовое измерение государственной политики в сфере этнокультурных отношений. При этом принци-

пиальное значение имеет использование в её тексте категории «этнические общности», которая по своему содержанию не ограничивается исключительно народами, обладающими государственностью или иными формами политической организации.

В контексте ранее рассмотренных нормативных актов данное положение позволяет рассматривать казачество в качестве объекта конституционно-правовой защиты культурной самобытности. Поскольку законодатель в актах 1991–1992 гг. прямо квалифицировал казачество как исторически сложившуюся культурно-этническую общность, положения статьи 69 создают конституционную основу для его сохранения и развития. Вместе с тем сама по себе конституционная гарантия не разрешает вопрос о конкретных формах правового признания и институционального оформления казачества, что вновь выводит исследование к проблеме отсутствия целостного механизма реализации данного статуса.

Однако сопоставление конституционных положений с действующим законодательством показывает наличие заметного разрыва между нормативным признанием и его практической реализацией. Несмотря на закрепление права на свободную самоидентификацию и обязанности государства по защите культурной самобытности этнических общностей, действующее законодательство не формирует специальной модели правового оформления казачества как культурно-этнической общности. Существующие механизмы обеспечивают отдельные формы культурной самоорганизации и поддержки, но не устраняют неопределённость его статуса в системе публичного права.

Таким образом, конституционно-правовой анализ подтверждает наличие проблемы, выявленной при рассмотрении законодательства 1991–1996 гг. Нормативное признание казачества как культурно-этнической общности сочетается с отсутствием целостного механизма реализации данного статуса. Наиболее отчётливо данное противоречие проявляется в последующем законодательстве, посвящённом непосредственно вопросам организации и функционирования российского казачества.

Существенным элементом современной правовой конструкции является Федеральный закон «О государственной службе российского казачества», который закрепляет альтернативную модель институционального оформления казачества. Анализ данного нормативного акта показывает, что его предметом выступает не признание казачества как народа или исторически сложившейся культурно-этнической общности, а организация участия казачьих обществ в системе государственной службы. Так, статья 2 определяет российское казачество через принадлежность граждан к казачьим обществам, фактически подменяя категорию общности организационно-служебной конструкцией.

Дополнительное значение имеет положение о том, что казачье общество представляет собой форму самоорганизации граждан в виде некоммерческой организации,

создаваемой в целях возрождения казачества и сохранения его традиций. Однако в рамках данного закона это возрождение получает преимущественно служебно-институциональное выражение: казачество признаётся не как самостоятельная культурно-этническая общность, а как совокупность организационно оформленных объединений, взаимодействующих с государством в сфере службы. Такая модель не создаёт условий для правового признания казаков как народа и фактически возвращает регулирование к служебной логике, исторически связанной с сословным пониманием казачества.

Ключевым признаком данной модели является её прямая связь с государственной службой. Уже статья 1 закона определяет предмет регулирования через правовые и организационные основы несения российским казачеством государственной службы, оставляя за пределами непосредственного регулирования те формы существования казачества, которые связаны с его этнокультурной природой. Данная установка конкретизируется в статье 5, где участие казачества раскрывается через военную, правоохранительную и иную деятельность, включая охрану общественного порядка, участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечение государственной безопасности.

В результате закон закрепляет не модель признания казачества как культурно-этнической общности, а механизм участия казачьих обществ в выполнении публично значимых служебных функций. Такая конструкция воспроизводит отдельные черты служилой модели, однако в современных условиях выражается не в сословно-правовом статусе, а в административно-институциональном порядке взаимодействия государства с организационно оформленными казачьими объединениями.

Особого внимания заслуживает механизм государственного реестра казачьих обществ, предусмотренный статьёй 6 закона. Включение в реестр становится ключевым условием участия казачьих обществ в государственной службе и получения предусмотренных законом возможностей. Тем самым правовое значение приобретает не историко-культурная принадлежность к казачеству как общности, а соответствие казачьего общества установленным государством организационным и функциональным требованиям.

В совокупности положения Федерального закона «О государственной службе российского казачества» закрепляют принципиально иную модель регулирования по сравнению с актами 1991–1992 гг. Если Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества» исходили из признания казачества как исторически сложившейся культурно-этнической общности, то Закон 2005 года фактически редуцирует его правовое выражение до служебно ориентированной организационной формы. Такая конструкция не обеспечивает условий для полноценного правового признания казаков как народа и подменяет

этнокультурную природу казачества административно-функциональной моделью.

Таким образом, в действующем законодательстве складывается внутренняя несогласованность: казачество признаётся как исторически сложившаяся культурно-этническая общность, однако на практике регулируется преимущественно через механизм участия казачьих обществ в государственной службе. Именно эта подмена культурно-этнического признания служебно-организационной моделью выступает одним из ключевых факторов, препятствующих формированию целостного правового статуса казачества как народа в Российской Федерации.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о наличии устойчивого противоречия в правовом регулировании статуса казачества. Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества» закрепили подход, при котором казачество рассматривается как исторически сложившаяся культурно-этническая общность, обладающая собственной исторической памятью, культурной спецификой и коллективной идентичностью. Однако последующее развитие законодательства не обеспечило полноценного механизма реализации данного признания.

Федеральный закон «О национально-культурной автономии» предлагает этническим общностям преимущественно культурно-общественную форму самоорганизации, ограниченную рамками общественных объединений. В свою очередь, Федеральный закон «О государственной службе российского казачества» закрепляет иную модель, в которой казачество получает правовое выражение через членство в зарегистрированных казачьих обществах и участие в системе государственной службы. В результате этнокультурное признание казачества оказывается подчинено административно-служебной логике, что препятствует его последовательному оформлению в качестве народа и самостоятельной культурно-этнической общности в правовой системе Российской Федерации.

Конституционно-правовой анализ подтверждает данное противоречие. Закреплённые в статье 26 Конституции Российской Федерации гарантии свободной самоидентификации и в статье 69 обязанности государства по защите культурной самобытности этнических общностей создают нормативную основу для защиты казачества как исторически сложившейся культурно-этнической общности. Однако отсутствие специализированного механизма реализации этих гарантий применительно к казачеству свидетельствует о неполноте действующей модели регулирования.

Современное правовое положение казачества, таким образом, характеризуется двойственностью: его этнокультурная природа признаётся в отдельных нормативных

актах, но не получает системного закрепления и институционального выражения в публично-правовой сфере. Казачество оказывается включённым в существующие правовые модели лишь частично: как форма общественной самоорганизации либо как участник государственной службы, но не как народ и самостоятельная культурно-этническая общность.

Научная новизна проведённого исследования заключается в выявлении нормативной дихотомии, при которой казачество одновременно признаётся как культурно-этническая общность и регулируется преимущественно как

служебно ориентированная организационная структура. Данная дихотомия препятствует формированию целостного правового статуса казачества как народа в правовой системе Российской Федерации.

Преодоление указанного противоречия возможно только при формировании комплексного подхода, согласующего этнокультурную и институциональную модели регулирования. В противном случае сохраняется риск дальнейшего закрепления казачьей идентичности преимущественно в административно-функциональных формах, не отражающих её историко-культурную сущность.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок) // СПС «КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов»
3. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 года № 3321-1 «О реабилитации казачества»
4. Федеральный закон от 17 июня 1996 г. N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изменениями и дополнениями)
5. Федеральный закон от 05.12.2005 N 154-ФЗ (ред. От 28.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.03.2026.) “О государственной службе российского казачества”.

Автоматизированная информационная система контроля осмотров жилья детей-сирот: архитектура и требования

Стародубцева Антонина Евгеньевна, юрисконсульт
ГКУ Ставропольского края «Имущественный фонд Ставропольского края»

В статье предложена архитектура автоматизированной информационной системы (АИС) для контроля осмотров жилых помещений, предоставленных детям-сиротам по договорам специализированного найма. С юридической точки зрения, внедрение АИС обеспечивает доказуемость исполнения обязанностей органов власти, прозрачность фиксации состояния жилья и соблюдение требований законодательства о персональных данных (ФЗ № 152ФЗ) и об электронной подписи (ФЗ № 63ФЗ). Практическая значимость работы состоит, в снижении правовых рисков органов власти и повышении гарантий защиты жилищных прав социально уязвимой категории граждан. В рамках исследования, описаны модели учёта объектов и договоров, планирования сроков осмотров, формирования актов и отчётности, а также требования к интеграции с внешними источниками данных (ГИС ЖКХ, ЕГРН). Методология работы, основана на системном анализе процессов контроля и постановке функциональных и нефункциональных требований к информационной системе.

Ключевые слова: автоматизированная информационная система, контроль осмотров жилья, детисироты, жилищные права, юридическая значимость электронного документа, защита персональных данных, доказуемость исполнения обязанностей, электронный документооборот.

Обеспечение сохранности жилых помещений, выданных детям-сиротам по договорам специализированного найма, является одной из ключевых задач органов исполнительной власти и подведомственных учреждений. В соответствии с нормативными требованиями, специалисты Жилищного фонда обязаны ежегодно проводить осмотры жилых помещений и фиксировать результаты в актах, фиксируя наличие либо отсутствие недостатков. На практике данный процесс

сопровождается рядом организационных и технологических сложностей: дублирование данных, задержки в составлении актов, отсутствие централизованного учёта, сложности контроля сроков и исполнения поручений.

Целью настоящей работы является разработка концепции и архитектуры автоматизированной информационной системы (АИС) для контроля осмотров жилья детей-сирот, позволяющей повысить прозрачность и управ-

ляемость процесса, а также обеспечить своевременное выявление и устранение недостатков жилых помещений.

Объектом исследования выступает процесс ежегодного осмотра жилых помещений детей-сирот и документооборот, сопровождающий данный процесс. Предметом исследования являются функциональные и архитектурные требования к АИС, обеспечивающей автоматизацию ключевых этапов контроля.

Автоматизация контроля осмотров жилья детей-сирот обусловлена необходимостью обеспечить прозрачность и доказуемость исполнения органами власти своих обязанностей, закреплённых в ФЗ № 159-ФЗ и ЖК РФ, а также снизить правовые риски, связанные с ненадлежащим учётом и хранением актов осмотра.

На текущий момент процесс контроля реализуется преимущественно в ручном режиме: специалисты формируют акты осмотра на бумажных носителях, либо в офисных редакторах, ведут учёт в разрозненных электронных таблицах, а контроль сроков осуществляется через внутренние поручения и устные напоминания. Такой подход приводит к ряду существенных недостатков:

- **Дублирование и ошибки ввода данных.** При многократном переносе информации из одного документа в другой неизбежно возникают неточности, в том числе ошибки в Ф. И. О. детей-сирот, адресах жилых помещений и датах осмотров;

- **Отсутствие единого реестра.** Данные о проведённых осмотрах хранятся в разных форматах и местах, что затрудняет оперативный доступ к истории осмотров конкретного жилого помещения;

- **Низкая прозрачность исполнения.** Отсутствуют механизмы контроля сроков проведения осмотров и своевременности устранения выявленных недостатков, что может приводить к нарушениям нормативных сроков.

- **Сложность отчётности.** Формирование сводных отчётов требует значительных временных затрат и ручного сопоставления данных из разных источников.

При ручном учёте сложно подтвердить факт и сроки осмотра: иногда теряются бумажные акты, нет единой даты подписания, возникают споры о том, проводился ли осмотр. АИС фиксирует дату, время, ответственного, маршрут, приложенные фото/сканы — это снижает правовые риски для органа власти.

Эти проблемы снижают эффективность контроля и увеличивают риски ненадлежащего исполнения обязанностей со стороны ответственных специалистов.

Для устранения выявленных недостатков АИС должна обеспечивать следующие функциональные возможности:

1. Ведение централизованного реестра жилых помещений и детей-сирот, включая основные характеристики объектов и реквизиты договоров специализированного найма;
2. Планирование и контроль сроков осмотров, в том числе автоматическое формирование напоминаний о приближении срока осмотра и фиксацию факта его проведения;
3. Формирование актов осмотра в электронном виде с возможностью прикрепления фото-фиксации выяв-

ленных недостатков и электронных подписей ответственных лиц;

4. Учёт выявленных недостатков и контроль их устранения, включая назначение ответственных, сроков устранения и фиксацию результатов повторных осмотров;

5. Формирование отчётности по установленным формам, в том числе сводных отчётов по количеству проведённых осмотров, выявленных и устранённых недостатках.

Помимо функциональных требований, к системе предъявляются требования, обусловленные действующим законодательством:

- **Юридическая значимость документов.** АИС должна поддерживать квалифицированную электронную подпись (КЭП) в соответствии с ФЗ № 63-ФЗ, чтобы электронный акт осмотра имел ту же юридическую силу, что и бумажный документ.

- **Защита персональных данных.** В системе обрабатываются персональные данные детей-сирот (Ф. И. О., адреса, номера договоров и т. п.), поэтому необходимо соблюдение требований ФЗ № 152-ФЗ: разграничение прав доступа, шифрование данных, ведение журнала действий пользователей, назначение ответственного за обработку персональных данных.

- **Доказуемость и неизменяемость.** Должна быть обеспечена фиксация даты и времени создания/подписания документа, невозможность незаметного изменения акта (например, через версию и контрольные суммы), а также хранение истории изменений.

- **Соответствие данным официальных реестров.** Интеграция с ГИС ЖКХ и ЕГРН снижает риски принятия решений на основе недостоверных сведений и предотвращает правовые споры из-за расхождений в характеристиках объектов.

АИС должна поддерживать следующие роли пользователей:

- Администратор системы — отвечает за настройку справочников, управление учётными записями и правами доступа, мониторинг работоспособности системы;

- Специалист Жилищного фонда — формирует акты осмотра, фиксирует выявленные недостатки, отслеживает сроки их устранения, формирует отчётность;

- Руководитель подразделения — контролирует выполнение плановых осмотров, утверждает акты, анализирует сводные отчёты и принимает управленческие решения.

Логическая структура системы включает следующие основные модули:

- Модуль учёта объектов и договоров — хранение данных о жилых помещениях, детях-сиротах и договорах специализированного найма;

- Модуль планирования и контроля сроков — календарь осмотров, напоминания, контроль исполнения;

- Модуль формирования актов и учёта недостатков — электронные формы актов, фото-фиксация, назначение ответственных и сроков устранения;

- Модуль отчётности и аналитики — формирование отчётов, сводных таблиц и графиков.

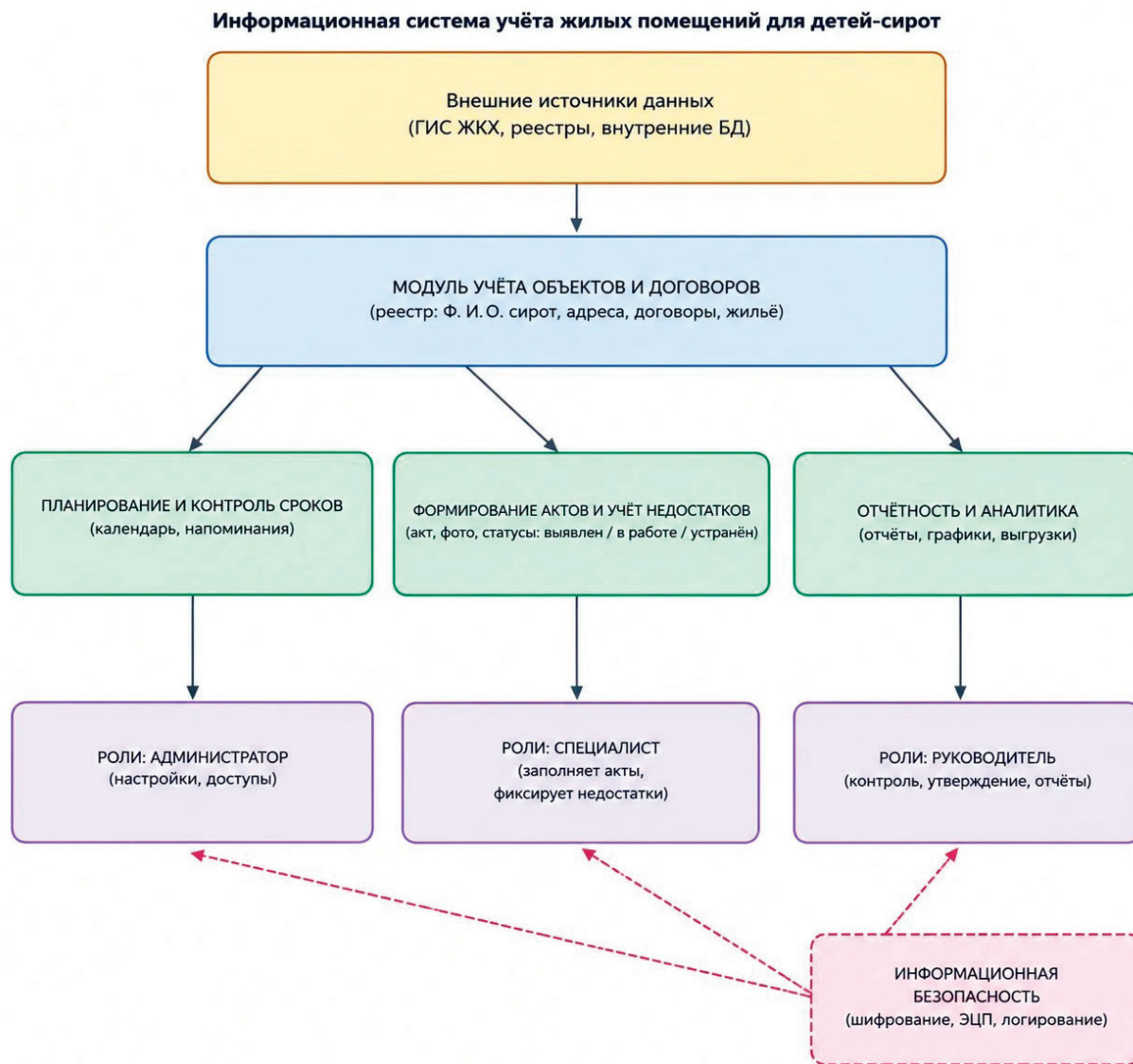

Рис. 1. Архитектура АИС контроля осмотров жилья детей-сирот

Описание блоков и связей для построения схемы:

Внешние источники данных (ГИС ЖКХ, реестры недвижимости, внутренние кадровые и договорные системы) — стрелки «входящие данные» в блок «Модуль учёта объектов и договоров».

Модуль учёта объектов и договоров (центральный реестр: Ф. И. О. сирот, адреса, номера договоров, характеристики жилья) — связан со всеми остальными модулями.

Модуль планирования и контроля сроков:

- **вход:** данные о плановых сроках осмотров из модуля учёта;
- **выход:** уведомления специалистам, журнал статусов осмотров.

Модуль формирования актов и учёта недостатков:

- **вход:** данные об объекте, плановом осмотре;
- **действия:** заполнение акта, прикрепление фото, назначение сроков устранения;
- **выход:** статусы «выявлен», «в работе», «устранён».

Модуль отчётности и аналитики:

- **вход:** агрегированные данные из всех модулей;

- **выход:** отчёты, выгрузки, графики.

Роли пользователей (отдельные блоки «Администратор», «Специалист», «Руководитель») — стрелки доступа к соответствующим модулям и функциям.

Информационная безопасность (блок «Шифрование, ЭЦП, логирование») — связан со всеми модулями, обеспечивает защиту данных и контроль действий пользователей.

Связи между блоками обозначаются стрелками с подписями: «**данные**», «**запрос**», «**уведомление**», «**утверждение**», «**отчёт**». В итоге схема должна выглядеть как центральный блок «Модуль учёта», от которого расходятся стрелки к остальным модулям, а модули связаны между собой потоками данных и статусами.

Такая архитектура позволяет обеспечить полный цикл контроля: от планирования осмотра до фиксации устранения недостатков и формирования отчётности.

Разработанная концепция АИС контроля осмотров жилья детей-сирот направлена на устранение ключевых проблем текущего процесса: дублирования данных, отсутствия единого реестра, низкой прозрачности исполнения

и сложности отчётности. Предложенная архитектура системы обеспечивает централизованное хранение данных, автоматизацию планирования и контроля сроков, формирование актов в электронном виде, учёт недостатков и контроль их устранения, а также формирование отчётности по установленным формам. Внедрение такой системы позволит повысить эффективность и прозрачность контроля, снизить риски нарушений и обеспечить надлежащее исполнение обязанностей специалистами Жилищного фонда.

В итоге, автоматизированная информационная система становится полноценным цифровым регламентом деятельности Жилищного фонда. Она не заменяет специалиста, но берёт на себя рутинные расчёты, контроль и документирование, освобождая время для содержательной работы. Единый реестр осмотров превращается в достоверный архив, который в случае споров служит объективным доказательством соблюдения процедур,

а сама работа фонда приобретает предсказуемый и управляемый характер.

Внедрение АИС контроля осмотров жилья детей-сирот позволяет достичь не только технологического, но и правового эффекта:

- обеспечивается прозрачность и доказуемость исполнения обязанностей должностных лиц;
- снижается риск нарушения жилищных прав граждан из-за ошибок учёта и пропуска сроков;
- минимизируются правовые риски органов власти в части доказывания надлежащего исполнения своих функций;
- соблюдаются требования законодательства о персональных данных и об электронных документах.

Таким образом, предложенная архитектура АИС является не просто инструментом автоматизации, а механизмом реализации и защиты жилищных прав детей-сирот и обеспечения законности деятельности органов власти.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 14.09.2026).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188ФЗ (ред. от 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 14.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152ФЗ «О персональных данных». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 14.09.2026).
4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63ФЗ «Об электронной подписи». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 14.09.2026).
5. ГОСТ Р ИСО/МЭК 12207:2010. Информационная технология. Системная и программная инженерия. Процессы жизненного цикла программных средств. — Москва: Стандартинформ, 2011. — 106 с. — Введ. 2012-03-01.
6. Письмо Министерства просвещения РФ от 28.10.2024 № АБ3122/07 «О направлении методических рекомендаций по вопросам реализации жилищных прав детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс] // СПС Консультант-Плюс. — URL: (дата обращения: 14.09.2026).
7. Иванов, А. А. Автоматизация технологических процессов и производств: учебное пособие / А. А. Иванов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Форум: Инфра-М, 2023. — 223 с.
8. Пидгаецкая Р. В., Мартюшева А. Н., Лапшина С. Н. Цифровые технологии как инструмент реализации социальных проектов // Сквозные цифровые технологии и бизнесинформатика. — С. 376–379. (УДК 004.9:330).
9. Методические рекомендации по обеспечению необходимого уровня безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий государственных корпораций, компаний с государственным участием и их дочерних организаций / Минцифры России. — 2023. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минцифры России. — URL: digital.gov.ru (дата обращения: 14.09.2026).
10. Методические рекомендации по разработке программ цифровой трансформации федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. — 2021. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минцифры России. — URL: digital.gov.ru (дата обращения: 14.09.2026).
11. Аналитический доклад «Цифровая трансформация государственного управления: лучшие практики и барьеры внедрения» / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. — Москва, 2023. — 84 с. [Электронный ресурс] // Сайт Аналитического центра при Правительстве РФ. — URL: ac.gov.ru (дата обращения: 14.09.2026).
12. Воробьёв В. В. Электронный документооборот: преимущества и недостатки: ВКР / Рос. гос. проф.-пед. унт. — Екатеринбург, 2019.
13. Мамиконян, Н. А. Цифровые платформы в государственном управлении / Н. А. Мамиконян // Молодой учёный. — 2023. — № 6 (453). — 67–71 с.
14. ГОСТ Р 59793:2021. Информационные технологии. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Стадии создания. — Москва: Стандартинформ, 2021. — 18 с.

К вопросу о прекращении права пользования жилым помещением бывших членов семьи собственника жилого помещения

Султонова Малика Зафаржоновна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Ключевые слова: бывший член семьи собственника жилого помещения, право пользования, жилое помещение.

Одним из актуальных вопросов жилищного права является определение правовых последствий прекращения семейных отношений между собственником жилого помещения и лицами, ранее являвшимися членами его семьи. По общему правилу, установленному ч. 4 ст. 31 Жилищного кодекса Российской Федерации, прекращение семейных отношений с собственником является основанием для прекращения права пользования принадлежащим ему жилым помещением бывшим членом семьи, если между сторонами не достигнуто иное соглашение. Вместе с тем указанное правило не носит безусловного характера. Жилищное законодательство предусматривает возможность сохранения за бывшим членом семьи права пользования жилым помещением при наличии определенных обстоятельств. В частности, если лицо не имеет законных оснований для приобретения или реализации права пользования другим жилым помещением, а его материальное положение либо иные заслуживающие внимания обстоятельства объективно не позволяют самостоятельно обеспечить себя жильем, суд вправе сохранить за ним право пользования жилым помещением собственника на установленный судебным решением срок. Кроме того, суду предоставлено право возложить на собственника обязанность по обеспечению бывшего супруга или иных членов его семьи другим жилым помещением. Такая возможность предусмотрена в отношении лиц, в пользу которых собственник исполняет алиментные обязательства, при условии предъявления соответствующего требования заинтересованными лицами. Следовательно, прекращение семейных отношений, как правило, влечет прекращение права бывшего члена семьи на пользование жилым помещением собственника. В соответствии с ч. 1 ст. 35 ЖК РФ такое лицо обязано освободить занимаемое жилое помещение. При отказе добровольно исполнить данную обязанность собственник вправе обратиться в суд с требованием о выселении без предоставления другого жилого помещения. При этом законодатель допускает исключение из общего правила в тех случаях, когда имеются объективные обстоятельства, препятствующие бывшему члену семьи собственника самостоятельно обеспечить себя иным жильем. При установлении таких обстоятельств суд может временно сохранить за ним право пользования спорным жилым помещением.

Согласно судебной практике, бремя доказывания наличия оснований для сохранения права пользования жилым помещением возлагается на бывшего члена семьи

собственника жилого помещения. Согласно разъяснению, содержащимся в п. 13 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 02 июля 2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», по общему правилу, в соответствии с ч. 4 ст. 31 ЖК РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением собственника с бывшим членом его семьи. Конституционный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях неоднократно обращал внимание на необходимость учета конкретных обстоятельств дела при разрешении споров о прекращении права пользования жилым помещением. Несмотря на предоставленную суду возможность определять продолжительность периода, в течение которого за бывшим членом семьи может сохраняться право пользования жилым помещением, а также решать вопрос о возложении на собственника обязанности предоставить иное жилое помещение, соответствующие полномочия должны реализовываться с учетом фактических обстоятельств дела. Иными словами, суду надлежит установить, существуют ли предусмотренные законодательством основания для сохранения за бывшим членом семьи права пользования спорным жилым помещением. При разрешении вопроса о выселении необходимо исследовать имущественное положение заинтересованного лица, наличие у него возможности пользоваться другим жилым помещением, продолжительность проживания в спорном помещении и иные юридически значимые обстоятельства. Следовательно, выселение бывшего члена семьи собственника не может осуществляться автоматически вследствие самого факта прекращения семейных отношений и должно быть предварительно предметом судебной проверки с установлением всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения спора.

Проведенный анализ норм действующего жилищного законодательства позволяет заключить, что отдельные положения, регулирующие право пользования жилым помещением членами семьи собственника, сформулированы достаточно широко и не обеспечивают исчерпывающей регламентации соответствующих правоотношений. В частности, законодательство не содержит детализированных требований относительно содержания и формы соглашений, которые могут заключаться между собствен-

ником жилого помещения и членами его семьи, а также не устанавливает в полном объеме механизм прекращения права пользования жилым помещением при изменении семейных отношений. Так, на основании сложившейся судебной практики, сохранение права пользования за бывшим членом семьи на определенный срок допускается при наличии следующих обстоятельств: отсутствие у бывшего члена семьи собственника жилого помещения оснований приобретения или осуществления права пользования иным жилым помещением (то есть у бывшего члена семьи собственника не имеется другого жилого помещения в собственности, отсутствует право пользования другим жилым помещением по договору найма); бывший член семьи не является участником договора долевого участия в строительстве жилого дома, квартиры или иного гражданского правового договора на приобретение жилья и др.; отсутствие у бывшего члена семьи собственника возможности обеспечить себя иным жилым помещением (купить квартиру, заключить договор найма жилого помещения и др.) по причине имущественного сложного положения (отсутствует заработок, недостаточно средств) и других обстоятельств (состояние здоровья, нетрудоспособность по возрасту или состоянию

здоровья, наличие нетрудоспособных иждивенцев, потеря работы, учеба и т. п.).

Недостаточная конкретизация отдельных законодательных положений обуславливает возникновение правовых споров, разрешение которых в значительной степени осуществляется судами с учетом фактических обстоятельств конкретного дела, имущественного положения заинтересованных лиц, наличия у них возможности пользоваться иным жилым помещением и иных юридически значимых факторов. В связи с этим дальнейшее развитие жилищного законодательства и судебной практики должно быть ориентировано на повышение определенности правового регулирования и выработку единых подходов к разрешению возникающих споров. При этом особое значение имеет обеспечение справедливого баланса между правом собственника на распоряжение принадлежащим ему жилым помещением и защитой жилищных интересов лиц, право пользования которых возникло в связи с семейными отношениями. Такой подход позволит обеспечить надлежащую защиту прав всех участников жилищных правоотношений и снизить количество спорных ситуаций, требующих судебного разрешения.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04 августа 2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. № 25. — Ст. 2954; 2026. — № 54. Ст. 6930.
1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 70.

Проблемы защиты прав потребителей в суде

Тимонов Тимофей Александрович, студент
Санкт-Петербургская юридическая академия

В статье рассматриваются отдельные проблемы, связанные с концепцией неограниченной защиты прав добросовестного приобретателя, и даётся объективная оценка причин, опровергающих это. Анализируются пробелы в законодательстве, регулирующем защиту прав потребителя, затрагивается вопрос, насколько возможно потребителю самостоятельно доказать свою правоту. Данная статья написана на основании научных работ, анализа норм законодательных актов и нормативных документов, изучения материалов судебной практики.

Ключевые слова: потребитель, права потребителя, оказание услуг, добросовестный приобретатель.

Problems of protecting consumer rights in court

Timonov Timofey Aleksandrovich, student
St. Petersburg Law Academy

The article examines certain issues related to the concept of unlimited protection of the rights of a bona fide purchaser and provides an objective assessment of the reasons that refute this. Gaps in the legislation regulating the protection of consumer rights are analysed, and the question of how possible it is for a consumer to prove their case on their own is addressed. This article is based on scientific works, an analysis of the provisions of legislative acts and regulatory documents, and the study of judicial practice materials.

Keywords: consumer, consumer rights, provision of services, bona fide purchaser.

Защита прав потребителя играет важную роль в регулировании рынка товаров и услуг, делая его более безопасным и положительно влияющим на его развитие в целом. Законодательно права потребителя закреплены в Законе «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей). Кроме этого, имеются статьи в Гражданском кодексе Российской Федерации [3] (далее ГК РФ), других законодательных актах и Постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ.

В первую очередь многие базовые права потребителя вытекают из общих норм ГК РФ. Например, ст. 503 ГК РФ прямо закрепляет права покупателя, если ему продали товар ненадлежащего качества: потребовать замены, соразмерного уменьшения цены, безвозмездного устранения недостатков или возмещения расходов на их исправление. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [4] (далее ГПК РФ) определяет территориальную и родовую подсудность рассмотрения дел о защите прав потребителей (ст. 29 ГПК РФ).

Далее следуют специальные федеральные законы для отдельных сфер. В каждой области есть свой специальный закон, который добавляет права потребителям. Например: Воздушный кодекс Российской Федерации [5] (далее ВК РФ) регулирует права пассажиров: при задержке или отмене рейса перевозчик обязан организовать определённые бесплатные услуги (гостиница, питание), а также выплатить штраф за просрочку. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [6] (далее Федеральный закон об основах туристской деятельности) устанавливает права туристов, например, право на информацию об услуге и на возмещение убытков при её ненадлежащем оказании. Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [7] содержит специальные правила для участников долевого строительства, включая права дольщиков. Федеральный закон «О связи» [8] (далее Федеральный закон о связи) гарантирует право потребителя передавать и получать сообщения (п. 1 ст. 62), право на информацию (п. 2 ст. 62). В частности, оператор обязан уведомлять об изменении тарифов не менее чем за 10 дней до их введения (п.п. «в» п. 31 Правил оказания услуг связи по передаче данных [9]). Также гарантирует тайну связи (ст. 63), право сменить оператора с сохранением номера (п. 4 ст. 44), право на согласие при предоставлении контентных услуг (п. 5 ст. 44).

На основе и во исполнение законов Правительство РФ утверждает подзаконные акты. Например:

Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется

требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [10] утверждает правила продажи товаров по договору розничной купли-продажи и закрепляет, в частности, права потребителей на получение информации о товаре, на проверку правильности цены и веса, а также правила дистанционной продажи. Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 г. № 1514 «Об утверждении Правил бытового обслуживания населения» [11] регулирует отношения в сфере бытового обслуживания, включая требования к информации об услугах и порядку оформления заказов.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [12], разъясняет судам практику применения Закона о защите прав потребителей, делая её единой, и разбирает сложные моменты, которые возникали у судей при рассмотрении таких дел. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017 г.) [13], закрепляет важную правовую позицию: **при сомнениях в толковании условий договора добровольного страхования (изложенного в полисе и правилах страхования) и при невозможности чётко установить действительную общую волю сторон с учётом цели договора — нужно применять толкование, наиболее благоприятное для потребителя.**

Если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

Российское законодательство содержит ряд пробелов, которые могут поставить потребителя в уязвимое положение. Более того, действующая законодательная база не всегда предлагает реальные возможности быстро и эффективно защитить права потребителя. Некоторые пробелы в Законе о защите прав потребителей:

— **Понятийный аппарат.** В законе прямо не закреплены определения ключевых категорий. Например, нет конкретного определения понятия «потребитель» [1, с. 11]. Также нет чёткой дефиниции ни для «товара», ни для «качества товара» — закон ограничивается отсылкой к соответствию определённым требованиям. Из-за этого, судьям и участникам споров приходится опираться на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ (например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17), что не всегда одинаково трактует закон [1, с. 18].

— **Нечёткость в вопросах информации.** Закон говорит, что продавец обязан предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию, но не фиксирует жёстко, в какой именно форме, и в каком объёме это должно быть сделано. На практике это порождает споры: где грань между «информацией, достаточной для выбора» и «обязательным минимумом по закону» [1, с. 24, 25].

— **Отставание от развития рынка.** Законодательство не всегда оперативно реагирует на новые реалии. Например, активно растут онлайн-торговля, цифровые услуги, сервисы доставки, а специальных норм, учитывающих специфику этих сфер (сложные условия возврата в интернет — магазинах, защита прав при подписке, обработка персональных данных), в законе недостаточно. В результате возникают «серые зоны», где права потребителя оказываются под угрозой.

— **Несогласованность норм.** Зачастую разные законы или подзаконные акты, регулирующие смежные вопросы (например, технические регламенты, правила продажи отдельных видов товаров, специальные законы для отдельных видов услуг — доленое строительство, страхование), вступают в противоречие с Законом о защите прав потребителей. Это создаёт правовую неопределённость: не всегда сразу понятно, какую норму применять в конкретной ситуации [1, с. 16–18].

— **Сложности механизма защиты.** Закон даёт право на защиту, но не прописывает детальный механизм его реализации. Например, не чётко прописаны сроки, в которые потребитель должен предъявить требование, или как именно доказывать факт нарушения (особенно в случаях с онлайн-заказами или сложными техническими дефектами).

— **Пробелы в регулировании отдельных категорий споров.** Закон в целом универсален, но некоторые специфические сферы (например, отдельные аспекты финансовых услуг, медицинских вмешательств, некоторых видов цифровых сервисов) могут регулироваться специальными законами, и тогда возникает вопрос, как соотносить эти нормы с общими положениями Закона о защите прав потребителей [1, с. 19].

Зачастую именно потребителям приходится доказывать правоту в отстаивании своих законных прав.

Первоначально, как предусматривает юридическая практика — потребитель обязан попытаться решить проблему путём переговоров. Многие лояльные продавцы (поставщики), осознавая свои ошибки, разумно оценивают риски и идут навстречу потребителям, будь то небольшие магазины, крупные банки или огромные торговые интернет — площадки (маркетплейсы).

Если же переговоры не принесут желаемого успеха и потребитель решит самостоятельно подать заявление в суд, то тут его могут поджидать немало трудностей, связанных не столько, со знанием законов, обеспечивающих его права, сколько со знанием ГПК РФ.

Первая трудность, с которой может столкнуться потребитель, впервые решивший обратиться в суд — это то, что до подачи искового заявления, истец обязан на-

править ответчику досудебное требование (претензию), о чём обыватель может также не иметь представления. **Частью 4 ст. 3 ГПК РФ**, претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора не предусмотрен федеральным законом для некоторых категорий споров. Как разъяснено п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» [14]: данное условие о соблюдении досудебного порядка урегулирования потребительского спора, если такой порядок не установлен законом, может являться ничтожным в силу п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей и п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Но есть исключения, когда предусмотрен обязательный претензионный, досудебный порядок урегулирования спора, предусмотренный федеральными законами, например: споры по качеству услуг связи (п. 4 ст. 55 Федерального закона о связи); претензии к туроператору по туристскому продукту (ч. 8 ст. 10 Федерального закона об основах туристской деятельности); споры о взыскании обязательных платежей и санкций; споры при расторжении договора аренды и другие.

В таких случаях подать иск можно только после того, как была направлена претензия и получен отказ (или не получен ответ в установленный срок).

Вторая трудность — это определение родовой подсудности дела, понимание в какой суд обратиться. На это влияет: сумма иска, затронуты имущественные или неимущественные права и другие аспекты.

Существует ещё один нюанс в определении судебной инстанции для направления иска. В связи с поправками в ГПК РФ, вступившими в силу с 1 октября 2019 г., в настоящее время мировые судьи рассматривают дела о защите прав потребителей при цене иска до ста тысяч рублей. Истцы со ссылкой на ст. 15 Закона о защите прав потребителей зачастую, помимо имущественных требований, заявляют требования о компенсации морального вреда. Казалось бы, требование компенсации морального вреда — неимущественное, поэтому с теоретических позиций логично было бы рассматривать такой иск в районном суде. Однако, в том случае, если потребитель заявляет только лишь требование о компенсации морального вреда, то данный иск (как неимущественный) подлежит рассмотрению по первой инстанции в районном суде. Если же заявлены какие-то имущественные требования (например, о взыскании неустойки) и в дополнение к ним — требование о компенсации морального вреда, то родовая подсудность дела (райсуду или мировому судье) зависит от цены иска. Сумма запрашиваемой компенсации морального вреда в цену иска не включается [2, с. 7].

Третья трудность — это уплата государственной пошлины, так как её размер варьируется и определяется несколькими ключевыми факторами, которые закреплены в гл. 25.3 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) [15] (ст. 333.19 для судов общей юрис-

дикции и мировых судей, ст. 333.21 для арбитражных судов), которая зависит от **характера требований**. Требования делятся на **имущественные** и **неимущественные**.

Неимущественные требования (компенсация морального вреда) облагаются фиксированной суммой для физических лиц — **3 000 руб.**

Имущественные требования (подлежат денежной оценке) также требуют оплаты государственной пошлины, но истцы — по искам, связанным с нарушением прав потребителей, освобождаются от её уплаты в случае, если цена иска не превышает 1 000 000 руб. В случае, если цена иска превышает 1 000 000 руб., указанные плательщики уплачивают государственную пошлину в сумме, от 4000 руб. плюс 3% суммы, превышающей 100 000 руб., до 314 000 руб. плюс 0,15% суммы, превышающей 100 000 000 руб., в зависимости от цены иска. То же самое касается, при подаче в суды общей юрисдикции, а также мировым судьям исковых заявлений, содержащих одновременно требования имущественного и неимущественного характера.

Ещё одной из наиболее существенных трудностей является — сбор доказательной базы. Начиная от правильной фото и видеофиксации некачественного товара или его повреждений, заканчивая получением заключения экспертизы, если таковая потребуется. Ведь именно от качества и полноты информации, представленной в исковом заявлении — будет напрямую зависеть результат рассмотрения дела.

На данный момент, государством предпринят определённый ряд мер по упрощению способов отстаивания потребителями своих законных прав. Такие, как отмена уплаты государственной пошлины за подачу иска о защите прав потребителя, если цена иска не превышает 1 000 000 руб. А также возможность подачи через **«Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»** (далее ЕПГУ) обращения в электронном виде к финансовому уполномоченному (омбудсмену), чтобы разрешить спор с финансовой организацией (банком, страховой компанией, микрофинансовой организацией и т. д.) **или подать исковое заявление**. Но механизм подачи иска всё равно остаётся непростым.

В связи с этим, существует множество предложений от различных юридических фирм, которые готовы оказать юридическую поддержку на начальном этапе, для защиты своих прав. Однако на практике — это либо лишь способ, чтобы заполучить нового клиента, либо они быстро теряют интерес, если осознают ничтожность выгоды.

И, если потребителя данной услуги не устроит её качество, то здесь снова его ждёт разочарование, ведь на отнесения по оказанию профессиональной юридической помощи адвокатами — законодательство, регулирующее отношения в области защиты прав потребителей, не применяется. Это прямо закреплено в судебной практике — в частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17. Поэтому, когда возникает спор (например, о качестве оказанной помощи), к нему применяются нормы самого ГК РФ (о договоре возмездного оказания услуг) и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [16], а не положения Закона о защите прав потребителей. Из-за этого доверитель не сможет, например, воспользоваться льготами по госпошлине или взыскать штраф за отказ решить вопрос в добровольном порядке — такие механизмы просто не предусмотрены для этой сферы. На практике это значит: если вы считаете, что адвокат нарушил условия соглашения, вам нужно строить защиту на общих гражданско-правовых основаниях (ненадлежащее исполнение, существенное нарушение договора и т. п.), а не ссылаясь на Закон о защите прав потребителей.

Поэтому, на практике, рассмотрение исковых заявлений, направленных даже мировым судьям, часто могут затягиваться на годы, что может оттолкнуть потребителя от отстаивания своих законных прав, а действующая правовая база не всегда адекватно и оперативно защищает потребителей, особенно тех, кто не готов тратить много сил и времени на это или считает, что затраты на отстаивание своих законных прав не стоят того, либо не уверены в положительном исходе дела.

Возможным вариантами решения этой проблемы было бы расширение программ внесудебного урегулирования и упрощение процедуры подачи искового заявления через портал ЕПГУ, а именно — формирования искового требования путём заполнения определённого алгоритма, как это реализовано в случае с досудебным обращением к финансовому омбудсмену. Вполне вероятно, что это в первое время увеличило бы нагрузку на суды, ввиду возросшего числа исковых обращений, но в перспективе — их количество объективно должно снизиться, так как недобросовестные продавцы или поставщики услуг предпочтут сразу вести диалог с покупателем на этапе переговоров или досудебного обращения, чтобы минимизировать для себя убытки, связанные с судебными штрафами и компенсацией судебных издержек, понимая, что суд неизбежен, а решение будет не в их пользу.

Литература:

1. Зыбина О. С., Барило С. Е., Толстова А. Е. Потребительское право: учебное пособие // Санкт-Петербург: АНО ВО «СЮА». 2021. — 124 с.
2. Степанова Е. Е. Проблемы защиты прав потребителей (по материалам судебной практики мировых судей Санкт-Петербурга и Ленинградской области): учебное пособие // Санкт-Петербург: Гамма. 2023. — 82 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // СЗ РФ. 5 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301 (ред. от 04.08.2026 г.).

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 18 ноября 2002 г. № 46. Ст. 4532 (ред. от 04.08.2026 г.).
5. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // СЗ РФ. 24 марта 1997 г. № 12. Ст. 1383 (ред. от 25.05.2026 г.).
6. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2 декабря 1996 г. № 49. Ст. 5491 (ред. от 04.07.2026 г.).
7. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 3 января 2005 г. № 1 (часть I). Ст. 40 (ред. от 09.04.2026 г.).
8. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. 14 июля 2003 г. № 28. Ст. 2895 (ред. от 04.08.2026 г.).
9. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2021 г. № 2606 «Об утверждении Правил оказания услуг связи по передаче данных» // СЗ РФ. 17 января 2022 г. № 3. Ст. 578 (ред. от 26.12.2024 г.).
10. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». — URL: <https://base.garant.ru/400170336/?ysclid=mt06iqri75859927664> (дата обращения: 05.09.2026 г.).
11. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2020 г. № 1514 «Об утверждении Правил бытового обслуживания населения» // СЗ РФ. 5 октября 2020 г. № 40 ст. 6255 (ред. от 21.09.2020 г.).
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70094860/?ysclid=mt06tvu933162576591> (дата обращения: 05.09.2026 г.).
13. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017 г.). — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71745382/?ysclid=mt06v3k71g870221115> (дата обращения: 05.09.2026 г.).
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400837489/?ysclid=mt0728ovdv882284083> (дата обращения: 05.09.2026 г.).
15. Налоговый кодекс Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (часть вторая) // СЗ РФ. 7 августа 2000 г. № 32. Ст. 3340 (ред. от 04.08.2026 г.).
16. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 10 июня 2002 г. № 23. Ст. 2102 (ред. от 22.04.2024 г.).

Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершенных лицами при исполнении своих профессиональных обязанностей, по законодательству Российской Федерации

Тян Данна Георгиевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются криминологические признаки преступлений, совершаемых лицами при исполнении профессиональных обязанностей, с учетом российского уголовного и антикоррупционного законодательства. Обосновано, что данная категория деяний шире традиционного понятия должностной преступности, поскольку включает преступления публичных должностных лиц, работников организаций, лиц с управленческими функциями, специалистов, обладающих профессиональным доступом к документам, имуществу, информации, пациентам, обучающимся или административным процедурам. Анализируются типичные способы совершения таких преступлений, личностные особенности субъектов, детерминанты преступного поведения и основные направления предупреждения. Сделан вывод о необходимости сочетания уголовно-правового реагирования, ведомственного контроля, цифровой прослеживаемости решений, антикоррупционного комплаенса и индивидуальной профилактики.

Ключевые слова: криминология, должностные преступления, коррупция, профессиональные обязанности, служебные полномочия, злоупотребление полномочиями, предупреждение преступлений, Российская Федерация.

Преступления, совершаемые лицами при исполнении профессиональных обязанностей, относятся к числу наиболее социально опасных форм преступного поведения, поскольку подрывают доверие к государственным органам, муниципальной службе, коммерческим и некоммерческим организациям, системе здравоохранения, образования, правоохранительной деятельности и иным общественно значимым институтам. Их специфика состоит в том, что преступный результат достигается не только за счет общих возможностей виновного лица, но и за счет использования служебного статуса, профессионального доступа, организационной власти, специальных знаний, доверия работодателя или граждан.

Актуальность темы усиливается тем, что современная профессиональная деятельность становится все более регламентированной, цифровой и документированной, однако это не исключает злоупотреблений. Напротив, в условиях сложных процедур, большого объема ведомственной отчетности, электронных реестров и публичных закупок появляются новые формы сокрытия преступлений: формальное соблюдение документации при фактическом нарушении интересов службы, подмена реальных действий фиктивными отчетами, использование служебного положения для извлечения выгоды третьими лицами, манипулирование информационными системами и конфликт интересов.

Для российского права ключевое значение имеют нормы главы 30 УК РФ о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, положения о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях, а также составы против собственности и порядка управления, совершенные с использованием служебного положения. При этом криминологический подход требует рассматривать не только юридическую квалификацию, но и причины, условия, личность преступника, механизм совершения деяния, латентность и меры предупреждения.

Цель статьи — дать криминологическую характеристику преступлений, совершаемых лицами при исполнении профессиональных обязанностей, и определить основные направления их предупреждения в Российской Федерации. Для достижения цели необходимо: раскрыть уголовно-правовые границы рассматриваемой группы деяний; охарактеризовать личность преступника и типичные способы совершения преступлений; определить причины и условия таких преступлений; предложить систему профилактических мер общего, специального и индивидуального характера.

Понятие преступлений, совершенных лицами при исполнении профессиональных обязанностей, не закреплено в УК РФ как самостоятельная уголовно-правовая

категория. Поэтому в научном и прикладном смысле его следует рассматривать как криминологическое обобщение различных составов, объединенных общим признаком: виновный использует профессиональный статус, служебные полномочия, доверенное имущество, документы, сведения, доступ к гражданам или организационным решениям для совершения общественно опасного деяния.

Наиболее близким к этой группе является понятие должностных преступлений. Согласно примечанию к статье 285 УК РФ, должностными лицами признаются лица, которые постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляют функции представителя власти либо выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях и ряде иных организаций [1]. Однако преступность лиц при исполнении профессиональных обязанностей охватывает не только публичную службу. К ней могут относиться преступления руководителей и работников коммерческих организаций, врачей, педагогов, бухгалтеров, инженеров, охранников, специалистов по закупкам, сотрудников банков, частных управляющих и иных лиц, если преступление причинно связано с выполнением ими профессиональных функций.

С практической точки зрения данную группу деяний можно разделить на несколько блоков. Первый блок составляют преступления публичных должностных лиц: злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, получение взятки, служебный подлог, халатность и иные преступления главы 30 УК РФ. Второй блок включает преступления лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, например, злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп. Третий блок образуют общеуголовные преступления, квалифицируемые с учетом служебного положения: мошенничество, присвоение или растрата, фальсификация документов, незаконное использование информации, нарушение требований охраны труда, профессиональная халатность в сфере безопасности.

Для отграничения таких деяний от обычной преступности важно установить три обстоятельства. Во-первых, лицо должно обладать определенной профессиональной ролью, полномочием или доступом. Во-вторых, преступление должно быть совершено в связи с исполнением обязанностей либо с использованием возможностей, возникших именно благодаря работе. В-третьих, вред должен затрагивать не только отдельного потерпевшего, но и нормальную деятельность организации, службы, рынка, публичного управления или доверие к профессии.

Криминологическая характеристика рассматриваемых преступлений включает сведения о состоянии, структуре, динамике, личности преступника, мотивации, способах совершения, механизме сокрытия и условиях, способствующих преступному поведению. В отличие от криминалистической характеристики, ориентированной преимущественно на раскрытие и расследование, криминологическая характеристика необходима для понимания причин преступности и построения профилактики.

По объекту посягательства данные преступления имеют сложный характер. Непосредственно нарушаются интересы службы, порядок управления, имущественные интересы организации или граждан, права личности, безопасность профессиональной деятельности. Одновременно причиняется более широкий социальный вред: формируется недоверие к органам власти и профессиям, снижается дисциплина исполнения обязанностей, закрепляется представление о допустимости «решения вопросов» через личные связи и вознаграждения.

По данным, раскрытым Генеральной прокуратурой РФ для аналитического материала РБК, в 2024 году было выявлено 38,5 тыс. коррупционных преступлений, что на 5,7 % больше, чем в 2023 году; в первом квартале 2025 года выявлено 15 458 таких преступлений, то есть на 24 % больше, чем в первом квартале 2024 года [8]. Эти сведения не исчерпывают всей рассматриваемой группы деяний, поскольку не каждое преступление при исполнении профессиональных обязанностей является коррупционным. Тем не менее они показывают устойчивую значимость служебно-коррупционного компонента в структуре преступности.

Особенностью рассматриваемой преступности является высокая латентность. Потерпевший может быть не заинтересован в заявлении о преступлении, если сам участвовал в незаконной сделке, опасается последствий или зависит от виновного лица. В организациях нарушения нередко маскируются внутренними документами, фиктивными актами, заключениями комиссий, служебными записками, электронными записями и формальным соблюдением процедуры. Поэтому зарегистрированные показатели отражают прежде всего выявленную часть преступности, а не полный масштаб явления.

Личность преступника обычно характеризуется сочетанием профессиональной компетентности и деформации правосознания. Виновное лицо, как правило, понимает порядок документооборота, слабые места контроля, полномочия коллег, сроки проверок, порядок согласования решений. Это позволяет планировать деяние, выбирать способ сокрытия и снижать риск обнаружения. При этом преступник может воспринимать противоправное поведение как «компенсацию» за низкую оплату труда, как обычай служебной среды или как способ ускорения бюрократических процедур.

Мотивация таких преступлений чаще всего корыстная, однако она не сводится только к получению денег. Значимыми мотивами выступают карьерный интерес, стремление сохранить должность, корпоративная лояльность,

желание помочь знакомым или связанным организациям, уклонение от ответственности за прежние нарушения, давление руководства, стремление повысить показатели работы любой ценой. Для неосторожных преступлений характерны самоуверенность, профессиональная рутина, недооценка риска и формальное отношение к требованиям безопасности.

Типичными способами совершения преступлений выступают: принятие незаконного решения в пределах формальной компетенции; совершение действий, явно выходящих за пределы полномочий; оформление фиктивных документов; сокрытие нарушений отчетностью; предоставление преимуществ отдельным лицам или организациям; завышение стоимости работ и услуг; присвоение имущества, находящегося в ведении лица; использование служебной информации; бездействие при наличии обязанности предотвратить вред; создание видимости законности через комиссии, акты, экспертизы или согласования.

Особое место занимает преступность сотрудников правоохранительных, контрольных и надзорных органов. Ее общественная опасность повышена, поскольку такие лица обладают властными полномочиями и профессиональными знаниями о механизмах выявления преступлений. Нарушение ими закона снижает доверие к правосудию и может препятствовать защите прав граждан. Поэтому профилактика в этой сфере должна включать не только общий контроль, но и специальные механизмы внутренней безопасности, ротации, декларирования интересов и анализа нестандартных решений.

Причины и условия рассматриваемых преступлений имеют многоуровневый характер. На общесоциальном уровне значимы дефицит доверия к публичным процедурам, представление о коррупции как о «нормальном» способе решения бытовых и предпринимательских вопросов, низкая правовая культура, слабая защищенность лиц, сообщающих о нарушениях, а также терпимость к конфликту интересов. Эти факторы формируют социальную среду, в которой незаконное использование профессионального статуса воспринимается не как исключение, а как возможная практика.

На организационном уровне преступления способствуют непрозрачное распределение полномочий, отсутствие разделения функций между принятием решения, исполнением и контролем, зависимость проверяющих от проверяемых, слабое внутреннее расследование, формальный документооборот, недостаточная автоматизация учета, отсутствие регулярного аудита и неэффективное реагирование на дисциплинарные нарушения. Чем больше решение зависит от одного сотрудника и чем меньше внешняя проверяемость такого решения, тем выше криминогенный риск.

На индивидуальном уровне важны профессиональная деформация, снижение критичности к нарушениям, привыкание к мелким отступлениям от правил, корыстная установка, чувство безнаказанности, зависимость от руководителя или группы, а также наличие долгов, кон-

фликтов интересов, неформальных обязательств перед родственниками, знакомыми или предпринимательскими структурами. Нередко преступное поведение развивается постепенно: от малозначительных дисциплинарных нарушений и неэтичного поведения к систематическому использованию полномочий в личных целях.

Отдельным условием является несовершенство контроля за цифровыми следами. Электронные системы позволяют фиксировать действия пользователя, но при отсутствии аналитики, разграничения прав доступа, двухконтурного согласования и регулярной проверки логов они не исключают злоупотреблений. В цифровой среде преступление может выглядеть как обычная операция, если не применяется риск-ориентированный анализ отклонений: необычно частые решения в пользу одного контрагента, операции в нерабочее время, ручное изменение данных, совпадение IP-адресов, повторяемость оснований для списания или возврата средств.

В криминологическом смысле важны также корпоративные нормы. Если в коллективе считается допустимым «прикрывать» ошибки коллег, выполнять устные указания вопреки регламенту, подписывать документы без фактической проверки, принимать подарки за профессиональные действия, то возникает групповая терпимость к нарушениям. Такая среда облегчает не только совершение преступлений, но и их длительное сокрытие.

Предупреждение преступлений, совершаемых при исполнении профессиональных обязанностей, должно строиться как система мер, направленных на устранение криминогенных факторов, снижение возможностей злоупотребления и формирование неизбежности выявления нарушений. Одного уголовного наказания недостаточно: оно реагирует на уже совершенное деяние, тогда как профилактика должна снижать риск преступного поведения до причинения вреда.

Общесоциальное предупреждение включает повышение правовой культуры, развитие нетерпимости к коррупции и служебным злоупотреблениям, открытость публичных процедур, доступность жалоб и обращений, общественный контроль, антикоррупционное просвещение и формирование этических стандартов профессии. Федеральный закон № 273-ФЗ закрепляет предупреждение коррупции, борьбу с ней и минимизацию последствий коррупционных правонарушений как элементы противодействия коррупции [2]. В прикладном плане это означает необходимость не только выявлять виновных, но и устранять условия, при которых профессиональный статус превращается в источник незаконных выгод.

Специально-криминологические меры должны быть ориентированы на конкретные сферы риска: государственные закупки, разрешительные процедуры, контроль и надзор, управление государственным и муниципальным имуществом, бюджетные расходы, здравоохранение, образование, правоохранительную деятельность, банковские операции, бухгалтерский учет и материальную ответственность. В этих сферах целесообразны риск-карты

должностей, обязательная проверка конфликтов интересов, электронная прослеживаемость решений, ограничение единоличного усмотрения, ротация работников на коррупционно опасных участках, внезапные проверки и независимый аудит.

Организационная профилактика должна включать четкое закрепление полномочий, принцип «двух пар глаз» при принятии значимых решений, разделение функций заказчика, исполнителя и контролера, ведение журналов доступа к данным, запрет на неформальные поручения, защиту сотрудников, сообщающих о нарушениях, обязательное документирование причин отклонения от стандартной процедуры. В коммерческих организациях важную роль играет комплаенс: кодекс этики, проверка контрагентов, антикоррупционные оговорки в договорах, обучение работников, горячая линия, внутренние расследования и персональная ответственность руководителей подразделений.

Индивидуальная профилактика предполагает выявление сотрудников, находящихся в зоне повышенного риска. Основанием для профилактической работы могут быть систематические дисциплинарные нарушения, жалобы граждан, необъяснимое изменение уровня жизни, частые контакты с заинтересованными контрагентами, конфликты интересов, отказ от отпуска на материально ответственной должности, сопротивление внутреннему контролю, попытки работать вне информационных систем. Реакция должна быть правовой и соразмерной: служебная проверка, наставничество, ограничение доступа, дополнительный контроль, ротация, дисциплинарные меры, передача материалов в правоохранительные органы при наличии признаков преступления.

Важным направлением выступает совершенствование работы с документами. Большая часть служебных преступлений оставляет следы в приказах, актах, договорах, счетах, реестрах, табелях, медицинской документации, образовательных ведомостях, протоколах комиссий и электронных журналах. Поэтому профилактика должна включать стандарты проверки документов, запрет подписания без фактической проверки, автоматическое сопоставление данных из разных источников, контроль исправлений, хранение цифровых логов и персональную идентификацию пользователя, совершившего операцию.

Не менее важна виктимологическая профилактика. Граждане и организации должны иметь понятные способы защиты от злоупотреблений: электронные жалобы, возможность обжалования решений, доступ к информации о ходе рассмотрения заявления, независимые каналы связи, право на получение письменного отказа с мотивировкой, консультации по защите прав. Чем проще потерпевшему сообщить о нарушении и чем ниже риск негативных последствий, тем меньше латентность преступности.

Уголовно-правовое предупреждение сохраняет значение как средство общей и специальной превенции. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по делам о злоупотреблении и превышении должностных полно-

мочий указывают на необходимость устанавливать, какие именно права и интересы были нарушены и находится ли вред в причинной связи с нарушением служебных полномочий [5]. По делам о взяточничестве и коммерческом подкупе судебная практика акцентирует внимание на связи вознаграждения с действиями, которые должностное лицо или управленец мог совершить с использованием служебного положения [6]. Эти подходы важны для единообразной квалификации и для профилактической оценки организационных причин преступления.

Эффективная модель предупреждения должна быть многоуровневой. На первом уровне необходимо проводить криминологическую диагностику профессиональной среды: определять должности с повышенным риском, анализировать жалобы, оценивать частоту исключений из стандартных процедур, выявлять участки с высоким уровнем личного усмотрения. На втором уровне следует создавать организационные барьеры: разделение полномочий, электронные следы, контроль конфликтов интересов, аудиторские проверки, прозрачные регламенты. На третьем уровне должны применяться индивидуальные меры: обучение, предупреждение, служебные проверки, ротация, дисциплинарная ответственность и передача материалов в правоохранительные органы.

Важным элементом является постоянная оценка эффективности профилактики. Недостаточно принять локальный акт или провести разовое обучение. Необходимо отслеживать, снизилось ли количество жалоб, сократилось ли число ручных операций, уменьшилась ли доля решений в пользу связанных лиц, выявляются ли конфликты интересов до принятия решения, возвращается ли ущерб, устраняются ли причины, указанные в частных постановлениях и представлениях правоохранительных органов.

Для государственных и муниципальных органов целесообразно формировать ежегодные карты коррупционных и служебных рисков по должностям и процедурам. Для коммерческих организаций — внедрять риск-ориентированный комплаенс, особенно в закупках, продажах,

логистике, бухгалтерии, кадровой работе и взаимодействии с государственными органами. Для социально значимых профессий — усиливать профессиональную этику, независимый контроль качества и обязательное реагирование на сигналы о нарушениях.

Преступления, совершаемые лицами при исполнении профессиональных обязанностей, представляют собой сложную криминологическую категорию, объединяющую должностные, коррупционные, имущественные, управленческие и профессионально-неосторожные деяния. Их общий признак состоит в использовании профессионального статуса, служебных полномочий, специальных знаний, доступа к документам, имуществу, информации или гражданам.

Криминологическая характеристика таких преступлений показывает, что они отличаются высокой латентностью, планируемым характером, зависимостью способа совершения от должностных полномочий, сочетанием корыстных и карьерно-служебных мотивов, а также значительным организационным компонентом. Часто преступление становится возможным не только из-за личной установки виновного, но и вследствие дефектов контроля: чрезмерного усмотрения, слабой проверки документов, отсутствия цифровой аналитики, корпоративной терпимости к нарушениям и формального отношения к конфликту интересов.

Предупреждение рассматриваемых преступлений должно сочетать уголовно-правовые, организационные, кадровые, цифровые, этические и виктимологические меры. Наиболее перспективными являются риск-ориентированный контроль, прозрачность процедур, разделение полномочий, защита заявителей о нарушениях, антикоррупционный комплаенс, регулярный аудит, анализ цифровых следов и индивидуальная профилактика профессиональной деформации. Только комплексный подход позволяет не ограничиваться наказанием отдельных виновных лиц, а устранять условия, при которых профессиональная обязанность превращается в инструмент преступного поведения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 26.07.2026).
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (последняя редакция). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 26.07.2026).
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (последняя редакция). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 26.07.2026).
4. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (последняя редакция). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ (дата обращения: 26.07.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». — URL: <https://vsrf.ru/files/13168/> (дата обращения: 26.07.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 09.12.2025). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 26.07.2026).

7. Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999/ (дата обращения: 26.07.2026).
8. Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России // РБК. — URL: <https://prosecutordata.rbc.ru/> (дата обращения: 26.07.2026).
9. Показатели преступности России // Генеральная прокуратура Российской Федерации. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat/> (дата обращения: 26.07.2026).
10. Даурова М. В., Цориева Е. С. Криминалистическая характеристика должностных преступлений коррупционной направленности // Вестник магистратуры. — 2023. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-dolzhnostnyh-prestupleniy-korrupsionnoy-napravlennosti> (дата обращения: 26.07.2026).
11. Понятие, состояние и тенденции развития преступлений, совершенных должностными лицами // CyberLeninka. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sostoyanie-i-tendentsii-razvitiya-prestupleniy-sovershennyh-dolzhnostnymi-litsami> (дата обращения: 26.07.2026).
12. К вопросу о криминолого-криминалистической характеристике субъектов должностных преступлений // CyberLeninka. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kriminologo-kriminalisticheskoy-harakteristike-subektov-dolzhnostnyh-prestupleniy> (дата обращения: 26.07.2026).
13. Соотношение преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов и других видов преступности // CyberLeninka. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-prestupnosti-sotrudnikov-pravoohranitelnyh-i-sudebnyh-organov-i-drugih-vidov-prestupnosti> (дата обращения: 26.07.2026).
14. Лунеев В. В. Криминология: учебник для вузов. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 643 с. — URL: <https://urait.ru/bcode/600374> (дата обращения: 26.07.2026).
15. Решетников А. Ю., Афанасьева О. Р. Криминология: учебник для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 150 с. — URL: <https://urait.ru/bcode/582611> (дата обращения: 26.07.2026).

Общие функции прокурора в досудебном производстве по уголовным делам

Файфер Валерия Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Аверченко Александр Критерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье исследуется проблема определения уголовно-процессуальных функций прокурора в досудебном производстве по уголовным делам. Анализируются доктринальные подходы к соотношению функций надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и уголовного преследования, рассматривается вопрос о сохранении за прокурором функции уголовного преследования после сокращения его полномочий в 2007 году. Обосновывается вывод о том, что руководство предварительным расследованием и правозащитная деятельность не являются самостоятельными уголовно-процессуальными функциями прокурора, а прокурор по-прежнему осуществляет две основные функции — надзор за деятельностью органов предварительного расследования и уголовное преследование.

Ключевые слова: прокурор, уголовно-процессуальные функции, прокурорский надзор, уголовное преследование, досудебное производство, уголовное судопроизводство, УПК РФ.

General functions of the prosecutor in pre-trial proceedings in criminal cases

Fayfer Valeria Yuryevna, master's degree student

Scientific advisor: Averchenko Alexander Criteriyevich, candidate of law, associate professor
Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

The article examines the problem of defining the criminal procedural functions of the prosecutor in pre-trial proceedings in criminal cases. Doctrinal approaches to the relationship between the function of supervision over the procedural activity of the preliminary investigation bodies and the function of criminal prosecution are analyzed, and the question of whether the prosecutor retains the function of criminal prosecution after the reduction of his powers in 2007 is considered. It is concluded that the direction of the preliminary investigation and human-rights protection activity are not independent criminal procedural functions of the prosecutor, and that the prosecutor continues to perform two main functions — supervision over the activity of the preliminary investigation bodies and criminal prosecution.

Keywords: *prosecutor, criminal procedural functions, prosecutorial supervision, criminal prosecution, pre-trial proceedings, criminal proceedings, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.*

Единого определения уголовно-процессуальной функции в научной литературе не выработано. Н. С. Манова, Ю. В. Францифоров и Н. О. Овчинникова придерживаются точки зрения, что «уголовное судопроизводство складывается из деятельности различных субъектов. Каждый из них в соответствии со своими задачами действует в определенном направлении. Такие направления уголовно-процессуальной деятельности, обусловленные ролью и назначением ее субъектов, называют уголовно-процессуальными функциями» [10]. М. А. Калужина и К. А. Петренко под уголовно-процессуальной функцией понимали «нормативно регламентированные основные направления уголовно-процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводства, определяемые их процессуальным статусом, социальной позицией и личным интересом к исходу дела, направленные на достижение целей и задач уголовного процесса в рамках принципа состязательности и обеспечивающие разграничение процессуальных ролей» [6].

Несколько иное определение данного понятия дает Л. В. Головкин, который под уголовно-процессуальной функцией предлагает понимать «место и роль участника уголовного процесса в достижении цели и решении задач конкретного этапа уголовного процесса» [4].

В вышеуказанных точках зрения прослеживается, что понятия «уголовно-процессуальная функция» и «уголовно-процессуальная деятельность» не являются синонимами. Уголовно-процессуальная функция является не просто процессуальной деятельностью участника уголовного судопроизводства, а именно направлением его деятельности, отражающим сущность уголовного процесса и его задачи.

Таким образом, уголовно-процессуальная функция — это основные направления деятельности (закрепленные уголовно-процессуальным законодательством) участников уголовного процесса, которые предопределены их задачами, значением и целями участия в уголовном судопроизводстве.

Легально уголовно-процессуальные функции закреплены в ч. 2 ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1], а именно функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, но общего мнения о количестве уголовно-процессуальных функций в научной литературе также нет.

Перейдем непосредственно к характеристике функций прокурора в досудебном производстве по уголовным делам.

Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процес-

суальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия». Основываясь на данном положении, можно выделить две уголовно-процессуальные функции прокурора: уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

В научной литературе встречаются различные точки зрения по вопросу соотношения данных функций. Так, одни авторы считают, что главной функцией в деятельности прокурора является функция надзора [3], другие же придерживаются позиции о приоритете функции уголовного преследования [2].

Некоторые ученые исходят из того, что единственной самостоятельной уголовно-процессуальной функцией прокурора является надзор, а функция уголовного преследования утратила в деятельности прокурора самостоятельное значение и полностью поглотилась надзором [11].

Противоположного мнения придерживается В. А. Лазарева, которая исходит из того, что в силу прямого указания закона на исчерпывающее количество уголовно-процессуальных функций (ст. 15 УПК РФ), единственной функцией прокурора является обвинение [7].

Д. А. Сычев отмечал, что достижение назначения уголовного судопроизводства в деятельности прокурора неизбежно сопряжено с выполнением последним как надзорных функций, так и функций по уголовному преследованию [12]. Мы разделяем данную точку зрения, считая правомерным вести речь о двух базовых уголовно-процессуальных функциях прокурора.

Сущность функции прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования заключается в наблюдении прокурором за законностью принимаемых следователем и дознавателем процессуальных решений, выносимых актов и совершаемых действий, а также соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в ходе рассмотрения сообщения о преступлении, а также при производстве предварительного расследования в форме предварительного следствия или дознания [5].

Можно ли отнести к содержанию данной функции привлечение лиц, вина которых доказана, к уголовной ответственности? Вероятно, нет. Прокурор может инициировать уголовное преследование, но итоговое решение будет все равно на усмотрение следователя или дознавателя.

Надзорная деятельность прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства может привести к выявлению правонарушений и реагированию на них (например, вынесения требования об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в досудебных стадиях уголовного процесса (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), отсутствие согласия прокурора на возбуждение дознанием перед судом ходатайства об избрании, отмене

или изменении меры пресечения (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК) или отмена прокурором постановления следователя или дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148 УПК РФ)) или к констатации факта отсутствия таковых (утверждение прокурором обвинительного заключения (акта, постановления), дача прокурором согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения, согласие с постановлением о прекращении уголовного дела и др.).

Перейдем к рассмотрению функции уголовного преследования.

Согласно легальному определению «уголовное преследование — это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Содержание функции уголовного преследования заключается в установлении вины конкретного лица в совершении преступного деяния. Уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела. Стоит отметить, что действия, направленные на изобличение неустановленного лица, которое совершило преступление, также относятся к функции уголовного преследования.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 05.06.2007 № 87-ФЗ были сокращены полномочия прокурора: утрачено право возбуждения уголовного дела, проведения отдельных следственных действий и др.

Ученых поставили под сомнение сохранение за прокурором функции уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса. Например, Н. С. Манова отметила, что «без возможности самостоятельно возбудить уголовное дело право прокурора на участие в уголовном преследовании в досудебном производстве превращается больше в формальность, чем в реальную возможность» [9].

Но можно ли сказать, что это обстоятельство лишает прокурора функции уголовного преследования в досудебном производстве? Думаем, нет. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об

уголовном преследовании является самостоятельным поводом для возбуждения уголовного дела. Ч. 1 ст. 21 УПК РФ закреплено, что уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель.

Помимо надзорной функции и функции уголовного преследования некоторые авторы выделяют и другие функции, осуществляемые прокурором в досудебном производстве.

В частности, в научной литературе существует дискуссия по поводу осуществления прокурором в досудебных стадиях уголовного судопроизводства функции руководства предварительным расследованием.

Так, например, А. М. Ларин руководство предварительным расследованием выделял в качестве самостоятельного направления в деятельности прокурора [8].

Некоторые авторы говорят о процессуальном руководстве прокурора в отношении дознавателей исходя из сохранения существенных надзорных полномочий при дознании (право прокурора давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий, разрешать заявленные дознавателю отводы и т. п.).

Как нам представляется, после 2007 года функция руководства предварительным расследованием утратила самостоятельный смысл. Руководство предварительным расследованием осуществляет руководитель следственного органа (при предварительном следствии) и начальник подразделения дознания (при дознании).

Также в литературе находит место быть правозащитная функция, заключающаяся в защите и восстановлении нарушенных прав и свобод человека и гражданина. Но в рамках уголовного судопроизводства указанная функция реализуется лишь посредством разъяснения участникам уголовного судопроизводства их прав, обязанностей и ответственности; рассмотрения жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ.

К тому же, защита прав и свобод человека и гражданина — это цель деятельности прокуратуры (п. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ»), а не отдельная функция.

Таким образом, в досудебных стадиях уголовного судопроизводства прокурор по-прежнему осуществляет две основные уголовно-процессуальные функции: надзор за деятельностью органов предварительного расследования и уголовное преследование.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [действующая редакция от 2026 года]: [принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г.]. — Ст. 37: Прокурор // СПС «КонсультантПлюс».
2. Алексеев С. Н. Надзор за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса в системе конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина и полномочий прокурора: дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. — Самара, 2002. — С. 78.
3. Болтошев Е. Д. Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса: дис... канд. юрид. наук: 12.00.09. — Москва, 2002. — С. 32.

4. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкин. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2017. — С. 103.
5. Грищенко В. В. Функция надзора в деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве // Социально-экономические и гуманитарные науки: сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции (Санкт-Петербург, декабрь 2021). — СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2021. — С. 95–97.
6. Калужина М. А., Петренко К. А. Эволюция доктрины уголовно-процессуальных функций // *Lex criminalis scientiarum*. 2025. Том 2. № 2 (4). С. 166.
7. Лазарева В. А. Прокурор в уголовном процессе: учебное пособие. — Самара: Самарский ун-т, 2008. — С. 39.
8. Ларин А. М. Функция процессуального руководства и прокурорский надзор в стадии предварительного следствия // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. — Воронеж: ВГУ, 1979. — С. 77.
9. Манова Н. С. Функции и полномочия прокурора в досудебном производстве // Публичное и частное право. 2009. № 11. С. 183.
10. Манова Н. С. Уголовный процесс: учебник для вузов / Н. С. Манова, Ю. В. Францифоров, Н. О. Овчинникова. — 16-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — С. 4.
11. Синельщиков Ю. П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. 2008. № 17. С. 10.
12. Сычев Д. А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. — Москва, 2016. — С. 69.

Характеристика полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела

Файфер Валерия Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Аверченко Александр Критерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматриваются полномочия прокурора на стадии возбуждения уголовного дела как процессуальные средства реализации функций надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и уголовного преследования. Прослеживается эволюция полномочий прокурора на данной стадии в связи с принятием Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ, существенно ограничившего его процессуальный статус. Анализируются действующие полномочия прокурора, предусмотренные статьями 21, 37, 140, 144, 146, 147 и 148 УПК РФ, а также дискуссионные вопросы, связанные с недостаточностью данных полномочий для эффективного осуществления надзора и уголовного преследования. Обосновывается вывод о необходимости расширения процессуального статуса прокурора в стадии возбуждения уголовного дела путём предоставления ему права возбуждать уголовные дела, права давать следователю обязательные для исполнения письменные указания, а также права знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении.

Ключевые слова: прокурор, стадия возбуждения уголовного дела, полномочия прокурора, прокурорский надзор, уголовное преследование, следователь, дознаватель, УПК РФ.

Characteristics of the prosecutor's powers at the stage of institution of criminal proceedings

Fayfer Valeria Yuryevna, master's degree student

Scientific advisor: Averchenko Alexander Kriteryevich, candidate of law, associate professor
Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

The article examines the prosecutor's powers at the stage of institution of criminal proceedings as procedural means of exercising the functions of supervision over the procedural activity of the preliminary investigation bodies and criminal prosecution. The evolution of the prosecutor's powers at this stage is traced in connection with Federal Law No. 87-FZ of 05.06.2007, which significantly limited the prosecutor's procedural status. The current powers of the prosecutor under Articles 21, 37, 140, 144, 146, 147 and 148 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are analyzed, along with debatable issues concerning the insufficiency of these powers for the effective exercise of supervision and criminal prosecution. It is concluded that the prosecutor's procedural status at this stage should be expanded by granting the prosecutor the right to institute criminal cases, the right to give the investigator mandatory written instructions, and the right to become acquainted with the materials of a pre-investigation inquiry.

Keywords: *prosecutor, stage of institution of criminal proceedings, prosecutor's powers, prosecutorial supervision, criminal prosecution, investigator, inquiry officer, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.*

До июня 2007 года прокурор был наделён правом самостоятельно возбуждать уголовное дело, а также давать согласие на возбуждение уголовных дел органами следствия и дознания, выносить мотивированный отказ в даче согласия на возбуждение уголовного дела следователем или дознавателем или возвращать материалы органам следствия или дознания для дополнительной проверки и проведения необходимых следственных действий, также мог поручать дальнейшее расследование дела следователю либо дознавателю, кроме того, принимать дело к личному производству и др.

С вступлением в силу Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 05.06.2007 № 87-ФЗ органам следствия и дознания предоставлена свобода в решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Вместе с тем он существенно ограничил полномочия и функции прокуратуры, связанные с надзором за предварительным следствием.

В настоящий момент уголовно-процессуальное законодательство наделяет прокурора полномочиями, позволяющими ему на стадии возбуждения уголовного дела осуществлять надзор и уголовное преследование. Согласно положениям действующего уголовно-процессуального законодательства, прокурор при обнаружении признаков преступления должен направлять мотивированное постановление в орган предварительного расследования в порядке пункта 2 части 2 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1].

Мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства в 2010 г. было закреплено в пункте 4 части 1 статьи 140 УПК РФ в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела. Предполагаем, что расширение поводов для возбуждения уголовного дела было необходимо для частичного восстановления полномочий прокурора по инициированию уголовного процесса, необходимых для реализации функции уголовного преследования.

Между тем такое изменение полномочий прокурора по инициированию уголовного процесса до сих пор неоднозначно оценивается в научном сообществе. Полагаем, что в настоящее время самым обсуждаемым является вопрос о возвращении прокурору права возбуждать уголовные дела.

Так, И. С. Дикарёв видит в лишении прокурора права возбуждать уголовные дела логическое продолжение осуществления судебной реформы, следствием которой стало постепенное, но твёрдое устранение прокурора от выпол-

нения обязанностей, непосредственно связанных с осуществлением уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса [7].

Согласен рассматривать постановление прокурора только как повод для возбуждения уголовного дела и А. В. Гриненко [5].

Однако мы разделяем позицию Ю. К. Якимовича, который полагал, что данного полномочия недостаточно и прокурору необходимо вернуть право самостоятельно возбуждать уголовные дела [12]. Действительно, прокурор, вынося постановление, способен лишь «просить» следователя или дознавателя возбудить уголовное дело. При этом он обращается к субъекту, за деятельностью которого обязан надзирать, — складывается нелогичная ситуация. Более того, такое постановление не налагает на органы предварительного расследования обязанности возбудить дело: согласно части 1.1 статьи 148 УПК РФ «решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с мотивированным постановлением прокурора <...> может быть принято только с согласия руководителя следственного органа». Однако не всегда вынесенное прокурором постановление влечет за собой возбуждение уголовного дела. Ещё реже к возбуждению уголовного дела приводит отмена прокурором постановления следователя или дознавателя об отказе в его возбуждении, поскольку органы предварительного расследования нередко повторно выносят аналогичные постановления.

Отсутствие у прокурора полномочия возбуждать уголовные дела может создавать и парадоксальную ситуацию, когда при выявлении факта укрытия преступления от учёта прокурор вынужден направлять мотивированное постановление по данному факту в тот же орган расследования, который данное преступление укрыв [6]. Как справедливо отмечает К. А. Таболина, отсутствие у прокурора возможности своим постановлением непосредственно возбудить уголовное дело «затрудняет возможность расследования дела по горячим следам, блокирует потерпевшему доступ к правосудию, а также вызывает лишнюю бумажную волокиту» [10], что порождает у населения справедливые сомнения в том, насколько результативно органы уголовного преследования выполняют свою работу, и в какой-то мере дискредитирует прокурора как гаранта законности в государстве. В связи с этим возвращение прокурору права возбуждать уголовные дела представляется насущной практической потребностью, обусловленной стоящей перед прокуратурой задачей защиты нарушенных прав потерпевших [11].

Гораздо более широкими полномочиями в первоначальной стадии уголовного судопроизводства прокурор обладает для реализации функции надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Так, согласно части 2 статьи 37 УПК РФ, «прокурор в стадии возбуждения уголовного дела имеет право:

- проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;
- требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия;
- истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ;
- отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, а также незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в порядке, установленном УПК РФ;
- передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными статьей 151 настоящего Кодекса, изымать любое уголовное дело или любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи».

Вместе с тем реализация даже перечисленных надзорных полномочий затруднена отсутствием у прокурора четко закреплённого права истребовать материалы доследственной проверки.

В соответствии с частью 2.1 статьи 37 УПК РФ прокурор вправе знакомиться лишь с материалами уголовного дела, находящегося в производстве, тогда как материалы проверки сообщения о преступлении, полученные до возбуждения дела, формально к материалам уголовного дела не относятся. При этом само ознакомление возможно лишь по мотивированному письменному запросу, а значит, следователь или дознаватель может отказать в ознакомлении ввиду немотивированности постановления прокурора. Очевидно логическое противоречие, так как от поднадзорного субъекта зависит возможность осуществления надзора.

Между тем пункты 1 и 3 части 2 статьи 37 УПК РФ обязывают прокурора проверять исполнение требований федерального закона и требовать устранения его нарушений, что практически неисполнимо без права истребовать материалы доследственной проверки: располагая

лишь копиями постановлений о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении (часть 4 статьи 146, часть 4 статьи 148 УПК РФ), прокурор не может в полной мере проверить законность принятого решения, в том числе соблюдение права участников проверки на разъяснение им процессуальных прав и обязанностей (часть 1.1 статьи 144 УПК РФ).

Справедливости ради заметим, что в сокращённом виде рассматриваемое право закреплено не в УПК РФ, а в приказах Генеральной прокуратуры Российской Федерации (далее Генпрокуратура РФ): в соответствии с пунктом 11 приказа Генпрокуратуры РФ от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» прокурор в целях безотлагательного изучения решения о возбуждении уголовного дела может истребовать материалы проверки сообщения о преступлении [2], а согласно пункту 1.3 приказа Генпрокуратуры РФ от 17.09.2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» в случае поступления в прокуратуру постановления об отказе в возбуждении уголовного дела должно быть организовано незамедлительное представление в прокуратуру и материалов проверки сообщения о преступлении [3]. Однако ведомственные нормативные акты органов прокуратуры обязательны только для прокуроров, но не для должностных лиц органов предварительного расследования. Так, имеет смысл напрямую закрепить в УПК РФ возможность прокурора изучать материалы проверки сообщения о преступлении, для чего достаточно направить письменный немотивированный запрос. Одновременно следует установить, что следственные органы и органы дознания обязаны без промедления предоставить ему эти материалы.

Ограниченность полномочий прокурора проявляется и в невозможности давать следователю обязательные для исполнения указания. Право давать письменные указания дознавателю сохранилось в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, однако, исходя из буквального толкования пункта 4 части 2 статьи 37 УПК РФ, данное полномочие ограничено рамками стадии предварительного расследования в форме дознания. В стадии возбуждения уголовного дела об указаниях прокурора говорится лишь в части 6 статьи 148 УПК РФ как о средстве реагирования в случае признания постановления дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным.

Если говорить о следователе, то нынешняя редакция уголовно-процессуального закона не допускает даже возможности того, чтобы прокурор давал обязательные к исполнению предписания, в том числе на этапе возбуждения уголовного дела: отменяя постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, прокурор может только «перечислить конкретные обстоятельства, которые требуют дополнительной проверки» (ч. 6 ст. 148 УПК РФ). Однако, как справедливо отмечает Ш. М. Абдул-Кадыров,

изложенные в постановлении прокурора доводы о конкретных обстоятельствах, подлежащих дополнительной проверке, не являются обязательными для следователя [4], а значит, до тех пор, пока прокурор вновь не получит право давать следователю письменные указания, обязательные к исполнению, не может быть и речи о том, что он сможет оперативно отстаивать права и законные интересы тех, кому преступлениями причинён ущерб.

Подводя итог, отметим: на этапе возбуждения уголовного дела прокурор с помощью полномочий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, обеспечивает законность деятельности органов предварительного расследования и соблюдение прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные отношения.

Вместе с тем, несмотря на то что некоторые авторы положительно оценивают состоявшееся сокращение объёма полномочий прокурора в первоначальной стадии уголовного процесса и не видят необходимости в их обратном

увеличении, более обоснованной представляется распространённая в научной литературе позиция о необходимости расширения существующих полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела. Как справедливо отмечает Э. Р. Исламова, в действующем уголовно-процессуальном законе до сих пор отсутствует должная правовая регламентация процессуальных полномочий прокурора на данной стадии [8], а К. А. Таболина связывает с этим и проблему осуществления надзора, объясняя её отсутствием у прокуратуры эффективных полномочий по предупреждению и устранению выявленных нарушений [9]. Исходя из вышесказанного, процессуальный статус прокурора в первоначальной стадии уголовного судопроизводства представляется целесообразным дополнить следующими правами: возбуждать уголовные дела, давать следователю обязательные для исполнения письменные указания, а также знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении путём направления письменного немотивированного запроса.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [действующая редакция от 2026 года]: [принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г.]. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Приказ Генпрокуратуры России от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Абдул-Кадыров Ш. М. Функции и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2012. № 9. С. 13.
5. Гриненко А. В. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела // Законность. 2012. № 11. С. 23.
6. Грищенко В. В. О возвращении прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела // Российское право: трибуна молодого ученого: сб. ст. Вып. 22 / отв. ред. В. А. Уткин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2022. С. 207–209.
7. Дикарев И. С. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / И. В. Блинова-Сычкарь [и др.]; под ред. И. С. Дикарева. Волгоград: ВолГУ. 2011. С. 267–268.
8. Исламова Э. Р. Проблемы обеспечения законности в стадии возбуждения уголовного дела // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. Иркутск, 2014. № 2 (6). С. 60.
9. Таболина К. А. О необходимости усиления роли прокурора в процедуре возбуждения и расследования уголовных дел // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2. С. 130.
10. Таболина К. А. О недостаточности полномочий прокурора для обеспечения эффективного надзора в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6 (43). С. 1210.
11. Шейфер С. А. Реформа предварительного следствия: правовой статус и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа // Государство и право. 2009. № 4. С. 49–55.
12. Якимович Ю. К. О процессуальном положении прокурора, руководителя следственного органа и следователя в современном российском досудебном производстве // Уголовная юстиция. 2013. № 2. С. 65.

Международно-правовые аспекты использования космических объектов для отслеживания ледников и айсбергов для обеспечения безопасности арктического судоходства

Фокин Сергей Владиславович, аспирант

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

В статье анализируются международно-правовые механизмы регулирования применения спутниковых систем для мониторинга ледников и айсбергов в Арктике с целью обеспечения безопасности морской деятельности. Рассматриваются ключевые договоры, национальное законодательство РФ и США, а также современные вызовы, связанные с климатическими изменениями и цифровизацией. Особое внимание уделяется эмпирическим примерам интеграции технологий и экономическим последствиям. Выявлены пробелы в правовом обеспечении обмена данными и предложены меры по их устранению, включая разработку новых протоколов.

Ключевые слова: международное космическое право, международное морское право, мониторинг ледников, айсберги, Арктика, морская безопасность, спутниковые системы, международное сотрудничество.

Введение

Арктический регион переживает ускоренные климатические изменения, приводящие к таянию ледников и увеличению дрейфующих айсбергов, что создаёт значительные риски для морского судоходства. Изменение ледовых условий имеет значение для морской деятельности в Арктике, поскольку требует постоянного мониторинга ледовой обстановки и совершенствования методов ледовых прогнозов и навигационного обеспечения судоходства. Космические объекты, такие как спутниковые группировки для дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), позволяют оперативно отслеживать динамику ледовых образований и обеспечивать информационную поддержку навигации и оптимизировать маршруты судов, минимизируя риски.

С учётом выше сказанного активно развивается арктическое судоходство, в том числе Северный морской путь (СМП), следствием чего является важность технологий освоения космоса. Спутниковые системы интегрируются с наземными станциями для создания комплексных систем мониторинга, но международно-правовое регулирование этой сферы остаётся неполным, поскольку существующие нормы международно-правового регулирования, разработанные в эпоху холодной войны, не в полной мере учитывают коммерциализацию космических технологий, цифровизацию данных и глобальные экологические вызовы, усугубляемые антропогенным воздействием. Цель статьи — оценить эволюцию правовых рамок, проанализировать их применение к арктическому мониторингу, предложить пути гармонизации норм. Методология включает сравнительно-правовой анализ, изучение данных из научных публикаций и оценку экономических аспектов.

Исторический обзор развития правового регулирования мониторинга Арктики

Развитие международного космического права началось с Договора о принципах деятельности государств по

исследованию и использованию космического пространства 1967 г. (Договор о космосе, OST), который закрепляет принципы свободы исследования и использования космического пространства, неприсвоения космического пространства и использования его в мирных целях, запрет на национальный суверенитет над небесными телами и принцип мирного использования [6].

Морское право эволюционировало через Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS). Часть XII UNCLOS предусматривает обязанности государств по защите и сохранению морской среды, включая мониторинг состояния морской среды и сотрудничество в проведении морских научных исследований [8]. До 2010-х гг. интеграция космических данных в морскую навигацию была эпизодической. Существенный прогресс произошёл с развитием спутниковых систем дистанционного зондирования Земли и расширением возможностей спутниковой навигации, что создало дополнительные возможности для мониторинга ледовой обстановки и навигационного обеспечения судоходства [11]. Развитие данных технологий актуализирует вопросы устойчивости орбитальной инфраструктуры и учёта рисков, связанных с космическим мусором. [14].

В Российской Федерации правовую основу космической деятельности формирует Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663–1 «О космической деятельности», тогда как приоритеты развития Арктической зоны определяются, в частности, Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации до 2035 года [1; 2]. В США National Aeronautics and Space Act 1958 г. сформировал правовую основу деятельности NASA в области аэрокосмических исследований [4]. В рамках последующих программ дистанционного зондирования был запущен спутник ICESat-2 (2018 г.), использующий технологию LiDAR для измерения высоты ледяной поверхности. Данные ICESat-2 также применяются для обнаружения и исследования айсбергов, включая определение их высоты и характеристик, важных для мониторинга их дрейфа. [NASA. Iceberg

Hazards // ICESat-2 Mission. National Aeronautics and Space Administration. URL: <https://icesat-2.gsfc.nasa.gov/whitepapers/iceberg-hazards> (дата обращения: 18.09.2026).]. Развитие указанных технологий одновременно обуславливает необходимость учета новых рисков для космической инфраструктуры, включая риски, связанные с космическим мусором.

Международные договоры и их применение к мониторингу ледников и айсбергов

Договор о космосе и Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, формируют общую правовую основу деятельности государств в космосе. Конвенция предусматривает регистрацию космических объектов [7].

Арктический совет играет важную роль в координации международного сотрудничества между восемью арктическими государствами, в том числе в сфере безопасности мореплавания и обмена информацией. В рамках Соглашения о сотрудничестве по авиационному и морскому поиску и спасанию в Арктике 2011 г. предусмотрены координация поисково-спасательных операций и обмен информацией, включая актуальные прогнозы и предупреждения, что способствует повышению эффективности реагирования на чрезвычайные ситуации в Арктике [9].

Положения статьи 242 закрепляют обязанность государств и компетентных международных организаций содействовать международному сотрудничеству в проведении морских научных исследований [8]. Спутниковые навигационные технологии используются в составе навигационного обеспечения морских исследований и судоходства, в том числе для определения координат судов и уточнения маршрутов в условиях изменяющейся ледовой обстановки.

Национальное регулирование отслеживания ледников и айсбергов на примере РФ и США

В Российской Федерации правовую основу космической деятельности формирует Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663–1 «О космической деятельности». Применение спутниковых технологий в Арктике осуществляется в рамках более широкого комплекса государственных мер в сфере космической деятельности, навигации и развития Арктической зоны. [1; 2] Это обеспечивает возможность прогнозирования дрейфа айсбергов в акватории СМП; к 2019 г. данные наблюдений позволили оценить пространственное распределение айсбергов, при этом в отдельных районах их количество достигало 100 объектов на 10 000 км² [13].

В США арктическая исследовательская политика осуществляется в соответствии с Arctic Research and Policy Act of 1984 (ARPA), определяющим национальные приоритеты и механизмы координации арктических исследований. В рамках реализации арктических исследователь-

ских программ NOAA финансирует мониторинг морского льда и океанических условий. При этом данные мероприятия следует рассматривать как часть национальной арктической исследовательской политики США, а не как непосредственную имплементацию Договора о космосе 1967 г [5]. В США спутниковая система GOES-R используется для непрерывного наблюдения за погодными, океаническими и ледовыми условиями, включая территорию Аляски. Данные спутников применяются для мониторинга снежного и ледового покрова, а также морской обстановки, что имеет значение для обеспечения безопасности судоходства в северных районах [15]. Оба подхода сталкиваются с различными ограничениями, включая воздействие международно-политических факторов на научно-техническое сотрудничество и доступ к технологиям. Вместе с тем механизмы международного взаимодействия в Арктике предусматривают обмен научными данными и информацией. В частности, Соглашение об укреплении международного научного сотрудничества в Арктике, подписанное в 2017 г. восемью арктическими государствами, включая Российскую Федерацию и США, предусматривает содействие доступу к научным данным и их распространению с использованием общепринятых стандартов, форматов и протоколов [10].

Практическое применение мониторинга айсбергов

В качестве практического примера можно рассмотреть применение спутниковых технологий для обнаружения и прогнозирования дрейфа айсбергов в западном секторе Арктики. В ААНИИ разработана технология обнаружения айсбергов на основе спутниковых радиолокационных изображений высокого разрешения и прогнозирования их дрейфа. Получаемая информация позволяет определять пространственное положение и размеры айсбергов, а результаты моделирования — прогнозировать их перемещение на срок до пяти суток [13].

Другой пример связан с применением спутниковых данных ICESat-2 для мониторинга динамики ледников Гренландии. В частности, при исследовании ледника Jakobshavn Isbræ использовались данные ICESat-2 за 2021–2022 гг., позволившие оценить сезонные изменения толщины ледового меланжа в районе фронта ледника и сопоставить их с динамикой его продвижения и отступления, а также процессами откалывания айсбергов. Полученные результаты показывают возможности спутникового мониторинга для изучения процессов, влияющих на образование и динамику айсбергов в Гренландии [12].

Эти примеры показывают, что существующие международно-правовые механизмы создают общую основу для обмена информацией и обеспечения безопасности мореплавания, однако не содержат специальных правил, регулирующих порядок использования и верификации спутниковых данных при возникновении международных споров. В связи с этим особое значение приобретает установление единых требований к достоверности, сопоста-

вимости и документированию данных дистанционного зондирования Земли.

Использование космических технологий имеет также существенное экономическое и экологическое значение для развития арктического судоходства. Увеличение интенсивности движения по Северному морскому пути повышает значение оперативного мониторинга ледовой обстановки и обнаружения айсбергов. В ААНИИ разработаны технологии обнаружения айсбергов по данным спутниковых радиолокационных наблюдений и прогнозирования их дрейфа на срок до пяти суток, что может использоваться в составе автоматизированных систем управления ледовой обстановкой [13]. Вместе с тем рост хозяйственной активности в Арктике сопровождается увеличением экологических рисков, включая последствия аварий и загрязнение морской среды. Часть XII Конвенции ООН по морскому праву предусматривает обязанности государств по мониторингу состояния морской среды, обмену соответствующей информацией и оценке потенциального воздействия планируемой деятельности на морскую среду.

К числу нерешенных вопросов относится фрагментация международно-правового регулирования. Действующие нормы международного космического права не содержат специальных положений об использовании алгоритмов искусственного интеллекта для анализа спутниковых данных о ледовой обстановке, тогда как Конвенция ООН по морскому праву не регулирует вопросы эксплуатации космических объектов и космического мусора. Это обуславливает необходимость межотраслевого подхода, учитывающего нормы международного космического и морского права, а также требования к обработке и защите пространственных данных.

Перспективным направлением представляется развитие международных механизмов стандартизации и верификации данных дистанционного зондирования, используемых для обеспечения безопасности судоходства в Арктике. На национальном уровне в Российской Федерации развитие соответствующего регулирования продолжается. В частности, Федеральный закон от 7 июля 2025 г. № 206-ФЗ внес изменения в законодательство

о космической деятельности, предусматривающие дополнительные требования к представлению информации о зарегистрированных космических объектах и совершенствованию порядка ведения национального регистра [3]. Эти изменения непосредственно не регулируют арктический мониторинг, однако могут рассматриваться как часть общего развития национального регулирования космической деятельности.

На международном уровне целесообразно дальнейшее развитие механизмов обмена научными и спутниковыми данными, выработка совместимых форматов их представления и процедур подтверждения достоверности информации. Для Арктики особое значение имеет сочетание космического мониторинга с существующими механизмами международного сотрудничества в области морской безопасности, научных исследований и обмена информацией. Такой подход способен повысить эффективность использования спутниковых технологий для предупреждения ледовых рисков и одновременно обеспечить более устойчивое развитие арктического судоходства.

Заключение

Использование космических объектов для мониторинга ледников и айсбергов имеет важное значение для безопасности арктического судоходства в условиях климатических изменений. Проведенный анализ показывает, что действующие нормы международного космического и морского права создают общую правовую основу для применения спутниковых систем, однако не содержат специальных положений о комплексном использовании и верификации данных дистанционного зондирования.

Перспективным направлением является совершенствование механизмов международного обмена данными, их верификации и стандартизации, а также развитие правового регулирования автоматизированной обработки спутниковой информации. Дальнейшее развитие таких механизмов позволит повысить эффективность космического мониторинга и его практическое значение для безопасности и устойчивого развития Арктики.

Литература:

1. Федеральный закон от 20 августа 1993 г. № 5663–1 «О космической деятельности» (с изм. и доп., от 29 декабря 2025 г. № 540-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993. № 34. Ст. 1975.
2. Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 44. Ст. 2327.
3. Федеральный закон от 7 июля 2025 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Закона Российской Федерации „О космической деятельности“ и статью 7 Федерального закона „О Государственной корпорации по космической деятельности „Роскосмос“» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 28. Ст. 3846.
4. National Aeronautics and Space Act of 1958. Public Law 85–568, 72 Stat. 426, July 29, 1958 // NASA. URL: <https://www.nasa.gov/history/national-aeronautics-and-space-act-of-1958-unamended/>
5. Arctic Research and Policy Act of 1984, as Amended // U. S. Arctic Research Commission. URL: <https://www.congress.gov/bill/98th-congress/senate-bill/373>

6. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (заключен в Лондоне, Москве и Вашингтоне 27 января 1967 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993. № 29. Ст. 1167.
7. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (Нью-Йорк, 14 января 1975 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. М., 1980. Вып. XXXIV.
8. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву (заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 г.; с изм. от 23 июля 1994 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 48. Ст. 5493.
9. Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (заключено в Нууке 12 мая 2011 г.) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 9.
10. Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества (Фэрбанкс, 11 мая 2017 г.) // Бюллетень международных договоров. 2018. № 8.
11. Karvonen J., Rinne E., Sallila H., Uotila P., Mäkynen M. Kara and Barents sea ice thickness estimation based on CryoSat-2 radar altimeter and Sentinel-1 dual-polarized synthetic aperture radar // The Cryosphere. 2022. Vol. 16. P. 1821–1844. DOI: 10.5194/tc-16-1821-2022.
12. Meng Y., Lai C.-Y., Culberg R. et al. Seasonal changes of mélange thickness coincide with Greenland calving dynamics // Nature Communications. 2025. Vol. 16. Art. 573. DOI: 10.1038/s41467-024-55241-7.
13. Павлова Е. А., Алексеева Т. А., Миронов Е. У., Смоляницкий В. М. Особенности распределения айсбергов по данным судовых наблюдений в Карском море в 2004–2019 гг. // Российская Арктика. 2020. № 3 (10). С. 30–36.
14. Доклад Комитета по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУОС) Генеральной Ассамблеи ООН (А/77/20, 2022 г.); Сессия КОПУОС 2025 г. (решение о проведении 68-й сессии с 25 июня по 2 июля 2025 г.) // Документы ООН. 2022–2025. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/2025/index.html>
15. National Oceanic and Atmospheric Administration; National Aeronautics and Space Administration. Geostationary Operational Environmental Satellites — R Series. Mission Overview // NOAA. URL: <https://goes-r.noaa.gov/mission/mission.html>

Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: правовая природа, условия применения и проблемы обжалования приговора

Хайдарова Шахло Усмановна, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

Статья посвящена анализу особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением как компромиссной формы дифференциации уголовного судопроизводства. Рассматриваются доктринальные подходы к правовой природе института, система условий его применения по главе 40 УПК РФ, а также пределы апелляционного обжалования приговоров, постановленных без исследования доказательств. На основе судебной статистики и конкретных дел, ставших предметом кассационного пересмотра, выявляются проблемы правоприменительной практики, связанные с проверкой обоснованности обвинения и с «обратной преюдицией», формулируются предложения по совершенствованию разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства, согласие с обвинением, глава 40 УПК РФ, апелляционное обжалование, обоснованность обвинения, судебная ошибка, процессуальная экономия, дифференциация уголовного судопроизводства, обратная преюдиция.

Special procedure of judicial proceedings upon the accused's consent to the charge: legal nature, conditions of application and problems of appeal

Khaydarova Shakhlo Usmanovna, master's degree student
Russian New University (Moscow)

The article analyses the special procedure of judicial proceedings applied upon the accused's consent to the charge as a compromise form of differentiation of criminal procedure. Doctrinal approaches to its legal nature, the conditions of application under Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and the limits of appellate review of verdicts rendered without exam-

ination of evidence are considered. Based on judicial statistics and cassation cases, problems of law enforcement practice are identified and proposals for improving the Plenum's clarifications are formulated.

Keywords: *special procedure of judicial proceedings, consent to the charge, Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure, appellate review, reasonableness of the charge, judicial error, procedural economy, reverse prejudice.*

Институт особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением закреплён главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1]. Он по-прежнему остаётся одной из наиболее востребованных форм рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции, однако сфера его применения постепенно сужается. Если в 2019 г. по правилам главы 40 УПК РФ рассматривалось около 60 % уголовных дел, то к 2022 г. этот показатель снизился примерно до 39 % [2]. Схожая динамика прослеживается и в абсолютных цифрах: число дел, рассмотренных районными судами в особом порядке, сократилось со 168,4 тыс. в 2023 г. до 146,2 тыс. в 2024 г. [3].

Особенность данной процедуры состоит в том, что суд не исследует доказательства виновности подсудимого. Это объективно повышает риск судебной ошибки, а возможности её исправления в вышестоящих инстанциях оказываются существенно ограничены: статья 317 УПК РФ прямо исключает из предмета апелляционной проверки такое основание, как несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Именно это противоречие между процессуальной экономией и гарантиями обоснованности итогового судебного акта обуславливает цель настоящей статьи: рассмотреть правовую природу данного института, условия его применения, а также особенности обжалования постановленных в этом порядке приговоров.

Часть 1 статьи 314 УПК РФ определяет особый порядок негативно, через отказ от судебного разбирательства в общем порядке, а не путём содержательного раскрытия его сущности. Этим во многом объясняется отсутствие единства в доктринальных подходах к его правовой природе. Часть авторов делает акцент на сокращённом, упрощённом характере производства, связывая его специфику с изменённой структурой этапов и уменьшенным кругом процессуальных действий [4]. Другие исследователи рассматривают данный институт как самостоятельную компромиссную форму дифференциации уголовного судопроизводства, при которой обвиняемый отказывается от состязательного исследования доказательств в обмен на гарантированное смягчение наказания, предусмотренное частью 5 статьи 62 Уголовного кодекса Российской Федерации [5].

Представляется, что более обоснованной является именно компромиссная трактовка [6]. Предметом компромисса в данном случае выступает не объём обвинения, как в классической сделке о признании вины, а форма судебного разбирательства: обвиняемый полностью и без изъятий принимает предъявленное обвинение, но взамен получает процессуальные и материально-правовые га-

рантии, недоступные при рассмотрении дела в общем порядке.

Условия применения особого порядка рассредоточены по статьям 314–316 УПК РФ и не закреплены в виде единой пронумерованной нормы. Наиболее жёстким из них выступает категория преступления: ходатайство допустимо лишь по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Это ограничение было снято в 2003 г. и восстановлено семнадцать лет спустя Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ [7]. Данное условие является единственным, полностью выведенным из сферы волеизъявления участников процесса.

Остальные условия связаны с позицией конкретных субъектов. Ходатайство должно быть заявлено в установленный законом момент, добровольно и после консультации с защитником, а согласие с обвинением должно быть выражено в полном объёме, что исключает применение особого порядка при частичном согласии, когда обвиняемый оспаривает отдельные элементы обвинения [8]. Отдельную проблему составляет согласие потерпевшего: закон не устанавливает срока, в течение которого от него должен поступить ответ на вопрос о применении особого порядка, вследствие чего практика выяснения его позиции носит скорее ситуативный, нежели системный характер. Наконец, завершающим условием остаётся обязанность суда убедиться, что обвинение подтверждается собранными по делу доказательствами (часть 7 статьи 316 УПК РФ). Именно эта норма служит главным процессуальным противовесом сокращённому характеру процедуры.

Отказ от исследования доказательств напрямую скажется на специфике апелляционного обжалования. Статья 317 УПК РФ исключает из числа допустимых оснований несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, что логически вытекает из конституционного принципа добровольности отказа от общего порядка судебного разбирательства [9]. При этом данный запрет не исключает опосредованной проверки обоснованности обвинения через иное основание — существенное нарушение уголовно-процессуального закона (пункт 2 части 1 статьи 389.15 УПК РФ) — в тех случаях, когда суд первой инстанции формально исполнил обязанность, предусмотренную частью 7 статьи 316 УПК РФ, но фактически не убедился в подтверждённости обвинения материалами дела.

Практика показывает, что граница между запрещённым и опосредованно допустимым основанием остаётся достаточно размытой. По обобщённым данным 2024 г., доля отмен по формально исключённому для особого порядка основанию составляет заметные 6,1 % [3]. При этом официальная судебная статистика с середины

2010-х годов не содержит отдельной разбивки оснований отмены применительно именно к главе 40 УПК РФ, что затрудняет системный мониторинг качества правоприменения по данной категории дел.

Изучение опубликованной судебной практики подтверждает, что риски, заложенные в саму конструкцию особого порядка, реализуются не гипотетически. Показательно дело гр. Д., обвинявшегося по части 3 статьи 260 Уголовного кодекса Российской Федерации в незаконной рубке лесных насаждений: суд первой инстанции постановил обвинительный приговор в особом порядке, приняв в качестве доказательства размера ущерба справку-расчёт, не содержащую даты составления, печати лесничества и данных о методике исчисления суммы. При кассационном пересмотре судебная коллегия признала документ ненадлежащим доказательством и отменила приговор [10], что продемонстрировало формальное, а не содержательное исполнение судом обязанности части 7 статьи 316 УПК РФ. Ещё нагляднее ситуация «обратной преюдиции» — дело В. Гильфанова, осуждённого по правилам главы 40.1 УПК РФ за участие в преступном сообществе без исследования доказательств: впоследствии Верховный Суд Республики Татарстан, рассматривая в общем порядке дело иных участников того же сообщества, установил отсутствие признаков преступного сообщества как такового и оправдал этих лиц, а Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая жалобу Гильфанова, исключил из его приговора соответствующее осуждение [11]. Данный случай показывает, что проверка обоснованности обвинения, формально возложенная законом на суд первой инстанции, фактически может откладываться до момента, пока по связанному делу не появится приговор в условиях полноценного судебного следствия, причём инициатива устранения такого противоречия целиком зависит от активности самого осуждённого [11].

С учётом изложенного целесообразно дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 [12] примерным перечнем

минимально необходимых действий суда по проверке обоснованности обвинения при отсутствии исследования доказательств, а также дополнить его требованием о кратком указании в описательно-мотивировочной части приговора на изученные судом материалы дела — без анализа их содержания и оценки достоверности, что прямо запрещено частью 8 статьи 316 УПК РФ. Подобное указание создало бы для суда апелляционной инстанции содержательную опору при опосредованной проверке через основание, предусмотренное пунктом 2 части 1 статьи 389.15 УПК РФ. Применительно к проблеме «обратной преюдиции» целесообразно законодательно закрепить обязанность прокурора инициировать пересмотр приговора, постановленного в особом порядке, если по связанному уголовному делу в отношении иных лиц вступившим в законную силу судебным актом установлены обстоятельства, ставящие под сомнение обоснованность ранее принятого обвинения [11]. Реализация данных предложений не потребует пересмотра самой идеи процессуальной экономии, однако позволит повысить содержательность тех немногих гарантий, которые доступны суду при сокращённой процедуре.

Таким образом, особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением представляет собой самостоятельную компромиссную форму дифференциации уголовного судопроизводства. Его специфика заключается в том, что при отказе от состязательного исследования доказательств за судом сохраняется контроль за обоснованностью обвинения. На практике реализация этого контроля сталкивается с рядом устойчивых проблем: это и размытость границы допустимых оснований обжалования, и отсутствие системного механизма устранения противоречий между судебными актами по связанным делам. Устранение указанных проблем предполагает не пересмотр самой идеи процессуальной экономии, а конкретизацию содержания обязанности суда по проверке обоснованности обвинения.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: ред. от 26 июля 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Застрожин В. Количество дел, рассмотренных в особом порядке, остается высоким // Адвокатская газета. — 2023. — 1 июня. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kolichestvo-del-rassmotrennykh-v-osobom-poryadke-ostaetsya-vysokim/> (дата обращения: 16.09.2026).
3. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — Москва, 2025. — С. 12. — URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 16.09.2026).
4. Боярская А. В. Упрощённое уголовно-процессуальное производство: понятие и способы образования // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2021. — Т. 18, № 2. — С. 99–108.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 4 августа 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
6. Маркелов А. Г. Идея уголовно-процессуального компромисса при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: монография / отв. ред. М. П. Поляков. — Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2020. — 175 с.

7. О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 30. — Ст. 4750.
8. Стельмах В. Ю. Согласие обвиняемого с обвинением как условие применения особого порядка судебного разбирательства // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 1. — С. 123–132.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 51. — Ст. 5026.
10. Кассационное определение Верховного Суда Республики Бурятия от 2012 г. № 22–2241/2012 // Архив Верховного Суда Республики Бурятия.
11. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 августа 2024 г. по делу № 11-УД24–13-К6 // СПС «КонсультантПлюс».
12. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60: ред. от 29 июня 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2007. — № 2.

Экстрадиция нацистских военных преступников после Второй мировой войны как предпосылка принципа «выдать или судить»

Халмрадова Екатерина Сергеевна, студент магистратуры
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

*Исследуется развитие выдачи нацистских военных преступников в 1943–1973 гг. На основе анализа союзнических соглашений, резолюций ООН и международных конвенций раскрывается связь послевоенных механизмов передачи обвиняемых с принципом *aut dedere aut judicare* — «выдать или судить». Обосновывается, что эти механизмы не составляли единого экстрадиционного режима, но способствовали формированию альтернативы выдачи и национального преследования. Особое внимание уделяется территориальной юрисдикции, ограничению политического исключения и неприменимости срока давности.*

Ключевые слова: экстрадиция, выдача преступников, военные преступления, преступления против человечности, Нюрнбергский трибунал, неприменимость срока давности, *aut dedere aut judicare*.

Победа над нацистской Германией поставила перед союзными державами задачу, не имевшую исторического аналога по своему масштабу: к ответственности надлежало привлечь не только высшее руководство Третьего рейха, но и тысячи лиц, совершавших преступления на территории различных государств. Подозреваемые перемещались вместе с потоками беженцев, изменяли идентичность, оказывались в разных оккупационных зонах и в странах, не принимавших участия в войне. Традиционная двусторонняя экстрадиция, основанная на перечнях общеуголовных деяний, принципе двойной наказуемости и исключении политических преступлений, не отвечала масштабу возникшей задачи.

Научная проблема заключается в юридической квалификации послевоенной модели. В ретроспективе ее нередко описывают формулой *aut dedere aut judicare* — обязанностью государства либо выдать предполагаемого преступника, либо осуществить его собственное преследование. Однако универсальной договорной формулы, применимой ко всем военным преступлениям, в 1945 г. еще не существовало [16; 17; 19; 24].

Предметом настоящей статьи являются правовые элементы, из которых впоследствии сформировался принцип

«выдать или судить». Хронологические рамки исследования охватывают 1943–1973 гг. — от Московской декларации до принятия ООН принципов международного сотрудничества в отношении военных преступников.

Отправной точкой формирования данной системы стала Декларация об ответственности фашистов за совершаемые зверства, опубликованная 30 октября 1943 г. от имени СССР, США и Великобритании. В ней было проведено принципиальное разграничение [1]. Лица, чьи преступления имели определенную географическую локализацию, подлежали возвращению в страны совершения деяний и суду по законам этих стран. Судьба главных преступников, преступления которых не были связаны с конкретным местом, должна была решаться союзниками совместно.

Формула возвращения соединяла передачу лица с территориальной юрисдикцией пострадавшего государства. В отличие от классической экстрадиции соответствующие отношения возникали в рамках чрезвычайного режима войны, поражения и оккупации. По результату передача была сходна с экстрадицией — физическим предоставлением обвиняемого компетентной юрисдикции, однако отличалась по основанию и процедуре.

Декларация решала проблему убежища: перемещение через границу не должно было становиться способом избежать ответственности. В этом проявился ранний элемент *dedere*. Однако самостоятельная альтернатива *judicare* — преследование государством места нахождения — еще не была сформулирована в качестве общей обязанности. Другим достижением стала индивидуализация ответственности. Речь шла о конкретных офицерах, солдатах и членах нацистской партии. Именно персонализация международного преступления сделала трансграничный розыск юридически необходимым.

Разграничение, намеченное в Московской декларации, получило развитие в Лондонском соглашении от 8 августа 1945 г., учредившем Международный военный трибунал для суда над главными военными преступниками европейских стран оси, преступления которых не имели определенной географической локализации [2]. Устав определил преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, закрепил личную ответственность руководителей, организаторов, подстрекателей и пособников. Официальное положение не освобождало от ответственности [2; 3].

Соглашение не являлось универсальным экстрадиционным договором. Его статья 4 сохраняла действие Московской декларации в части возвращения преступников в страны совершения деяний, а статья 6 не затрагивала национальную и оккупационную юрисдикцию [2]. Возникла многоуровневая система: Международный трибунал — для главных преступников; территориальные суды — для локализованных преступлений; оккупационные и национальные суды — для иных обвиняемых.

Закон Контрольного совета в Германии № 10 от 20 декабря 1945 г. создал основу для преследования военных преступников и иных лиц в отдельных оккупационных зонах [4; 20]. Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 95 (I) подтвердила принципы, признанные Уставом и приговором Нюрнбергского трибунала [5]. Для экстрадиции это имело фундаментальное значение: международное преступление влекло индивидуальную ответственность, поэтому государство пребывания не могло оправдывать полное бездействие ссылкой на то, что деяние являлось актом иностранной власти.

За пределами союзнических соглашений задача международного сотрудничества получила отражение в актах ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3 (I) от 13 февраля 1946 г. рекомендовала принимать меры к задержанию и высылке военных преступников в страны, где они совершили преступления, для суда и наказания [6]. Резолюция 170 (II) от 31 октября 1947 г. вновь осудила предоставление убежища и призвала содействовать передаче обвиняемых [7]. Эти акты не являлись договорами и не устанавливали процедуры, однако изменили нормативное ожидание: укрытие преступника переставало восприниматься как нейтральное проявление суверенитета.

Позднее резолюцией 3074 (XXVIII) от 3 декабря 1973 г. были утверждены Принципы международного сотруд-

ничества в обнаружении, аресте, выдаче и наказании виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечности [13]. Государства призывались к сотрудничеству, а указанные преступления не должны были считаться политическими для целей выдачи.

Деполитизация стала ключевым преобразованием классической экстрадиции. Массовые преступления государственного режима почти всегда связаны с политикой. Широкая оговорка о политическом преступлении превратилась бы в механизм безнаказанности. Послевоенная система провела содержательную границу: политический контекст не изменяет уголовной природы военных преступлений и преступлений против человечности.

Для оценки значения указанных актов необходимо уточнить содержание принципа «выдать или судить». Формула *aut dedere aut judicare* означает альтернативное исполнение международной обязанности: государство, обнаружившее лицо, передает его компетентной юрисдикции либо направляет дело собственным органам для уголовного преследования. Ее цель — не безусловный приоритет выдачи, а исключение безопасной гавани [16–19; 22; 24].

Послевоенные акты содержали элементы этой конструкции, но не образовывали единого режима. Московская декларация делала акцент на возвращении к месту преступления; Лондонское соглашение — на международной юрисдикции для главных преступников; национальные процессы — на суде по месту нахождения или контроля; резолюции ООН — на общей обязанности сотрудничать. Это была распределенная модель, в которой функции *dedere* и *judicare* выполнялись различными каналами.

Женевские конвенции 1949 г. приблизили систему к договорной формуле. Государства обязались разыскивать лиц, обвиняемых в серьезных нарушениях, предавать их собственному суду независимо от гражданства либо передавать другой заинтересованной стороне при наличии достаточных доказательств [8–11; 16; 19]. Послевоенная практика можно считать исторической предпосылкой принципа «выдать или судить». Она доказала необходимость согласования территориальной юрисдикции, контроля государства места нахождения, запрета выдачи собственных граждан и возможности международного суда.

Однако развитие механизмов передачи и преследования не устраняло препятствий, связанных с давностью. Во многих правовых порядках ее истечение исключало преследование и одновременно служило основанием отказа в выдаче.

Конвенция ООН 1968 г. закрепила неприменимость срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности независимо от времени их совершения [12]. Государства обязались принимать внутренние меры, необходимые для обеспечения выдачи соответствующих лиц. Связь материального правила с экстрадицией принципиальна: устранение давности сохраняет международное сотрудничество спустя десятилетия.

Неприменимость давности выражает оценку особой тяжести деяний, но не ослабляет стандарт доказывания.

Позднее преследование требует строгой проверки личности, архивных материалов и свидетельств. Следует ограничивать возможность преследования и доказанность причастности. Историческая справедливость не заменяет индивидуального доказывания; в противном случае была бы утрачена центральная идея Нюрнбергского трибунала — личная, а не коллективная ответственность [20; 21; 23].

Проблема давности была частью более широкого вопроса о соотношении специальных правил преследования международных преступлений и общего экстрадиционного режима. Этот режим на региональном уровне оформила Европейская конвенция о выдаче 1957 г., систематизировавшая правила двойной наказуемости, политического исключения, гражданства, давности и конкурирующих запросов [14]. Однако опыт розыска нацистских преступников показал, что общая модель нуждается в специальных решениях применительно к международным преступлениям.

Обвиняемый мог ссылаться на политический характер дела, приобретенное гражданство, давность или отсутствие точного состава в национальном законе. Каждый из этих институтов обычно защищает суверенитет и личность от произвольной передачи. Послевоенное развитие не отменило гарантии, а ограничило их использование в качестве щита от ответственности за деяния, преступность которых вытекала из международного права.

Нормативная эволюция сопровождалась практикой государств, непосредственно пострадавших от нацистских преступлений. В частности, СССР участвовал в подготовке Московской декларации, Лондонского соглашения и Устава Международного военного трибунала, направил судей и обвинителей в Нюрнберг, а также преследовал лиц, совершивших преступления на оккупированной территории. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. предусматривал ответственность немецко-фашистских преступников и их пособников [15].

Для советской позиции территориальная связь имела особое значение вследствие масштаба преступлений на оккупированной территории. Передача в государство места совершения деяний обеспечивала доступ к свидетелям, документам и местам захоронений, а также право пострадавшего общества дать юридическую оценку причиненному вреду.

Практика разных государств оставалась непоследовательной. Холодная война, разведывательные интересы,

различия законодательства и политические приоритеты замедляли розыск. Разрыв между провозглашенной неотвратимостью и фактическим сотрудничеством показывает, что декларации без устойчивых процедур, архивного обмена и специализированных органов недостаточны. Современный смысл этого опыта состоит в признании права территориального государства на эффективное расследование при сохранении индивидуальной ответственности и судебной процедуры.

Таким образом, послевоенная экстрадиция нацистских преступников была частью более широкой системы международной уголовной ответственности: Московская декларация установила территориальную логику возвращения, Лондонское соглашение разграничило международную и национальную юрисдикции, Закон Контрольного совета № 10 обеспечил процессы в оккупационных зонах, резолюции ООН утверждали недопустимость убежища, Женевские конвенции приблизили систему к договорной альтернативе «судить или передать», а Конвенция 1968 г. нейтрализовала давность.

Этот режим нельзя без оговорок назвать завершенным воплощением *aut dedere aut judicare*: он был фрагментарным, зависел от оккупационного статуса Германии и сочетал обязательные нормы с рекомендательными актами. Однако в нём сложились четыре элемента будущего принципа [19; 24]:

- международное преступление не является обычным политическим деянием;
- нахождение за границей не создает иммунитета;
- государство должно обеспечить правомерный канал ответственности;
- время не превращает наиболее тяжкие преступления в юридически безразличные.

Исторический опыт позволяет сформулировать итоговый вывод: цель экстрадиции состоит не в передаче как таковой, а в предотвращении безнаказанности при соблюдении законности. Если выдача невозможна из-за гражданства или иной допустимой причины, государство местонахождения должно рассмотреть вопрос о собственном преследовании. Одновременно ни тяжесть обвинения, ни интерес потерпевшего государства не отменяют доказательственных и процессуальных гарантий. Соединение неотвратимости и индивидуальной защиты составляет главное наследие послевоенной системы.

Литература:

1. Declaration of German Atrocities (Moscow Declaration), 30 October 1943 // The Avalon Project, Yale Law School. URL: <https://avalon.law.yale.edu/wwii/moscow.asp> (дата обращения: 19.09.2026).
2. Agreement for the Prosecution and Punishment of the Major War Criminals of the European Axis and Charter of the International Military Tribunal. London, 8 August 1945 // United Nations Treaty Series. Vol. 82. P. 279–311. URL: <https://humanrts.umn.edu/instreet/1945a.htm> (дата обращения: 19.09.2026).
3. International Military Tribunal. Judgment // Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Vol. I. Nuremberg, 1947. P. 171–341 // Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/item/2011525338_NT_Vol-I/ (дата обращения: 19.09.2026).

4. Control Council Law No. 10: Punishment of Persons Guilty of War Crimes, Crimes against Peace and against Humanity, 20 December 1945 // Official Gazette Control Council for Germany. 1946. No. 3. P. 50–55. URL: <https://avalon.law.yale.edu/imt/imt10.asp> (дата обращения: 19.09.2026).
5. Affirmation of the Principles of International Law Recognized by the Charter of the Nürnberg Tribunal: UN General Assembly Resolution 95 (I), 11 December 1946 // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/209872> (дата обращения: 19.09.2026).
6. Extradition and Punishment of War Criminals: UN General Assembly Resolution 3 (I), 13 February 1946 // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/209572> (дата обращения: 19.09.2026).
7. Surrender of War Criminals and Traitors: UN General Assembly Resolution 170 (II), 31 October 1947 // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/209997> (дата обращения: 19.09.2026).
8. Geneva Convention (I) for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field, 12 August 1949. Art. 49 // ICRC IHL Databases. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gci-1949/article-49> (дата обращения: 19.09.2026).
9. Geneva Convention (II) for the Amelioration of the Condition of Wounded, Sick and Shipwrecked Members of Armed Forces at Sea, 12 August 1949. Art. 50 // ICRC IHL Databases. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gcii-1949/article-50> (дата обращения: 19.09.2026).
10. Geneva Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War, 12 August 1949. Art. 129 // ICRC IHL Databases. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gciii-1949/article-129> (дата обращения: 19.09.2026).
11. Geneva Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War, 12 August 1949. Art. 146 // ICRC IHL Databases. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gciv-1949/article-146> (дата обращения: 19.09.2026).
12. Convention on the Non-Applicability of Statutory Limitations to War Crimes and Crimes against Humanity, 26 November 1968 // United Nations Treaty Series. Vol. 754. P. 73. URL: <https://legal.un.org/avl/ha/cnslwcch/cnslwcch.html> (дата обращения: 19.09.2026).
13. Principles of International Co-operation in the Detection, Arrest, Extradition and Punishment of Persons Guilty of War Crimes and Crimes against Humanity: UN General Assembly Resolution 3074 (XXVIII), 3 December 1973 // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/191220> (дата обращения: 19.09.2026).
14. European Convention on Extradition. Paris, 13 December 1957 (ETS No. 024) // Council of Europe Treaty Office. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=024> (дата обращения: 19.09.2026).
15. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» от 19 апреля 1943 г. // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 164. Л. 118–120. URL: <https://www.prlib.ru/item/1954894> (дата обращения: 19.09.2026).
16. Bassiouni M. Cherif, Wise E. M. Aut Dedere Aut Judicare: The Duty to Extradite or Prosecute in International Law. Dordrecht; Boston; London: Martinus Nijhoff Publishers, 1995. ISBN 978-0-7923-3349-4. URL: <https://brill.com/display/title/9446> (дата обращения: 19.09.2026).
17. Mitchell C. Aut Dedere, aut Judicare: The Extradite or Prosecute Clause in International Law. Genève: Graduate Institute Publications, 2009. DOI: 10.4000/books.iheid.249. URL: <https://books.openedition.org/iheid/249> (дата обращения: 19.09.2026).
18. van Steenberghe R. The Obligation to Extradite or Prosecute: Clarifying its Nature // Journal of International Criminal Justice. 2011. Vol. 9, No. 5. P. 1089–1116. DOI: 10.1093/jicj/mqr049.
19. International Law Commission. The Obligation to Extradite or Prosecute (aut dedere aut judicare): Final Report. 2014. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/reports/7_6_2014.pdf (дата обращения: 19.09.2026).
20. Heller K. J. The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law. Oxford: Oxford University Press, 2011. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199554317.001.0001. ISBN 978-0-19-955431-7.
21. Cassese A., Gaeta P. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013. ISBN 978-0-19-969492-1.
22. Enache-Brown C., Fried A. Universal Crime, Jurisdiction and Duty: The Obligation of Aut Dedere Aut Judicare in International Law // McGill Law Journal. 1998. Vol. 43, No. 2. P. 613–633. URL: <https://lawjournal.mcgill.ca/article/universal-crime-jurisdiction-and-duty-the-obligation-of-aut-dedere-aut-judicare-in-international-law/> (дата обращения: 19.09.2026).
23. Douglas L. The Memory of Judgment: Making Law and History in the Trials of the Holocaust. New Haven: Yale University Press, 2001. XIII, 318 p. ISBN 978-0-300-08436-8.
24. Сливинская Н. Ю. Правовая природа и охват международного обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование (aut dedere aut judicare) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 272–278. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-i-ohvat-mezhdunarodnogo-obyazatelstva-ili-vydavat-ili-osuschestvlyat-sudebnoe-presledovanie-aut-dedere-aut> (дата обращения: 19.09.2026).

Виды конкуренции исков в цивилистическом процессе

Шиловских Артем Николаевич, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В настоящее время проблема конкуренции исков остается актуальной. В первую очередь она обусловлена наличием дискуссий как в целом по вопросу конкуренции исков в цивилистическом процессе, так и ее видов. Обсуждение данной проблемы происходит не только на теоретическом, но и практическом уровне.

Наличие различных точек зрения и подходов к понятию «конкуренция исков», к ее сущности и видам конкуренции исков вызывает трудности на практике, в число которых выходит выбор одного из видов конкурирующих исков. В связи с этим возникает необходимость в детальном изучении вопроса о конкуренции исков и ее видах.

Цель данной работы состоит в изучении видов конкуренции исков в цивилистическом процессе, а также анализе особенностей каждого из них.

При подготовки научной работы были изучены различные научные труды, посвященные как в целом вопросу конкуренции исков, так и ее видам. В частности, был проведен глубокий анализ научных работ таких авторов как А. А. Токаревой, К. Р. Абушаевой, Е. Н. Холмогоровой, Л. С. Шестаковой. Труды указанных авторов посвящены сущности и видам конкуренции исков.

Конкуренция исков как правовое явление появилось еще в Древнем Риме. Римляне определяли конкуренцию исков как ситуацию, при которой одна сторона может подать несколько исков, которые будут направлены на достижение одного результата [4]. При этом, они говорили о невозможности удовлетворения сразу нескольких исков одновременно.

В настоящий момент конкуренцию исков формулируют по-разному, однако все определения сводятся к тому, что субъект обладает правом выбора одного из видов исков для подачи в суд в целях защиты своих прав и интересов. В связи с этим рассмотрим какие виды конкурирующих исков выделяют на сегодняшний день. Однако учитывая, что первое упоминание о рассматриваемом нами правовом явлении было у римлян, считаем целесообразным рассмотреть виды конкуренции исков, которые выделяли ученые-юристы Древнего Рима.

Так, римляне выделяли два основных вида конкуренции исков: кумулятивная и элективная. Первый вид предполагал, что одна сторона имеет право подать несколько исков, которые как таковые не зависят друг от друга, по одному основанию, а второй — сторона может подать только один иск из конкурирующих [2]. Стоит отметить, что данная классификация была основной.

В качестве примеров кумулятивной конкуренции исков можно привести ситуацию, когда одна сторона — собственник имущества вправе предъявить иск об истребовании имущества и иск о возмещении убытков. При-

мером элективной конкуренции исков может служить ситуация, при которой одна сторона вправе подать иск о возврате лишне уплаченных денежных средств в случае, если она оплатила один товар по двойной цене.

Подобное деление конкуренции исков имело важное процессуальное значение, поскольку сторона, учитывая конкретные обстоятельства, могла выбрать определенный способ защиты своих прав, в том числе и вид иска, а правильный выбор позволяет избежать риск негативного завершения судебного процесса для данной стороны. Кроме того, данная классификация так или иначе легла в основу современного деления конкуренции исков на виды.

В настоящее же время выделяют виды конкуренции исходя из предмета регулирования спорных материальных правоотношений: «конкуренция вещных и обязательственных исков; конкуренция вещных исков внутри системы этих требований; конкуренция обязательственных-правовых требований между собой» [3].

Стоит отметить, что выделение данной классификации также остается спорным вопросом. Обсуждение сводится к тому, что подобная классификация имеет как достоинства, так и недостатки. Если говорить о достоинствах, то классификация позволяет выявлять особенности каждого вида конкуренции исков, а также имеет практическую ценность. Что касается недостатков, то вышеуказанная классификация не охватывает весь спектр возможных ситуаций и не учитывает природу самого иска, что в свою очередь влияет на эффективность судебного процесса и как итога на решение суда [3].

По-нашему мнению классификация конкуренции исков должна учитывать сразу несколько факторов, в частности, изменения юридических норм, судебную практику, а также особенности конкретного дела. Только при учете всех факторов может получиться создать полноценную современную и эффективную классификация конкуренции исков.

Большинство авторов особое внимание уделяют именно первому виду, то есть конкуренции вещных и обязательственных исков. В данном случае необходимо говорить о соотношении виндикации, имеющей вещно-правовой характер, и реституции, обладающей обязательственным характером.

Что касается виндикации, то статья 301 ГК РФ закрепляет, что «собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения» [1]. В данном случае важно понимать, что виндикационный иск подается в ситуации, когда собственник (истец) лишился своего имущества не по своей воли, в отношении лица (ответчик), являющимся недобросовестным приобрета-

телем или же добросовестным, который приобрел данное имущество по безвозмездной сделке [2].

Реституция как самостоятельный институт гражданского права представляет собой «имущественное последствие признания сделки недействительной» [5]. Согласно статье 167 ГК РФ «при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом» [1]. В данном случае важным аспектом является факт заключения договора между истцом и ответчиком.

В настоящее время вопрос разграничения виндикационного и реституционного исков является дискуссионным, поскольку ученые-юристы разделились на два основных лагеря. Первый лагерь выступает с позицией о необходимости разграничения данных видов конкури-

рующих исков, второй наоборот считает, что в этом нет необходимости [2].

Рассмотрев одну из классификации конкуренции исков необходимо отметить, что выделяют и другие виды конкуренции исков, например, А. А. Токарева указывает на следующую классификацию конкуренции исков: «конкуренция между исками о присуждении; конкуренция между исками о признании; конкуренция между исками о присуждении и исками о признании; конкуренция между преобразовательными исками и иными исками» [3].

Таким образом, проблема конкуренции исков сводится не только к отсутствию единого подхода к понятию, но и единой классификации конкуренции исков. Данная проблема так или иначе приводит к трудностям выбора конкретного вида иска в рамках гражданского процесса. При выборе иска необходимо учитывать обстоятельства дела, характер нарушения права и цель, которую субъект желает достичь.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025) // «Собрание законодательства РФ». — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Абушаева К. Р. Конкуренция виндикационного и реституционного иска в российском праве // Мир права д. ю.н., проф. Б. Б. Черепашина: Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 04 октября 2024 года. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2025. — С. 124–133. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80232682>
3. Токарева А. А. К вопросу о видах конкуренции исков в гражданском процессе // Цивилистика: право и процесс. — 2022. — № 1(17). — С. 20–24. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48995617>
4. Холмогорова Е. Н. Конкуренция исков в гражданском праве: понятие и сравнительный анализ в правовых системах / Е. Н. Холмогорова // ExLegis: правовые исследования. — 2021. — № 4. — С. 33–35. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50739887>
5. Шестакова Л. С. Соотношение кондикционных обязательств и реституции: конкуренция исков // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2022. — № 3. — С. 104–109. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-kondiktsonnyh-obyazatelstv-i-restitutsii-konkurenciya-iskov>

Работники старших возрастных групп как участники трудовых отношений

Яшникова Дарья Александровна, студент магистратуры

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Согласно Трудовому кодексу Российской Федерации работник — это физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем (ст. 20 ТК РФ). В статье 63 Трудового кодекса Российской Федерации определяется возраст, по достижении которого можно вступать в трудовые отношения. Как можно заметить, законодатель устанавливает лишь минимальный порог (16 лет или ранее), но ничего не говорит о том, какой возраст может стать пределом для заключения трудового договора.

В этой связи интересным представляется понимание возрастных границ для так называемой категории лиц старших возрастных групп.

В соответствии с документами ООН и МОТ пожилыми гражданами являются лица, возраст которых равен или старше 60 лет. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), оперируя возрастными параметрами и принимая во внимание точку зрения геронтологии (науки о старении), делит старость на три этапа: 60–75 лет — пожилой возраст, ранняя старость; 75–90 лет — преклонный

возраст, поздняя старость; старше 90 лет — старческий возраст, долгожительство [1, С. 21].

Понятие «пожилой возраст» довольно активно используется в нормативных правовых актах, докладах, медицинских документах международного и российского уровней, однако единого понимания не сложилось.

В Налоговом кодексе РФ (ч. 2), в паспорте национального проекта «Демография» [2], а также во многих других российских нормативных правовых актах и документах словосочетание «пожилой возраст» упоминается, но не конкретизируется.

В Клинических рекомендациях «Старческая астения», утвержденных Министерством здравоохранения России в 2018 году, пожилой возраст определяется в соответствии с классификацией возрастных групп ВОЗ — 60–74 года. Очевидно, что данное установление имеет прикладное медицинское значение и на роль полноценной правовой дефиниции не подходит.

Согласно действующему пенсионному законодательству, пенсионный возраст определяется относительно мужчин и женщин 65 и 60 лет [3]. Можно сказать и о более раннем пенсионном возрасте, который связан с правом на досрочные страховые пенсии по старости или пенсии за выслугу лет (55–50 лет).

Таким образом, к лицам пожилого возраста в контексте настоящей статьи будем относить:

- пенсионеров, которые являются получателями пенсии по старости и (или) за выслугу лет (к пенсионерам по возрасту относятся лишь те лица, достигшие пенсионного возраста, которым в соответствии с пенсионным законодательством назначена пенсия по возрасту (по старости) [4];
- лиц, достигших пенсионного возраста, но по каким-либо причинам не получающих пенсию по старости и (или) за выслугу лет;
- лиц предпенсионного возраста, возрастной период продолжительностью до пяти лет, предшествующий назначению лицу страховой пенсии по старости в соответствии с пенсионным законодательством РФ.

Регуляция взаимоотношений между работодателем и работниками данной возрастной категории становится очень актуальной в связи со сложившейся в настоящее время ситуацией на кадровом рынке — нехватка свободных квалифицированных, ответственных и дисциплинированных работников с минимальными временными затратами на переобучение, наличием большого опыта работы не только в требуемых работодателями сферах, но и производственных, торговых, сферах перевозок, услуг и иных в том числе и массовых профессиях. Специфика данных отношений оттеняется не только необходимостью учета актуальных требований окружающей жизни по высокотехнологической среде и большим охватом цифровизации, с использованием часто в обязательном порядке на достаточном уровне компьютеризированной техники для исполнения своих обязанностей, работе с базами данных и соответствующими программами, но, и в том числе,

корреляции требований по здоровью и возрасту, планке интенсивности и многозадачности.

При этом законодатель, стремясь сохранить баланс прав и обязанностей всех субъектов трудовых правоотношений, оптимизировать формы государственной социальной и трудовой политики в сфере регламентации трудовых отношений, в том числе с участием работников старших возрастных групп, устанавливает исключительно отдельные ключевые требования к формализации отношений с этой группой. При этом все остальные установления относятся по умолчанию к общему порядку заключения, функционированию и прекращению таких правоотношений, иное сразу же может быть квалифицировано как дискриминация по возрасту.

Это — дополнительное основание предоставления отпуска без сохранения заработной платы по заявлению такого работника — до 14 календарных дней в году (ст. 18 ТК РФ), увеличенное время освобождения от работы с сохранением места работы (должности) и среднего заработка в качестве гарантии при прохождении диспансеризации (ст. 185.1 ТК РФ), дополнительное основание увольнения по заявлению работника о выходе на пенсию без обязательного предварительного уведомления однократно (ст. 80 ТК РФ), льготная возможность назначения досрочной пенсии по старости при определенных условиях в рамках Федерального закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», установление единственно легитимного показателя как ограничительного предела — возраста лиц, замещающих отдельные должности — ФЗ «О государственной гражданской службе» № 79-ФЗ, ст. 332.1. ТК РФ.

Остальные установления льгот, направленных на стимулирование сторон трудовых отношений по привлечению трудовых ресурсов этой категории оставлено на регулирование как на низшем уровне — уровне конкретных трудовых договоров, что крайне малоприменимо в нынешних условиях, так и на уровне социального партнерства в виде заключения в определенных условиях обязательных коллективных договоров в отдельных компаниях, предприятиях и организациях, так и региональных и профессиональных соглашениях по установлению рекомендуемых, а когда и обязательных льгот правил и норм.

При этом законодатель стремится не доводить над работодателями при правовом регулировании, ярко не выделяя эту возрастную группу, в отличие от иных социальных групп — несовершеннолетних в разных возрастных категориях или инвалидов, например, позволяя расценить любое не установленное ограничение или воспрепятствование реализации какого-либо права со ссылкой на возраст как дискриминацию. Это, с одной стороны, дисциплинирует работодателей, чего уж скрывать, сильно ограничивает их при уже установленных отношениях, но и охлаждает интерес к широкому привлечению данной возрастной группы на вакантные места.

Если, устанавливая квалифицированный критерий работодатель может правомерно и скрупулезно достигать

при подборе персонала своих целей, то имея в виду опосредованный показатель — здоровье претендента и следствие его — в виде средневзвешенного количества времени нахождения нетрудоспособными заставляет не совсем добросовестных представителей работодателя вводить любые-иные даже не обязательные для них показатели для оставления в качестве основания в отказе в приеме на работу.

Раздел III Рекомендации № 122 «О политике в области занятости» посвящен специальным мерам защиты пожилых работников. Так, согласно п. 12 Рекомендации, при участии организаций работодателей и работников необходимо проводить исследования с целью определения тех видов деятельности, которые ускоряют процесс старения или при которых пожилые работники испытывают трудности адаптации к требованиям их работы, а также с целью определения причин этого и выработки соответствующих решений. В п. 16 Рекомендации указывается, что в отношении пожилых работников необходимо применять системы вознаграждения, приспособленные к их потребностям, т. е. должны использоваться системы вознаграждения, в которых учитывается не только скорость выполнения работы, но также умение и опыт; должен поощряться перевод пожилых работников с системы сдельной на систему повременной оплаты. Кроме того, предлагается принимать меры для предоставления пожилым работникам по их желанию других возможностей для работы по той же или другой специальности, где они смогут применять свои способности и опыт, по возможности, без потерь в заработной плате [5, С. 82–87].

Однако, по вопросам занятости работники старших возрастных групп не расцениваются, по общему порядку,

в качестве особо нуждающихся в социальной защите группы населения на федеральном уровне. Так как законодатель не вводит института квотирования рабочих мест для лиц, и предпенсионного, и пенсионного возраста. Для справедливости стоит отметить, что самый яркий пример квотирования в отношении инвалидов имеет в настоящее время значительные недостатки, не позволяющие улучшить положение инвалидов на рынке труда, не говоря уж о попытке создать обязательность этого в отношении работников этой возрастной группы.

Если законодатель скорее всего не хочет нарушать сложившийся баланс в вопросе правовой регуляции трудовых отношений этого вида, исходя из интересов государства, декларирующего свою социальность, и стабильно функционирующей экономики, то может следует начать исходить, что уже для работников пенсионного и предпенсионного возраста одним из важнейших ориентиров являются сохранение определенного уровня, как минимум не направленного на ухудшение здоровья в процессе труда. Работа в таком режиме, позволяющем при определенной взаимовыгодной потребности приложить свои усилия к возможности вознаграждаемой передаче своих знаний молодому поколению. Для этого возможно установление определенных ограничений, как на федеральном, так и региональном, или же на уровне локальных нормативно-правовых актов: в части привлечения к работам в ночное время для работающих пенсионеров, в выходные и праздничные нерабочие дни, при направлении в командировки, возможность установления по заявлению работника гибкого графика и/или неполного рабочего дня, установления льготного срока предупреждения об увольнении по собственному желанию.

Литература:

1. Яцемирская Р. С., Беленькая И. Г. Социальная геронтология. Москва: Инфра-М, 2012. — С. 21.
2. Паспорт национального проекта «Демография»: утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 дек. 2018 г. N 16) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
3. Статья 8 Федерального закона от 28.12.2013 N 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
4. Пункт 3 Определения Конституционного суда РФ от 15.05.2007 № 378-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Амурского городского суда Хабаровского края о проверке конституционности положения статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
5. Черепанцева Ю. С., Тараненко В. В. Возрастные особенности работника и их отражение в международно-правовом регулировании труда // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2020. № 1 (43). С. 82–87.

ПЕДАГОГИКА

Концепции современного образования

Багирова Софья Михайловна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье анализируются современные образовательные концепции в условиях глобализации и цифровизации. Обосновывается необходимость их непрерывного обновления и комплексного применения для формирования компетентной личности и повышения эффективности образовательного процесса.

Ключевые слова: педагогические концепции, образование, ассоциативно-рефлекторная концепция, концепция проблемно-деятельностного обучения, концепция программированного обучения, концепция поэтапного формирования умственных действий.

На сегодняшний день мир развивается в условиях глобализации и цифровизации. В связи с этим образование выступает одним из ведущих факторов общественного прогресса. Оно направлено на формирование компетентного интеллектуального потенциала личности, способной к успешной самореализации в условиях нестабильного рынка труда. Задача образования не ограничивается передачей знаний, оно также включает в себя развитие многообразия навыков, критического мышления и творческих способностей. Быстроменяющиеся условия и новые задачи обуславливают необходимость непрерывного обновления и совершенствования образовательных концепций. Непрерывное профессиональное образование позволяет обновлять уже имеющиеся знания, умения и навыки. Поскольку каждая система обучения всегда приспосабливается к конкретной социально-культурной ситуации, то поддерживать уровень знаний на протяжении всей своей жизни люди могут только при наличии личной мотивации [1, с.10].

Современная система педагогического образования базируется на несколько фундаментальных концепций обучения. К ним относятся: ассоциативно — рефлекторная теория, концепция поэтапного формирования умственных действий, концепции проблемно — деятельностного обучения и программированного обучения.

Отдельного внимания заслуживает ассоциативно-рефлекторная теория, основоположниками которой являются С. Л. Рубинштейн, А. А. Смирнов, Ю. А. Самарин и другие. Согласно данной теории, реальные результаты обучения достигаются лишь при аквизиции у обучающихся мотивации.

Данная теория относит любой процесс обучения с ассоциацией, основанной на восприятии чувств. Известно,

что при определённой сонатной настройке чувственного восприятия человек находится в состоянии повышенной активности альфа- или бета-ритмов головного мозга, при которых активизируются когнитивные и вербальные способности [6, с. 315].

К недостаткам данной теории исследователи относят ориентированность на усвоение и воспроизведение, что не в полной мере обеспечивает развитие творчества, слабый индивидуальный подход. К достоинствам ассоциативно — рефлекторной концепции можно отнести опору на объективные физиологические механизмы работы головного мозга, что обеспечивает научную обоснованность обучения.

Теория универсальна и применима к любому уровню образования и различным возрастным категориям. Кроме того, ее элементы успешно интегрируются в современные образовательные технологии.

Теория поэтапного формирования умственных действий (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Н. Ф. Талызина) исходит из того, что любое внутреннее психологическое — есть превращенное внешнее. Усвоение опыта происходит дважды: сначала в социальном плане (между людьми), а потом в психологическом (каждый человек присваивает себе опыт). Психологическое развитие формируется в деятельности, имеет социальную природу и собственную структуру. Процесс обучения строится поэтапно: мотивационный этап, составление схемы ориентировочной основы действия, материализованное действие, внешнеречевое действие, формирование внешней речи «про себя» и формирование действия во внутреннем умственном плане.

Особо отмечается различие между пониманием того, как делать и реальной возможностью выполнить действие,

так как фактически усвоение происходит только через самостоятельное выполнение действия обучающимся.

Таким образом, умственное — внутреннее — действие формируется как преобразование исходного практического действия, его поэтапный переход от существования в материальной форме к существованию в форме внешней речи, затем «внешней речи про себя» (внутреннее проговаривание) и, наконец, в форме свернутого — внутреннего — действия [5, с. 88].

Теория проблемно — деятельностного обучения, разработанная учеными и педагогами А. В. Барабанщиковым, А. М. Воробьевым, Э. Н. Коротковым, Ю. Ф. Худолеевым и другими претворяет в жизнь два основополагающих принципа: принцип проблемности и принцип деятельности в обучении. Сущность концепции заключается в том, что в процессе учебных занятий, в которых обучающийся, опираясь на полученные знания, самостоятельно обнаруживает и разбирает учебную проблему, действуя в целях поиска и обоснования наиболее оптимальных вариантов ее решения, как мысленно, так и практически. Теория проблемно — деятельностного обучения позволяет приобретать вырабатывать новые навыки и умения, развивать интеллектуальные способности, накапливать опыт творческого решения разнообразных профессиональных задач [2, с.15]. В ходе таких учебных мероприятий значительно возрастает доля самостоятельной интеллектуальной деятельности обучающихся. Процесс познавательной деятельности включает в себя несколько этапов: восприятие и осмысление проблемной ситуации, создание и обоснование модели действий, индивидуальные практические действия, анализ проведенного действия, а также анализ мышления в ходе произведенного действия.

Концепция проблемно — деятельного обучения обеспечивает развитие самостоятельности, творческого мышления и практических навыков у обучающихся через создание проблемных ситуаций и активную познавательную деятельность.

Концепция программированного обучения, разработанная американским психологом Д. Краудером в

1950-х годах, направлена на повышение эффективности усвоения знаний через структурированную подачу информации и контроль.

Программированное обучение представляет собой управляемый процесс получения учебного материала с помощью «обучающего устройства». Существует четыре основных вида программ:

1. Линейная — поочередные блоки материала с контрольными заданиями после каждого,
2. Разветвленная — при неверном ответе предоставляется дополнительная информация,
3. Адаптивная — позволяет выбирать сложность и последовательность материала самостоятельно,
4. Комбинированная — сочетает в себе элементы всех типов [3, с.324].

При использовании разветвленного принципа программирования работа учеников, давших верные или неверные ответы, дифференцируется. Если учащийся верно ответил, то получает подкрепление в виде подтверждения правильности ответа и указание о переходе к следующему шагу программы [4, с. 274]. Следовательно, теория программированного обучения обеспечивает управляемость, индивидуальный темп и постоянную обратную связь в учебном процессе.

Таким образом, проведенный анализ современных образовательных концепций свидетельствует об их непрерывной трансформации и приспособлении к изменяющимся запросам обучающихся. Осмысление и практическое использование данных концепций имеет значение для выстраивания результативных моделей образования.

Для того чтобы современные методики дали результат, необходима согласованная работа всех субъектов обучения, формирование комфортной образовательной атмосферы и партнерские отношения между участниками.

Освоение и внедрение новых образовательных концепций выступает важным условием для совершенствования образовательной сферы, ее способности отвечать вызовам сегодняшнего дня и интересам нового поколения.

Литература:

1. Алексеева П. М. Непрерывное профессиональное образование: современные подходы к определению // Современные методы и инновации в науке. 2022. С. 10–12.
2. Бондарев С. А. Значение теории проблемно — деятельностного обучения // Психолого-педагогические аспекты совершенствования подготовки студентов вуза. Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием. — Новосибирск: Новосибирский гос. аграрный ун-т, 2024. С. 14–15.
3. Зинченко А. С. Концепции современного образования // Молодой ученый. — 2024. — № 44 (543). — С. 322–324.
4. Крившенко Л. П. Педагогика: учебник для вузов / Л. П. Крившенко, Л. В. Юркина. — 3-е изд., перераб. и доп. — М: Юрайт, 2026. — 400 с.
5. Рослякова С. В. Педагогика / под редакцией Р. С. Димухаметова. — 2-е изд., испр. и доп. — М: Юрайт, 2026. — 207 с.
6. Цыбов Н. Н. Применение педагогических теорий, концепций и методов обучения при проектировании интеллектуальных обучающих систем // Самарский научный вестник. 2019. № 1(26) С. 314–321.

Использование современных цифровых технологий в музыкальной деятельности дошкольников

Бронникова Елена Александровна, музыкальный руководитель
МБДОУ детский сад комбинированного вида № 20 пос. Степной МО Ейский район (Краснодарский край)

В статье раскрывается педагогический потенциал цифровых средств в музыкальном развитии детей дошкольного возраста. Автор анализирует условия, при которых мультимедийная презентация, интерактивная музыкально-дидактическая игра, аудио- и видеоматериалы, визуализация и запись детского исполнения работают на образовательную задачу, а не подменяют её. Обосновывается положение о недопустимости замещения практического музицирования пассивным просмотром экранного содержания. Приводится опыт применения цифровых средств в работе музыкального руководителя дошкольной образовательной организации.

Ключевые слова: дошкольное образование, музыкальное развитие ребёнка, цифровые образовательные средства, музыкальный руководитель, мультимедиа, восприятие музыки, детская импровизация.

Ребёнок приходит в детский сад, уже имея опыт общения с экраном. Планшет, портативная колонка, видеоролик, интерактивная картинка сопровождают его дома ежедневно, и делать вид, что этого опыта нет, дошкольная организация не может. Другое дело, что перенос техники в занятие оправдан лишь тогда, когда за ним стоит педагогическая задача. В музыкальном воспитании требование обоснованности особенно строго: музыка приходит к дошкольнику не через один слух, а через движение, эмоциональное переживание, общение со взрослым и совместное действие со сверстниками.

Музыкальное развитие складывается из нескольких взаимосвязанных линий — слушания, пения, музыкально-ритмических движений, игры на детских инструментах, импровизации, участия в праздничном действии. Техника способна поддержать любую из этих линий, оставаясь при этом вспомогательной. С её помощью удастся показать то, что невозможно принести в музыкальный зал: звучание редкого инструмента, фрагмент балетного спектакля, атмосферу концертной сцены. Она же позволяет зафиксировать детское исполнение и вернуться к нему вместе с детьми.

Отечественная музыкальная педагогика давно и убедительно обосновала роль музыки в становлении личности. Н. А. Ветлугина писала: «Музыка, как и любое другое искусство, способна воздействовать на всестороннее развитие ребенка, побуждать к нравственно-эстетическим переживаниям, вести к преобразованию окружающего, к активному мышлению» [1, с. 5]. Цифровая эпоха этот вывод не отменила. Изменились каналы предъявления материала, но не его назначение — развитие чувства, эстетического отношения к миру и способности ребёнка выразить себя в творчестве.

Экранный материал приобретает педагогическую ценность в тот момент, когда вызывает у ребёнка ответное действие. Короткий видеофрагмент имеет смысл, если следом звучит вопрос: как передать этот характер движением, какой инструмент подойдёт, сумеешь ли повторить ритм, на что похожа эта музыка. Занятие, сведённое к наблюдению за экраном, теряет и практическую, и творче-

скую составляющую: ребёнок становится зрителем, тогда как дошкольное музыкальное образование по самой своей природе построено на участии.

Отбор цифровых средств опирается на возрастные психологические закономерности. Л. С. Выготский отмечал: «Творческой деятельностью мы называем такую деятельность человека, которая создает нечто новое» [2, с. 5]. Показ готового мультимедийного продукта под это определение не подходит: новое создаёт не программа, а ребёнок. Задача педагога — выстроить ситуацию, в которой увиденный или услышанный образ становится отправной точкой собственной импровизации. Технология играет здесь роль толчка, за которым следует самостоятельное музыкальное действие.

Самое привычное для музыкального руководителя цифровое средство — качественная аудиозапись. Она открывает детям звучание симфонического, народного и камерного составов, даёт возможность сравнить тембры и услышать, как одно произведение читают разные исполнители. Вытеснять живое исполнение запись не должна. Фортепиано под руками педагога, его голос, возможность видеть, как рождается звук, создают эмоциональную близость, недоступную даже безупречной студийной фонограмме.

Мультимедийная презентация оправдывает себя там, где нужна опора на зрительный образ: разговор о композиторе, знакомство с инструментом, народная традиция, устройство оркестра, балет и опера. Изображение помогает связать звук с его источником. Условие одно — зрительный ряд должен оставаться скупым. Анимация, яркие эффекты, быстрая смена кадров перетягивают внимание на себя, и музыка уходит на второй план. На экране стоит оставлять только те образы, которые работают на понимание произведения или на конкретную музыкальную задачу.

Авторы программы музыкального воспитания «Ладушки» И. М. Каплунова и И. А. Новоскольцева подчёркивают: «Дошкольное детство — это самая благоприятная пора приобщения ребенка к миру прекрасного» [3, с. 3]. В цифровой среде эта мысль звучит по-новому. Педагог

отвечает теперь не только за выбор произведения, но и за качество изображения, чистоту звука, за общую эмоциональную атмосферу встречи с музыкой. Случайный видеоряд, посредственная запись, картинка, расходящаяся с характером звучания, искажают первое впечатление ребёнка, а оно в дошкольном возрасте закрепляется прочно.

Интерактивные музыкально-дидактические игры адресованы слуховому вниманию, чувству ритма, тембровому и звуковысотному слуху. Сюжет обычно строится вокруг персонажа: узнать звучащий инструмент, повторить ритмический рисунок, найти мелодию нужного характера. Ограничиваться нажатием на картинку, однако, нельзя. После выбора полезно спросить, почему ребёнок решил именно так, прохлопать ритм, показать характер звучания жестом, сыграть фрагмент на инструменте. Тогда экранное задание продолжается в реальном музыкальном действии.

Отдельного разговора заслуживает звукозапись детского исполнения. Услышав со стороны собственное пение или игру в оркестре, дети начинают относиться к качеству звучания заметно требовательнее. Совместное прослушивание позволяет обнаружить, вступили ли все одновременно, удержали ли темп, хватило ли песне выразительности. Обсуждение при этом ведётся доброжелательно и на доступном дошкольнику языке. Запись служит не сравнению детей между собой и не поиску ошибок, а становлению слухового самоконтроля и умения оценить общий результат.

В нашем детском саду цифровые средства входят в занятие короткими содержательными эпизодами. Презентацию мы открываем при первой встрече с инструментом: дети видят, как он выглядит, каким способом извлекается звук, в каком ансамбле он обычно звучит. Затем экран гаснет, и работа идёт дальше — с карточками, движением, шумовыми инструментами, музыкальными загадками. Такая смена планов удерживает интерес и не даёт занятию превратиться в длительный просмотр.

При слушании программной музыки мы иногда показываем детям одно-единственное исходное изображение, связанное с темой произведения. Дальше работает воображение: после прослушивания ребята рассказывают, какие картины они увидели, берут цветные ленты и передают возникший образ в движении. Готовую анимацию мы намеренно не включаем — она навязывает один сюжет и сужает поле фантазии. Наши наблюдения показывают: чем скупер визуальное сопровождение, тем разнообразнее ответы детей и тем самостоятельнее их двигательные импровизации.

Над чувством ритма мы работаем с помощью коротких интерактивных заданий, где условные знаки обозначают хлопок, притоп и паузу. Сначала ребёнок читает схему с экрана, затем исполняет её по памяти, без подсказки, и придумывает собственный вариант. В старших группах мы записываем несколько детских ритмических импровизаций, а потом воспитанники определяют их характер и подбирают подходящие движения. Цифровое средство

ничего не предлагает здесь в готовом виде — оно помогает услышать, сохранить и обсудить то, что придумали сами дети.

Живой отклик вызывает создание звуковых картин. Мы записываем шум дождя, шелест листвы, скрип снега под ногами, птичьи голоса, звучание детских инструментов. Дальше решение принимают дети: какие звуки войдут в музыкальную историю, в каком порядке они появятся, какое настроение должно получиться. Техническую сборку берёт на себя музыкальный руководитель, содержание композиции рождается совместно. В такой работе соединяются слушание, экспериментирование, воображение, речевое общение и умение договариваться.

Цифровые средства помогают и в выстраивании отношений с семьёй. Родители получают от нас небольшие аудиофрагменты разучиваемых песен, короткие видеопримеры музыкальных игр, рекомендации по домашнему слушанию. Мы обязательно оговариваем: дома не нужна репетиция. Смысл в другом — в ситуации совместного музицирования, когда взрослый поёт вместе с ребёнком, двигается под музыку и искренне интересуется тем, что тот придумал.

Обращаясь к информационно-коммуникационным технологиям в дошкольном образовании, И. И. Комарова, А. В. Туликов и Т. С. Комарова подчёркивают: «Авторы книги поставили перед собой задачу рассказать, для чего нужны информационные технологии в ДОУ, как они могут быть применены для пользы детей, родителей и педагогов детского сада» [4, с. 5]. Именно польза для участников образовательных отношений остаётся главным критерием отбора цифрового материала. Сама по себе новизна ресурса о его педагогической эффективности ещё ничего не говорит.

Работа с цифровыми ресурсами предполагает соблюдение правовых и этических норм. Музыкальному руководителю следует пользоваться легально распространяемыми аудио- и видеоматериалами, уважать авторские права, не размещать записи с участием воспитанников без оформленного согласия родителей и внимательно относиться к содержанию открываемых интернет-ресурсов. Материал к занятию лучше сохранять и просматривать заранее: так исключается появление рекламы, посторонних ссылок и нежелательного содержания.

Всё чаще в поле зрения педагога попадают средства искусственного интеллекта. С их помощью можно подготовить фоновое изображение, набросать варианты игровых ситуаций, сделать предварительный звуковой эскиз. Но всё, что создано автоматически, требует проверки. Такие системы допускают фактические ошибки, искажают облик и звучание музыкальных инструментов, выдают стилистически сомнительный результат. Решение о том, войдёт ли этот материал в занятие, остаётся за музыкальным руководителем и принимается с учётом возраста детей, художественного качества и образовательной задачи.

Судить об эффективности цифровых технологий следует не по количеству техники, а по тому, что меняется в деятельности воспитанников. Если ребёнок стал внима-

тельнее вслушиваться, точнее различает характер музыки, сам предлагает движение, сочиняет ритмы, охотно взаимодействует со сверстниками и возвращается к музыкальному опыту по собственному желанию, средство выбрано верно. Если же внимание держится в основном на внешних эффектах, замысел занятия стоит пересмотреть.

Таким образом, цифровые технологии расширяют профессиональные возможности музыкального руководителя, не отменяя ни живого исполнения, ни эмоционального общения, ни самостоятельной активности ребёнка.

Разумно видеть в них инструмент, который помогает услышать, рассмотреть, сравнить, записать и творчески переработать музыкальный материал. Соединённые с пением, движением, игрой на инструментах и импровизацией, они работают на развитие музыкальности, воображения и эмоциональной отзывчивости дошкольников. Главное условие остаётся неизменным: занятие сохраняет деятельностный характер, а ребёнок не наблюдает музыку со стороны, а проживает её в собственном движении, голосе и творчестве.

Литература:

1. Ветлугина, Н. А. Методика музыкального воспитания в детском саду: учебник для учащихся педагогических училищ / Н. А. Ветлугина, И. Л. Дзержинская, Л. Н. Комиссарова; под редакцией Н. А. Ветлугиной. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Просвещение, 1989. — 270 с.
2. Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк / Л. С. Выготский. — Санкт-Петербург: Союз, 1997. — 96 с.
3. Каплунова, И. М. Ладушки: программа по музыкальному воспитанию детей дошкольного возраста / И. М. Каплунова, И. А. Новоскольцева. — Санкт-Петербург: Nevskaya nota, 2010. — 64 с.
4. Комарова, И. И. Информационно-коммуникационные технологии в дошкольном образовании / И. И. Комарова, А. В. Туликов, Т. С. Комарова. — Москва: Мозаика-Синтез, 2011. — 128 с.

Средовые факторы военно-патриотического воспитания и волонтерской деятельности в коррекции личностных нарушений у подростков с девиантным поведением

Воронцова Валентина Андреевна, студент магистратуры
Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева

Статья посвящена анализу средовых условий военно-патриотического воспитания и добровольческой практики, используемых в коррекционной работе с подростками 14–17 лет, проявляющими девиантные формы поведения. Рассматриваются психологические механизмы влияния организованного сообщества на становление саморегуляции, ответственности, социально приемлемых способов самоутверждения и гражданской идентичности, обосновывается необходимость соединения дисциплинарных требований, доверительного взаимодействия со взрослыми и общественно полезной деятельности.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростки, военно-патриотическое воспитание, волонтерство, личностные нарушения, социальная среда, профилактика, коррекция.

Подростковый возраст связан с интенсивным поиском личной позиции, стремлением к признанию среди сверстников и болезненной реакцией на неуспех и при отсутствии устойчивых отношений со значимыми взрослыми потребность в признании нередко реализуется через конфликт, демонстративное нарушение правил, агрессию или рискованное поведение. Подобные проявления нельзя сводить к плохому характеру либо сознательному отказу от норм, поскольку за внешним протестом часто скрываются тревожность, переживание собственной неужности, дефицит опыта конструктивного общения.

Личностные нарушения у подростков проявляются в неустойчивой самооценке, снижении самоконтроля,

трудностях принятия ответственности, эмоциональной импульсивности и нарушениях межличностных отношений, для части несовершеннолетних характерна зависимость от оценки референтной группы, если ведущей становится асоциальная компания, подросток принимает ее правила ради сохранения принадлежности и статуса.

Профилактическая работа требует перехода от разовых бесед к созданию устойчивого воспитательного пространства, здесь речь идет о среде, где подросток получает ясные правила, посильную ответственность, опыт признания и возможность увидеть практический результат собственных усилий. Военно-патриотические

объединения и добровольческие группы при грамотной организации способны стать подобной средой.

Девиантное поведение не всегда связано с намерением причинить вред окружающим, иногда подросток нарушает нормы, поскольку не умеет иначе обозначить свое состояние, защитить личные границы или привлечь внимание взрослых. Конфликт с педагогом, грубость, уход с занятий либо отказ от поручений могут выполнять защитную функцию, подросток пытается сохранить чувство собственного достоинства в ситуации, где ощущает себя слабым, отвергнутым или неуспешным.

Мошак И. Ф. обращает внимание на проблему недостаточной осознанности поведенческих проявлений у несовершеннолетних, отмечая, что «девиантное поведение осознается не каждым подростком». [5, с. 198] По указанной причине коррекционная работа требует не давления и морализаторства, а постепенного развития рефлексии, ведь подростку необходимо научиться замечать связь между эмоциональным состоянием, импульсивным действием и последствием для себя либо окружающих.

Нарушения самоотношения занимают заметное место в структуре девиантного поведения, подросток с заниженной самооценкой может маскировать неуверенность вызывающей манерой общения, пренебрежением к требованиям или демонстрацией физической силы. Завышенная самооценка порой выражается в отказе признавать ошибки, обесценивании чужого мнения, стремлении доминировать, обе позиции затрудняют формирование зрелой ответственности. Коррекционная работа должна создавать ситуации, где уважение со стороны группы зависит от надежности, выдержки, умения выполнить общее дело, тогда подросток постепенно получает иной способ подтверждения собственной значимости.

Военно-патриотическое направление обладает воспитательным потенциалом при соблюдении ряда условий. Первое условие связано с гуманистическим содержанием деятельности, поскольку подготовка не должна превращаться в механическое выполнение команд или соревнование в жесткости, а в центре работы находятся уважение к истории страны, память о защитниках Отечества, готовность прийти на помощь, дисциплина, товарищество и ответственность за коллектив.

Бычков Н. С. определяет рассматриваемое направление как ресурс социальной адаптации, указывая, что «военно-патриотическое воспитание является важным инструментом социальной адаптации трудных подростков в России». [4, с. 19] Данная позиция представляется обоснованной при условии, когда подросток вовлечен в деятельность добровольно и понимает ее смысл, принуждение же может усилить сопротивление, тогда как личный выбор формирует внутреннюю готовность соблюдать правила.

Военно-патриотическое объединение задает понятную структуру отношений, участник знает свои обязанности, время сбора, правила безопасности, порядок подготовки к мероприятиям, четкость требований снижает тревож-

ность у подростка, привыкшего к непоследовательности взрослых, а предсказуемость правил помогает формировать навык самоконтроля, поскольку последствия нарушения заранее известны и не зависят от настроения руководителя.

Существенную роль играет опыт совместного преодоления трудностей, например, туристический поход, участие в поисковой экспедиции, подготовка к соревнованиям, дежурство у мемориала или организация памятной акции требуют согласованных действий, и подросток сталкивается с фактом зависимости общего результата от личной дисциплины, так как опоздание, небрежность в подготовке снаряжения, отказ от поручения затрагивают всю группу.

Швачко Е. В. и Ворожбянов М. В. указывают, что «ориентация в работе военно-патриотического клуба на духовно-нравственные и историко-культурные традиции принципиальна». [3, с. 163] Смысловое наполнение деятельности действительно определяет ее воспитательный результат, без обращения к истории семей, малой родины, воинскому подвигу земляков и личным жизненным выборам участников любая внешняя форма быстро теряет значение для подростка. Павлова А. С. рассматривает просоциальное поведение как «поведение, которое люди сознательно совершают, чтобы принести пользу другим в ситуациях социального общения». [1, с. 143] Для подростка с девиантными проявлениями добровольчество может стать площадкой, где появляется опыт быть нужным, нередко несовершеннолетний, привыкший слышать только замечания, остро реагирует на простую благодарность за выполненную работу.

Волонтерская деятельность развивает способность учитывать состояние другого человека, подросток учится замечать, кому трудно нести тяжелые вещи, кому нужна помощь с бытовым вопросом, кому требуется участие или просто спокойный разговор, эмпатия развивается в непосредственном контакте, когда чужая ситуация перестает быть абстрактной.

В деятельность общественных объединений добровольческих направлений может включать в себя поддержку семей участников специальной военной операции, оказанием помощи ветеранам, сохранением мемориалов, участием в патриотических мероприятиях муниципального уровня, подросток получает возможность занимать деятельную позицию, данный опыт укрепляет чувство принадлежности к людям и территории, где он живет.

Добровольческая работа требует обязательного педагогического сопровождения, руководитель помогает распределить поручения, предупреждает конфликты, обсуждает трудные ситуации после мероприятия, так как подросткам необходима обратная связь, построенная без унижения. Полезно обсуждать не личность участника, а конкретный поступок, его мотивы и последствия.

Корректирующее влияние военно-патриотического и волонтерского сообщества связано с изменением социального окружения подростка, поскольку принадлежность к группе, где ценятся выдержка, взаимовыручка

и надежность, меняет систему поведенческих ориентиров, и подросток начинает соотносить собственные действия с ожиданиями значимых сверстников и взрослых.

Поликанова Н. Н. формулирует положение о сопровождении подростков следующим образом: «Психолого-педагогическое сопровождение является важной составляющей в процессе обучения и воспитания». [2, с. 105] В условиях общественного объединения сопровождение приобретает практический характер, руководитель вовлекается в жизненную ситуацию, помогает определить сильную задачу, поддерживает при неудаче.

Средовой эффект усиливается при наличии разновозрастного взаимодействия, старшие участники могут выполнять роль наставников, помогать новичкам осваивать правила, готовиться к мероприятиям, разбираться в организационных вопросах. Подросток, получивший поддержку от более опытного товарища, позднее сам способен занять позицию помощника, переход от роли получателя помощи к роли человека, который помогает другому, укрепляет ответственность и самоуважение.

Работу с подростками 14–17 лет целесообразно строить на основе предварительной диагностики, необходимо выявить уровень тревожности, агрессивности, особенности самооценки, характер отношений в семье и школьном коллективе, наличие интересов, склонность к лидерству или зависимому поведению.

Первый этап может быть связан с адаптацией участника в группе, подростку предлагают простые и выполнимые поручения, знакомят с правилами объединения, помогают установить контакт с наставником, на данном этапе нежелательно требовать немедленного проявления лидерства либо высокой дисциплины, поскольку сначала необходимо сформировать базовое доверие.

Далее предполагается вовлечение подростка в регулярную деятельность, так как регулярность формирует привычку к обязательству. Подросток постепенно привыкает к тому, что его присутствие и выполненное поручение имеют значение для других.

Завершающий этап связан с предоставлением самостоятельности. Участнику можно поручить организацию части мероприятия, подготовку исторической справки о земляке, координацию небольшой группы, помощь новому члену объединения, поручения дают возможность закрепить новый образ себя как надежного и полезного человека.

Результативность работы следует оценивать не только по отсутствию дисциплинарных нарушений, более точными показателями выступают снижение конфликтности, готовность обращаться за помощью, появление устойчивых интересов, способность доводить начатое до конца, расширение круга социально приемлемого общения. Положительная динамика проявляется и в изменении речи подростка, вместо обвинений окружающих появляются попытки объяснить собственные переживания и признать личную ответственность.

Таким образом, военно-патриотическое воспитание и волонтерская деятельность обладают значительным потенциалом в коррекции личностных нарушений у подростков с девиантным поведением, их воздействие связано с созданием упорядоченной социальной среды, где подросток получает опыт дисциплины, доверия, коллективной ответственности и общественно полезной активности.

Наиболее продуктивный результат возникает при соединении ясных правил с уважительным отношением к личности несовершеннолетнего.

Литература:

1. Бычков, Н. С. Военно-патриотическое воспитание трудных подростков в России / Н. С. Бычков // Апгрейд 2030: стратегия развития молодежной среды: Материалы II Международного Форума, Москва, 29–30 октября 2024 года. — Ульяновск: ИП Кенешенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2024. — С. 18–20.
2. Мошак, И. Ф. Профилактика девиантного поведения у подростков / И. Ф. Мошак // Психологические и биологические особенности нарушенного поведения: Материалы всероссийского научно-практического круглого стола с международным участием, Москва, 21 мая 2020 года — 25 2021 года / Под редакцией Т. А. Шиловой. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Ритм», 2021. — С. 198–204.
3. Павлова, А. С. Конструктивное воздействие смыслообразующих факторов личности в формировании просоциального поведения девиантного подростка / А. С. Павлова // Психологическая студия: Сборник статей лицеев, студентов, магистрантов, аспирантов, молодых исследователей кафедры психологии ВГУ имени П. М. Машерова / Под редакцией С. Л. Богомаза, В. А. Каратерзи, С. Ф. Пашковича. Том Выпуск 16. — Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2023. — С. 143–145.
4. Поликанова, Н. Н. Специфика психолого-педагогического сопровождения подростков, склонных к девиантному поведению / Н. Н. Поликанова // Актуальные проблемы современной психологии образования: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. Ф. Мягкова, Воронеж, 18–19 сентября 2023 года. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2023. — С. 103–105.
5. Швачко, Е. В. Военно-патриотический клуб как средство профилактики девиантного поведения подростков / Е. В. Швачко, М. В. Ворожбянов // Инновационное развитие профессионального образования. — 2021. — № 3(31). — С. 154–165.

Педагогические практики знакомства с понятием «единство народов» у детей младшего дошкольного возраста

Демченко Екатерина Николаевна, воспитатель

МБДОУ детский сад комбинированного вида № 20 пос. Степной МО Ейский район (Краснодарский край)

В статье рассматриваются педагогические подходы к формированию у детей младшего дошкольного возраста первоначальных представлений о единстве и многообразии культур народов России в контексте проведения в 2026 году Года единства народов России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска методов воспитательной работы, соответствующих сензитивным особенностям детей 3–4 лет, для которых абстрактные социально-политические понятия остаются недоступными. На основе анализа трудов отечественных педагогов и обобщения опыта работы в дошкольном учреждении показано, что базой для воспитания единства служит создание в группе атмосферы дружбы и принятия, знакомство с народными сказками и играми, организация совместных праздников с участием родителей.

Ключевые слова: младший дошкольный возраст, Год единства народов России, воспитание единства, этнокультурное воспитание, народная игра, народная сказка, взаимодействие с семьей, сензитивный период, дошкольная педагогика.

Современная педагогика рассматривает дошкольный возраст как сензитивный период для формирования базовых ценностных ориентиров. В этом возрасте закладываются основы мировосприятия, первые представления о добре и зле, справедливости, дружбе, а также формируется первичное представление о Родине и людях, которые живут рядом. С объявлением 2026 года в России Годом единства народов России перед системой дошкольного образования встают новые задачи, связанные с поиском наиболее органичных и соответствующих возрастным особенностям детей способов приобщения к идеям единства и многообразия культур нашей страны.

Работа с детьми младшего дошкольного возраста, как показывает практика, имеет свою специфику, отличающую её от работы со старшими дошкольниками. Для детей трёх-четырёх лет абстрактные понятия «Родина», «народ», «единство» остаются за пределами непосредственного понимания. Как справедливо отмечал Л. С. Выготский, «мышление ребёнка развивается в конкретных образах» [2, с. 45], что определяет необходимость перевода любой серьёзной темы в плоскость практического действия, игры или творчества. Именно поэтому в нашем детском саду мы стремились сделать тему единства народов близкой и понятной через те категории, которые уже освоены детьми: семья, дружба, совместная игра, общий праздник.

Ключевым принципом в нашей работе стало утверждение, что важнейшие качества — уважение к другим, дружелюбие — не передаются по наследству. Н. Ю. Погосян подчёркивала: «Отношение к человеку другой национальности начинает формироваться у ребёнка примерно с четырёх лет, основываясь на элементарных проявлениях интернациональных чувств, знаниях о людях других национальностей. Большинство детей старшего дошкольного возраста положительно относятся к людям разных национальностей. Вместе с тем имеют место проявления иного отношения: смех, испуг при встрече с людьми других рас или национальностей, отказ вступать в общение с ними.

Причинами являются детская непосредственность, весьма ограниченный жизненный опыт, отсутствие необходимых представлений о людях других национальностей и культуры общения с ними» [4, с. 27]. Этот тезис стал для нас методологическим ориентиром. Мы понимали, что не можем говорить с трёхлетними детьми о политическом значении Года единства, но можем и должны создавать среду, в которой каждый ребёнок чувствует себя частью общей, дружной группы, независимо от его индивидуальных особенностей или семейных традиций.

Практическая реализация этих идей потребовала пересмотра привычных подходов. Мы начали с малого, но, на наш взгляд, самого важного — с внимания к семьям воспитанников. В каждой группе есть дети, чьи семьи бережно хранят традиции своего народа. А. С. Макаренко в своё время утверждал: «Воспитывает всё: люди, вещи, явления, но прежде всего и дольше всего — люди» [1, с. 178]. Мы приглашали бабушек и мам, пап и дедушек рассказывать о семейных праздниках, показывать национальные блюда, петь колыбельные на родном языке. Для детей трёх-четырёх лет это было не формальным мероприятием, а живым, эмоционально окрашенным событием, которое показывало многообразие мира, но в то же время его единство через общие для всех семей ценности: любовь, забота, гостеприимство, радость.

Следующим направлением стало знакомство через народную игру и сказку. Мы заметили, как меняются дети, когда вместе с родителями разучивают простые народные игры или с интересом слушают короткую народную сказку. Это естественный способ включения в культуру, не перегружающий восприятие. В. А. Сухомлинский писал: «Сказка — это активное эстетическое творчество, захватывающее все сферы духовной жизни ребёнка» [3, с. 21]. Мы сделали акцент на сказках разных народов, сюжеты которых были близки по смыслу: о дружбе, взаимовыручке, справедливости. Мы не ставили задачу объять необъятное и познакомить со всеми наро-

дами России сразу — это было бы неэффективно и утомительно для детей. Мы взяли за основу локальный подход: сначала народы, проживающие в нашем регионе, затем — через общение с семьями — те, что близки конкретным детям в группе. Как верно отмечается в методических рекомендациях для дошкольных учреждений, «важно не стремиться познакомить дошкольников сразу со всеми народами России на одном праздничном мероприятии — работу нужно организовывать систематически, начинать с народностей своего региона» [5, с. 3].

Одним из самых ярких событий стал для нас «Праздник дружбы», организованный совместными усилиями педагогов, музыкального руководителя и родителей. Он не был посвящён какой-то одной национальности. Напротив, мы стремились создать атмосферу общей радости, где переплетались элементы разных культур: дети водили хороводы, играли в простые игры, рассматривали красочные иллюстрации с изображением людей в разных национальных костюмах. Главной задачей было не дать знания, а создать эмоциональный отклик, показать, что быть вместе, играть, петь и танцевать интересно и весело, а разные традиции делают этот праздник более красочным и удивительным. Дети с восторгом рассматривали кукол в национальных костюмах, которые были изготовлены руками родителей и воспитателей. Мы убедились, что для трёхлетнего ребёнка кукла — это не просто игрушка, это «другой» человек, и через отношение к кукле формируется первичный опыт принятия другого.

Важно подчеркнуть, что такая работа не должна носить эпизодический характер. Год единства народов России — это не разовая акция, а длительный процесс, который органично вписывается в повседневную жизнь детского сада. Мы используем любую возможность, чтобы поддерживать созданную атмосферу: читаем на прогулках, рассматриваем иллюстрации в книгах, обсуждаем, кто в какой семье говорит на каком языке, учим простые приветствия на разных языках. Это не требует специального выделенного времени, но создаёт устойчивый позитивный фон.

Таким образом, работа в рамках Года единства народов России с детьми младшего дошкольного возраста — это не столько просветительский проект, сколько воспитательная среда, создаваемая совместными усилиями педагогов и семей. Мы не читаем лекций о патриотизме, не заучиваем названия народов. Мы проживаем с детьми ситуации радости, дружбы, взаимопомощи, используя народную культуру как естественный и понятный язык. Как справедливо заметил К. Д. Ушинский, «воспитание должно просвещать, но в то же время давать пищу для души» [6, с. 57]. Для нас это означает, что через конкретный, чувственный опыт, через совместную деятельность с близкими взрослыми и сверстниками мы закладываем основу для понимания того, что мир велик и разнообразен, но при этом един в своей человеческой сути, и что наша общая Родина — Россия — это дом, где мы все живём вместе.

Литература:

1. Макаренко А. С. Книга для родителей. — М.: Педагогика, 1983. — 304 с.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 2. — 504 с.
3. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. — Киев: Радянська школа, 1974. — 288 с.
4. Погосян Н. Ю. Воспитание этнотолерантности у дошкольников [Электронный ресурс] // nsportal.ru. 2015. URL: <https://nsportal.ru/detskii-sad/vospitatelnaya-rabota/2015/10/19/vospitanie-etnotolerantnosti-u-doshkolnikov> (дата обращения: 17.09.2026).
5. Примерная образовательная программа дошкольного образования «От рождения до школы» / Под ред. Н. Е. Вераксы, Т. С. Комаровой, М. А. Васильевой. — М.: Мозаика-Синтез, 2014. — 368 с.
6. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. — М.: Академия, 2004. — 576 с.

Формирование естественно-научной грамотности на уроках окружающего мира через работу с разными видами информации

Журавлева Галина Николаевна, учитель начальных классов;
Лапшина Татьяна Аркадьевна, учитель начальных классов
МОБУ СОШ № 18 г. Сочи (Краснодарский край)

Быть творческим человеком сегодня — значит уметь мыслить нестандартно, ставить перед собой амбициозные цели и самостоятельно воплощать их в жизнь. Но как привить детям тягу к знаниям, если их нельзя заставить «пить из источника» насильно? Ответ кроется в предмете «Окружающий мир». Именно он помогает превратить сухие факты в инструмент для понимания жизни. Развивая естественнонаучную грамотность, мы учим детей не просто запоминать теорию, а осознавать, как наука и природа влияют на наш мир. Сегодня это одна из самых важных задач для каждого учителя начальных классов: сделать так, чтобы ребенок захотел учиться сам.

Современное общество предъявляет высокие требования к личности, ожидая от нее креативности, способности к целеполаганию и самостоятельности. В педагогике ключевым вызовом остается не просто формальное обучение, а формирование у детей внутренней мотивации к познанию. В этом контексте особую значимость приобретает развитие естественнонаучной грамотности — способности применять научные знания для понимания окружающего мира и принятия обоснованных решений. В последние годы в российской системе образования акцент сместился на компетентностный подход. Естественнонаучная грамотность стала рассматриваться как важнейший элемент функциональной грамотности, обеспечивающий адаптацию человека в динамичной технологической среде. Начальная школа выступает фундаментом этого процесса, а предмет «Окружающий мир» служит базовой платформой, закладывающей основы для дальнейшего изучения естественнонаучных дисциплин (физики, биологии, географии и др.) [1, с. 56].

Ключевые слова: естественные науки, знания, преподавание, объяснение, дидактика, биология, химия, педагогические знания предметной области.

Формирование естественнонаучной грамотности происходит не путём овладения только естественнонаучными знаниями, а через формирование естественнонаучных умений. При этом важно учитывать мотивационный, содержательный и деятельностный компоненты, направленные на формирование представлений обучающихся об окружающем мире.

Н. Ф. Виноградова

Введение

Научные достижения последних лет изменили восприятие окружающего мира. В связи с этим преподавание естественных наук играет ключевую роль в формировании навыков исследовательской деятельности. Преподавание естественных наук (биологии, химии и физики) должно соответствовать возрастным особенностям развития и взросления учащихся. На этапе дошкольного образования цель состоит не в том, чтобы учащиеся объясняли происходящие в мире явления, а в том, чтобы они знакомились с ними и учились их описывать. В начальной школе применяется постепенный, поступательный подход: происходит переход от представлений, лишь описывающих мир, к идеям, позволяющим формировать знания и, как следствие, строить первоначальные объяснения. Наконец, на уровне среднего образования развиваются критическое и рефлексивное мышление, что вооружает учащихся необходимыми инструментами для взаимодействия с реальностью, ее понимания и преобразования.

В XX веке развитие науки и техники привело к накоплению такого объема знаний, который превышает совокупный объем знаний, полученных во все предшествующие эпохи [2, с. 28].

В частности, научный прогресс второй половины XX века кардинально изменил наше мировоззрение. В результате значимость научных знаний стала определяющей чертой современного общества.

К естественным наукам относят дисциплины, изучающие природные явления с различных точек зрения. Чаще всего в этот перечень включают физику, биологию, химию и геологию. В контексте данного текста под «есте-

ственно-научным образованием» понимается совместное изучение физики, химии и биологии.

Исследования показывают, что дети с самого рождения воспринимают окружающий мир и реагируют на стимулы, содействующие их органы чувств; этот интерес к среде обитания требует соответствующей реакции, обеспечивающей непрерывное, постепенное и здоровое развитие ребенка [3, с. 77].

Образование в раннем возрасте — это обучение детей в возрасте до шести лет, направленное на формирование их первоначального опыта, развитие личности и содействие интеграции в окружающую среду. Одной из целей такого образования является пробуждение интереса к научному познанию; это открывает детям доступ к разнообразному опыту и знаниям, способствующим формированию более сложной картины мира. По сути, речь идет о том, чтобы «взглянуть на привычные вещи по-новому и одновременно исследовать менее знакомые области»

На этапе раннего развития нельзя говорить о формальном преподавании биологии, химии или физики как таковых; основное внимание уделяется взаимодействию с окружающей средой, что способствует формированию знаний за счет расширения и обогащения исходных когнитивных структур ребенка.

Верно ли утверждение, что дети учатся, просто манипулируя предметами? Часто бытует заблуждение, будто одно лишь обращение с предметами окружающего мира автоматически порождает у ребенка новые знания, однако это совершенно не так. Например, понятие твердости не усваивается исключительно через тактильное восприятие — необходим также ментальный процесс освоения информации. Хотя практические манипуляции часто помогают в сборе сведений, во многих случаях —

даже при их многократном повторении — этого недостаточно. Так, чтобы понять принцип действия вязальных спиц, мало просто манипулировать ими или наблюдать за ними; необходимо обратиться к мастеру, который продемонстрирует, как ими пользоваться.

Долгое время обучение строилось преимущественно на практических действиях с предметами; однако сейчас акцент необходимо сместить в сторону исследовательской деятельности — занятий, которые учитывают имеющиеся у детей представления, ценят их вопросы и побуждают обсуждать как уже выполненные, так и текущие действия. Иными словами, внимание следует уделить такой деятельности, в ходе которой ребенок постепенно самостоятельно выстраивает свои знания.

Чтобы исследовательская работа была насыщенной и продуктивной, важно учитывать, что каждый ребенок познает мир по-своему и ему может потребоваться разное количество времени: одни быстро организуют свои действия с предметами, тогда как другие подходят к ним более неспешно. Также критически важны наличие подходящих материалов и выбор формата работы — индивидуального или группового. Хотя детальный разбор этих рекомендаций не является главной целью данного текста, я счел необходимым упомянуть хотя бы некоторые из них.

Еще один важный момент, требующий разъяснения, — это распространенное среди многих педагогов убеждение, будто сам по себе процесс манипулирования предметами или исследования окружающего мира позволяет детям открывать для себя научные знания [4, с. 94]. Безусловно, воспринимая свойства объектов с помощью органов чувств, дети получают ценную информацию и расширяют свой багаж знаний; однако было бы опрометчиво утверждать, что усвоение и переработка этой информации равносильны получению научных знаний. Сбор подобных сведений позволяет понять, каков окружающий мир, но не раскрывает механизмов его функционирования, поскольку научное знание опирается на совокупность теорий и процессов, ведущих к различным интерпретациям природных явлений. В связи с этим цель преподавания естествознания на раннем этапе обучения заключается не в том, чтобы ребенок объяснял глубинные причины явлений, а в формировании описательного представления об окружающем мире. Это предполагает такую систематизацию знаний, которая позволяет ответить на вопрос: «Каков окружающий мир?» Поиск ответа на этот вопрос требует непосредственного взаимодействия с изучаемыми объектами или явлениями, однако не менее важно и общение со взрослыми (родителями, братьями, сестрами и т. д.), выступающими в роли значимых источников знаний и «объяснений».

Из этих утверждений следует, что педагог, отвечающий за направление естественных наук в работе с детьми младшего возраста, должен проанализировать собственные представления об этих науках и глубоко осмыслить такой подход к обучению, который делает акцент на том, как дети интерпретируют новую информацию или переосмысли-

вают уже имеющиеся знания. Кроме того, необходимо учитывать представления об объектах и/или явлениях, которые формируются у детей на основе предшествующего опыта и вне рамок образовательного процесса.

Преподавание естественных наук на начальном уровне

Преподавание естественных наук является приоритетом в обучении детей, поскольку способствует развитию мышления. На этом уровне контент, связанный с

Познанием и исследованием мира, помимо прогрессивного присвоения некоторых моделей и/или научных теорий *Naturals*, чтобы начать интерпретировать и объяснять природу. Не секрет, что на протяжении многих лет преподавание естественных наук на этом уровне осуществлялась моделью, в которой преобладал объяснительный метод, что ставило обучающихся в положение пассивных зрителей. В этой системе обучение ограничивалось получением кластера определений и не давало повода для критического мышления. Долгое время игнорировалось, что ученики имеют собственный опыт и поэтому привносят свои определения [5, с. 12].

И по сей день во многих государственных (а порой и в частных) школах преподавание естественных наук сводится к заучиванию детьми понятий, фактов, законов, формул и выполнению упражнений. В результате такое «обучение» лишь наполняет сознание ученика разрозненными знаниями, не формируя при этом стремления к пониманию, осмыслению и поиску новаторских решений.

Учителям естественных наук больше не следует ограничиваться простой передачей информации; им необходимо учить применять её в ходе непрерывного процесса формирования, пересмотра, систематизации и переосмысления идей и накопленного опыта.

В течение первых трех лет (1–3-й классы начальной школы) предлагается использовать постепенный подход, подразумевающий переход от представлений, лишь описывающих окружающий мир, к идеям, способствующим формированию знаний. Согласно концепции Ж. Пиаже, обучение должно строиться на манипулировании конкретными объектами с последующим их словесным описанием. Необходимо развивать у учащихся пытливость ума; первыми признаками этого становятся умение формулировать вопросы и предлагать предварительные ответы, а также начало проведения количественных наблюдений и исследований, сбора данных и описания результатов наблюдений [6, с. 48].

В последующие три года (4–6-е классы) учащиеся формируют общее представление о типах явлений, проблемах и ситуациях, составляющих предметную область естественных наук. На этом «втором» этапе полученные знания становятся более специализированными. Усложнение знаний находит отражение в более систематическом и тщательном анализе изучаемых объектов и применяемой методологии. Понятие «систематический анализ»

здесь подразумевает подход, выходящий за рамки методов, использовавшихся на начальном этапе. Напомним, что на ранней стадии целью было лишь ответить на вопрос «Какова природа?», тогда как на данном этапе задача состоит в получении знаний, выходящих за пределы простого описания и разрозненных, спонтанных догадок. Цель заключается в том, чтобы учащиеся научились систематизировать и классифицировать знания, формулируя на этой основе обобщения. Они начинают объяснять, как устроен мир.

Естественно-научное образование должно быть направлено на объяснение причин и механизмов возникновения событий и явлений; именно это движет развитием научного знания. Как уже отмечалось, дети приходят с представлениями, сформированными на основе предыдущего опыта; эти представления — зачастую ошибочные — могут быть изменены (скорректированы) при столкновении с новым, более достоверным опытом. Процесс обучения заключается в преобразовании представлений путем добавления новых элементов, позволяющих лучше объяснять явления окружающего мира.

Такое изменение представлений не может быть случайным или тем более резким; напротив, это должен быть медленный, постепенный и упорядоченный процесс. Чтобы дети могли приобщиться к науке, их прежние представления должны стать важным звеном на пути к формированию научных понятий. Следует помнить, что многие из этих так называемых «ошибочных» представлений когда-то сами считались обоснованными научными концепциями.

Нередко для одного и того же явления могут находиться разные объяснения. Это зависит от особенностей мышления ребенка, его интересов и того, как он интерпретирует происходящее. Лучше всего поощрять обсуждение идей между детьми, чтобы они могли понять, в чем их мнения совпадают, а в чем — расходятся. В ходе таких дискуссий они исподволь учатся выстраивать аргументацию и логически обосновывать свои мысли [7, с. 30].

На этом этапе цель состоит в формировании новых знаний об окружающем мире. Для этого используются следующие виды деятельности:

- Прогнозирование возможных событий.
- Выражение собственной точки зрения и ее обоснование с целью убедить окружающих.
- Поиск объяснений для возникающих проблем с целью их понимания.
- Выявление сходств и различий в различных ситуациях.
- Внимание к мнениям, отличным от собственного.
- Критическое отношение к получаемой информации.
- Разрешение проблемных ситуаций в ходе групповой работы.
- Понимание причин событий и анализ возможности иного развития ситуации.

Этот перечень видов деятельности способствует такому подходу к обучению, который приближает учащихся

к научному пониманию явлений, уводя их от механического заучивания материала.

На данном этапе преподавание естественных наук должно быть сосредоточено на формировании у учащихся способности осознавать, что происходящие в мире изменения и взаимодействия неразрывно связаны между собой. Ученики начинают задаваться вопросами вроде «Что произойдет, если?...» или «Что происходит, когда?...» Цель состоит в том, чтобы пробудить интерес к научному исследованию и поиску знаний, поощряя при этом сбор и систематизацию информации, проведение экспериментов, формирование обоснованных суждений, открытость к иным точкам зрения, здоровый скептицизм по отношению к очевидному, а также постепенную корректировку вопросов для достижения большей точности [8, с. 11].

Действительно, педагогическое знание предметной области не сводится лишь к владению обширным объемом информации или данных о преподаваемом предмете; скорее, оно характеризуется особыми способами мышления, позволяющими осуществлять необходимые преобразования этого знания.

Как мы видим, концепция «дидактической трансформации» Ива Шеваллара и понятие «педагогического знания предметной области» Ли Шулмана по сути утверждают, что «школьная» наука — это не просто прямая трансляция научных знаний и практик в учебный процесс. Преподавание естественных наук в школе предполагает прежде всего:

- соотнесение научных знаний с теми знаниями, которыми учащиеся уже обладают или которые способны самостоятельно выстроить;
- постепенное знакомство учащихся с научными понятиями, методами, законами и т. д.;
- и, что самое важное, преобразование научного знания в знание, пригодное для преподавания. Это отличает школьную науку от науки профессиональной (той, которой занимаются ученые), поскольку цели школьной науки неразрывно связаны с образовательными ценностями, которые школа стремится привить учащимся.

В рамках инструментов, связанных с «дидактической трансформацией», учитель может определить, когда необходимо задать вопрос, посеять сомнение, сопоставить два различных объяснения, сделать комментарий или предоставить информацию, которая поможет учащимся углубить свои объяснения и осмыслить ход собственных рассуждений [9, с. 61].

Наконец, по завершении базового образования учащийся сможет:

- Переход от понимания научных знаний по отдельным темам, относящимся к конкретным научным дисциплинам, к более широкому пониманию, охватывающему взаимосвязи между этими дисциплинами.
- Переход от описания и объяснения простых явлений с опорой на теории и личные наблюдения к объяснению более сложных явлений с использованием более широких понятий и моделей.

– Переход от восприятия науки исключительно как школьного предмета к пониманию особенностей и влияния научно-технической деятельности за пределами школы.

– Переход от проведения исследований, основанных на простых научных идеях, к исследованиям, опирающимся на более сложные концепции, где требуется планирование стратегий и оценка данных с учетом их преимуществ и ограничений.

– Переход от некритического принятия моделей и теорий к пониманию того, как новые данные и гипотезы могут приводить к корректировке научных теорий и моделей.

– Переход от использования простого научного языка, а также элементарных схем и графиков для представления научной информации, к применению более широкой терминологии, технических символов и обозначений, графиков и расчетов для представления научной информации как количественного, так и качественного характера.

В эпоху «информационного взрыва» функциональная грамотность становится главным требованием времени. Школьников, особенно в начальных классах, важно учить не просто «копить» знания, а уметь грамотно ими пользоваться. Сегодня успех человека в обществе зависит не от объема заученной информации, а от способности ее осмыслить и применить. Поэтому ключевая задача школы — воспитать функционально грамотного человека.

Предложенная нами система помогает создать среду, где естественнонаучная грамотность развивается через творчество. Это не только дает детям навыки поиска и обработки информации, но и формирует их как самостоятельных, мыслящих личностей. Итогом такой работы становится развитие у ребенка способности к самоанализу, творческому видению мира и осознанным поступкам.

Для нас как педагогов важно, чтобы школа была местом радостных открытий. Мы учим детей ценить жизнь, заботиться о здоровье и постоянно узнавать новое. Как сказал Блез Паскаль, ученик — это не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь. И мы искренне желаем каждому коллеге видеть, как ярко разгораются «искорки» знаний в глазах наших учеников.

Использование современных педагогических технологий помогает учителям успешно решать профессиональные задачи, повышая функциональную грамотность учащихся. В своей деятельности мы руководствуемся принципом приоритета личностного роста ребенка. Наша цель — привить детям любовь к окружающему миру, стремление к познанию и ценность здорового образа жизни, сделав процесс обучения увлекательным и развивающим. Разделяя мысль Б. Паскаля о том, что ученик — это «факел, который надо зажечь», мы искренне желаем коллегам видеть, как в их воспитанниках разгорается яркое пламя знаний».

Литература:

1. Алексеева, О. В. Окружающий мир. Особенности изучения предмета в начальной школе: учебное пособие / О. В. Алексеева, А. А. Арасланова. — М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2017. — 144 с.
2. Анохина, И. В. Формирование естественно-научной грамотности младших школьников [Электронный ресурс] / И. В. Анохина // Инфоурок - 2022 Режим доступа: <https://infourok.ru/formirovanie-estestvennonauchnoj-gramotnosti-mladshih-shkolnikov-6301380.html>
3. Белова, Л. А. Метод синектики как способ активизации творческого мышления младших школьников [Электронный ресурс] / Л. А. Белова // Образовательная социальная сеть Nsportal.ru – 2013. — Режим доступа: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskie-tekhnologii/2013/03/31/metod-sinektiki-kak-sposob>
4. Виноградова, Н. Ф. Окружающий мир. Методика обучения. 1–4 классы — М.: Вентана Граф, 2005. — 240 с.: ил.
5. Виноградова, Н. Ф. Функциональная грамотность младшего школьника: книга для учителя [Текст] / Н. Ф. Виноградова, Е. Э. Кочурова, М. И. Кузнецова и др.; под ред. Н. Ф. Виноградовой. — Москва: Российский учебник: Вентана-Граф, 2018. — 288 с.
6. Закон «Об образовании в Российской Федерации» с изменениями и дополнениями на 2018 год [Текст]: федер. закон: [принят Гос. Думой 21 декабря 2012 г.: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 г.] — М.: Проспект, 2018. — 110 с.
7. Сухомлинский, В. А. Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. — Киев: Радянська школа, 1974- с. 27
8. Талышева И. А. Сущностные характеристики понятия «естественнонаучная грамотность обучающихся» / И. А. Талышева, Н. Н. Асхадуллина, Л. Р. Ха-лиуллина // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — № 8 (134). — URL: <https://research-journal.org/archive/8-134-2023-august/10.23670/IRJ.2023.134.74> (дата обращения: 05.04.2024). — DOI: 10.23670/IRJ.2023.134.74
9. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (утв. приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования»).

Построение половозрастной пирамиды в Python: методическое руководство для демографического анализа

Крячков Александр Михайлович, преподаватель географии
Воронежский авиационный техникум имени В. П. Чкалова

Половозрастная пирамида — классический инструмент демографической визуализации, позволяющий одновременно оценить распределение населения по полу и возрасту. В статье описывается пошаговый алгоритм построения такой пирамиды в Python с использованием библиотек pandas и matplotlib, приводятся примеры кода и методические рекомендации для учителей и исследователей.

Введение

Половозрастная пирамида (ПВП) представляет собой двустороннюю столбчатую диаграмму, где по вертикальной оси откладываются возрастные группы, а по горизонтальной — численность (или доля) мужского и женского населения. Мужчины обычно отображаются слева от нуля, женщины — справа, что создаёт характерный «зеркальный эффект» [1].

Такие пирамиды широко используются в:

- демографическом анализе (оценка структуры населения, прогнозы);
- эпидемиологии (распределение заболеваемости по полу и возрасту);
- образовании (наглядный материал для уроков биологии и обществознания);
- социологии и маркетинге (сегментация аудитории).

Подготовка данных

Для построения пирамиды необходимы три ряда показателей: [1].

1. Возрастные группы (например, 0–4, 5–9, ... или однолетние группы 0, 1, 2, ...);
2. Численность мужчин в каждой группе;
3. Численность женщин в каждой группе.

Данные могут храниться в CSV-файле, Excel-таблице или непосредственно в DataFrame pandas. Пример структуры данных представлен в таблице 1.

Таблица 1. Структуры данных

Age	Male	Female
0–4	1200	1150
5–9	1100	1080
10–14	1050	1020

Алгоритм построения в Python

Шаг 1. Импорт библиотек

```
import pandas as pd
import matplotlib.pyplot as plt
```

Шаг 2. Загрузка и подготовка данных

```
# Загрузка из CSV
df = pd.read_csv('population.csv')

# Если данные в абсолютных значениях, можно перевести в проценты
total = df['Male'].sum() + df['Female'].sum()
df['Male_pct'] = df['Male'] / total * 100
df['Female_pct'] = df['Female'] / total * 100
```

Шаг 3. Построение пирамиды

Ключевая идея: отобразить два горизонтальных столбчатых графика (barh), один из которых «перевернут» (значения для мужчин берутся с отрицательным знаком). [2].

```
fig, ax = plt.subplots(figsize=(10, 8))

# Возрастные группы (ось Y)
y = range(len(df))
age_labels = df['Age']

# Данные для мужчин (отрицательные значения) и женщин
male_values = [-x for x in df['Male']]
female_values = df['Female']

# Построение столбцов
ax.barh(y, male_values, color='royalblue', label='Мужчины')
ax.barh(y, female_values, color='lightcoral', label='Женщины')

# Настройка осей
ax.set_yticks(y)
ax.set_yticklabels(age_labels)
ax.invert_xaxis()
ax.set_xlabel('Численность населения')
ax.set_title('Половозрастная пирамида населения')

# Добавление сетки и легенды
ax.grid(axis='x', alpha=0.3)
ax.legend()

plt.tight_layout()
plt.show()
```

Шаг 4. Дополнительные улучшения

- Подписи значений на столбцах: можно добавить цикл для вывода чисел рядом с каждым столбцом;
- Цветовое кодирование: использовать разные оттенки для разных возрастных когорт;
- Экспорт в файл: plt.savefig('pyramid.png', dpi=300) для публикации или учебных материалов.

Пример с реальными данными (Plotly для интерактивности)

Для интерактивных веб-визуализаций удобно использовать библиотеку plotly: [5].

```
import plotly.graph_objects as go

fig = go.Figure()

fig.add_trace(go.Bar(
    y=df['Age'],
    x=[-x for x in df['Male']],
    name='Мужчины',
    orientation='h',
    marker_color='royalblue'
))

fig.add_trace(go.Bar(
```

```
y=df['Age'],
x=df['Female'],
name='Женщины',
orientation='h',
marker_color='lightcoral'
))

fig.update_layout(
    title='Половозрастная пирамида',
    barmode='overlay',
    xaxis=dict(title='Численность'),
    yaxis=dict(title='Возрастная группа')
)

fig.show()
```

Пример результата построения половозрастной пирамиды

На рис. 1 ниже представлен пример половозрастной пирамиды, построенной с использованием описанного выше кода. Данные являются условными и имитируют возрастную структуру населения.

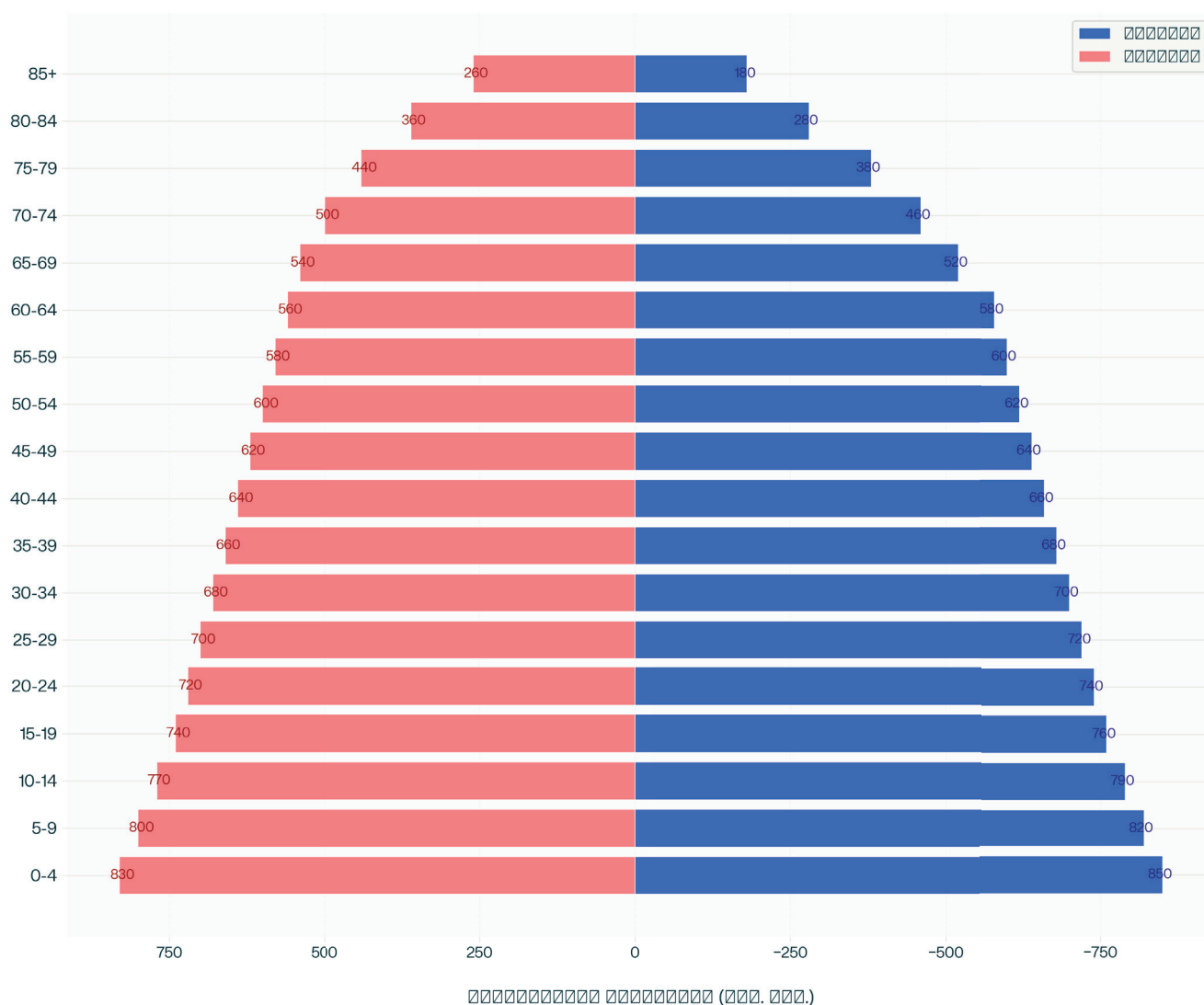

Рис. 1. Пример половозрастной пирамиды населения, построенной в Python с использованием matplotlib

Методические рекомендации для учителей

1. На уроках биологии используйте пирамиду для обсуждения возрастной структуры популяций, демографического перехода, старения населения;
2. На информатике предложите ученикам самостоятельно загрузить данные Росстата и построить пирамиду для своего региона;
3. Для проектов можно сравнить пирамиды разных лет (например, 1990, 2010, 2025) и обсудить изменения.

Заключение

Построение половозрастной пирамиды в Python — доступная задача, требующая минимальных знаний программирования и дающая мощный инструмент для анализа и визуализации демографических данных. Предложенный код можно адаптировать под любые данные и использовать как в научных исследованиях, так и в образовательной практике.

Литература:

1. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Построение и анализ возрастно-половой пирамиды [Электронный ресурс]. — URL: <https://books.econ.msu.ru/Demography/chap04/4.2/4.2.1/> (дата обращения: 15.09.2026).
2. Statology. How to Create a Population Pyramid in Python [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.statology.org/population-pyramid-python/> (дата обращения: 15.09.2026).
3. Epi R Handbook. Демографические пирамиды и шкалы Лайкерта [Электронный ресурс]. — URL: https://www.epirhandbook.com/ru/new_pages/age_pyramid.ru.html (дата обращения: 15.09.2026).
4. GitHub. Matplotlib Population Pyramid [Электронный ресурс]. — URL: <https://github.com/carogaltier/matplotlib-population-pyramid> (дата обращения: 15.09.2026).
5. GeeksforGeeks. How to Create a Population Pyramid Using Plotly in Python? [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.geeksforgeeks.org/python/how-to-create-a-population-pyramid-using-plotly-in-python/> (дата обращения: 15.09.2026).

Четвертая промышленная революция в школе: трансформация учебной деятельности в эпоху генеративного искусственного интеллекта

Монгуш Максим Андреевич, учитель
МАОУ Лицей № 1 г. Красноярск

В статье рассматривается проникновение технологий четвертой промышленной революции в школьное образование на примере генеративного искусственного интеллекта. Показано отличие современного этапа от предшествующей цифровизации: нейросетевые системы способны выполнять часть интеллектуальных операций учащегося. Выделены три режима взаимодействия школьника с генеративным ИИ — поддержка, совместная интеллектуальная работа и замещение учебного действия. Обоснована необходимость пересмотра домашних заданий, оценивания и формирования ИИ-грамотности. Критерием педагогически оправданного применения технологии предлагается считать сохранение самостоятельного когнитивного усилия ученика.

Ключевые слова: четвертая промышленная революция, образование 4.0, генеративный искусственный интеллект, школа, учебная деятельность, нейросети, ИИ-грамотность.

Введение

Четвертая промышленная революция характеризуется распространением искусственного интеллекта, роботизации, больших данных и сетевых систем, меняющих не отдельные операции, а целые модели человеческой деятельности [1]. Долгое время эта логика обсуждалась преимущественно применительно к промышленности и рынку труда. Однако к середине 2020-х годов новый тех-

нологический уклад фактически дошел и до школы. Наиболее заметным проявлением стали генеративные нейросети, способные создавать тексты и программный код, объяснять учебный материал, решать задачи и вести диалог с пользователем.

Цифровизация школьного образования началась значительно раньше: электронные журналы, платформы, презентации и онлайн-тестирование стали привычными элементами учебного процесса. Но большинство этих средств не

меняло принципиальную логику учебного действия. Ученик по-прежнему должен был прочитать, понять, решить, написать и объяснить, а цифровой инструмент главным образом ускорял доступ к информации. Генеративный ИИ меняет это соотношение: массово доступная система может принять на себя часть действий, которые раньше считались собственно интеллектуальной работой учащегося.

Цель статьи — определить качественное отличие нового этапа технологизации школы и обозначить педагогические условия, при которых генеративный ИИ усиливает, а не подменяет обучение. Используются методы анализа научной литературы, сопоставления подходов к цифровой трансформации образования и педагогического моделирования. Специально организованный эксперимент в работе не заявляется.

Таблица 1. Промышленные революции и изменение образовательной среды

Этап	Технологии	Образовательный эффект
Первая	Пар и механизация	Массовая индустриальная подготовка
Вторая	Электрификация, конвейер	Стандартизация обучения
Третья	Компьютер, интернет	Цифровые ресурсы и платформы
Четвертая	ИИ, генеративные модели	Автоматизация учебных действий

Международные рекомендации подчеркивают, что внедрение генеративного ИИ должно сохранять человеческую субъектность и педагогическую целесообразность [3]. В рамках ИИ-компетенций для учащихся UNESCO выделяет человекоцентричное понимание технологии, этику ИИ, знание принципов его применения и способность осмысленно работать с ИИ-системами [4]. Следовательно, запрет технологии не может быть единственной образовательной стратегией: задача школы — научить ученика понимать границы автоматизации.

Три режима использования генеративного ИИ школьником

Первый режим — поддержка. Ученик выполняет основную работу самостоятельно, а нейросеть используется для дополнительного объяснения, подбора примеров или проверки формулировки. Второй режим — совместная интеллектуальная работа: школьник предлагает решение, система указывает на слабые места, после чего ученик корректирует аргументацию и проверяет результат. В обоих случаях технология может усиливать учебную деятельность, если сохраняется активная позиция обучающегося.

Третий режим — замещение учебного действия. Ученик передает системе основную задачу целиком: «реши», «напиши», «составь», а затем использует готовый продукт. Формальный результат существует, однако действия, ради которых было дано задание, могли не состояться. Именно здесь проявляется принципиальный вызов новой эпохи: результат можно получить

От цифровизации к когнитивной автоматизации

Концепция «Образование 4.0» связывает изменения образовательной среды с технологиями четвертой промышленной революции и переходом к персонализированным, гибким моделям обучения [2]. Особенность генеративного ИИ заключается в том, что автоматизация затрагивает уже не только хранение и передачу информации, но и когнитивные операции: формулирование аргумента, построение объяснения, поиск способа решения. Поэтому перед школой возникает новый вопрос: какие мыслительные действия ученик должен обязательно выполнять сам, какие допустимо выполнять совместно с интеллектуальной системой, а какие можно передать машине без потери образовательного результата.

раньше, чем сформировано умение, которое он должен подтверждать.

OECD в обзоре 2026 г. отмечает, что общие генеративные системы способны повышать качество текущего выполнения заданий, но это не гарантирует устойчивого прироста знаний: передача когнитивных задач ИИ без педагогического замысла связана с риском снижения самостоятельного интеллектуального усилия [5]. Международные рекомендации также требуют критической проверки ответов и сохранения человеческого контроля [3].

Как меняется оценивание

Особенно уязвимыми становятся задания, в которых оценивается только конечный продукт, созданный вне класса. Текст, решение задачи, программный код или план проекта уже не всегда позволяют установить, какие действия выполнил сам ученик. Поэтому проблема не решается одним поиском «нейросетевого следа». Педагогически важнее проверить понимание: попросить защитить решение, пояснить отдельный шаг, выполнить аналогичное задание, найти ошибку в ответе ИИ, сравнить два способа или объяснить, почему выбран именно этот вариант.

Домашнее задание в таких условиях приобретает другой смысл. Его ценность смещается от факта получения правильного ответа к демонстрации процесса: первоначальной попытки, выбора стратегии, проверки результата и последующей доработки. В математике, например, готовое решение нейросети может становиться не окончанием, а началом работы: учащийся должен про-

верить каждый переход, обнаружить возможную ошибку и предложить альтернативный способ.

Заключение

Четвертая промышленная революция дошла до школы не тогда, когда в классе появилась интерактивная доска, а тогда, когда массово доступная машина научилась выполнять действия, внешне сходные с результатами человеческого рассуждения. С этого момента технология становится не только средством доставки знания, но и участником его получения и оформления.

Литература:

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. — М.: Эксмо, 2016. — 208 с.
2. Абрамовский А. Л., Абрамовский Д. А., Белоножко М. Л. Образование 4.0 в информационном обществе: возможности, технологии и компоненты, риски и вызовы // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. — 2025. — № 2. — С. 7–20. — DOI: 10.31660/1993–1824–2025–2–7–20.
3. Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. — Paris: UNESCO, 2023.
4. Miao F., Shiohira K., Lao N. AI Competency Framework for Students. — Paris: UNESCO, 2024.
5. OECD. OECD Digital Education Outlook 2026: Exploring Effective Uses of Generative AI in Education. — Paris: OECD Publishing, 2026. — DOI: 10.1787/062a7394-en.

Если готовый ответ становится быстрым и дешевым, возрастает образовательная ценность того, что нельзя без потери обучения передать алгоритму: постановки вопроса, предметного понимания, проверки достоверности, аргументации и переноса способа действия в новую ситуацию. Поэтому критерием педагогически оправданного применения генеративного ИИ следует считать его влияние на самостоятельную мыслительную работу ученика. Новая технологическая эпоха школы уже началась; ее результат будет зависеть от того, останется ли учащийся субъектом мышления в диалоге с машиной.

Использование кинезио-мешочков в коррекции сенсорно-моторных нарушений у обучающихся с глубокой умственной отсталостью (из опыта работы)

Нурмухаметова Елена Федоровна, учитель-дефектолог
ГБОУ «Казанская школа № 142 для детей с ограниченными возможностями здоровья»

В статье представлен двухлетний практический опыт автора по использованию кинезио-мешочков на занятиях по сенсорному развитию с обучающимися 3–4-х классов с глубокой умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями). Автор описывает поэтапную систему работы — от элементарных тактильных манипуляций до динамических упражнений и игр в кругу, раскрывает особенности динамики развития детей данной категории и доказывает эффективность применения данного нейropsychологического инструмента в специальном (коррекционном) образовании.

Ключевые слова: сенсорное развитие, глубокая умственная отсталость, ГУО, кинезио-мешочки, мелкая моторика, координация, СИПР, коррекционная педагогика.

Введение

Актуальность проблемы

Развитие сенсорно-перцептивной и моторной сфер у детей с глубокой умственной отсталостью (ГУО), часто отягощенной тяжелыми множественными нарушениями развития (ТМН), является одной из самых сложных задач специальной педагогики. У данной категории учащихся грубо нарушены общая и мелкая моторика, координация движений, схема собственного тела и пространственная ориентация. Часто наблюдается тактильная дефензивность (защита) или, напротив, сниженная чувствительность.

Традиционные методы работы с этой группой детей требуют длительного времени и быстро вызывают утомление. Возникает необходимость поиска простых, доступных, но многофункциональных инструментов. В нашей практике таким инструментом стали кинезио-мешочки — тканевые мешочки разного веса (от 100 до 200 граммов) с различным наполнением (песок, крупа, фасоль, мелкие камушки).

Цели и организация коррекционной работы

Целью нашей двухлетней работы стало развитие кинестетического восприятия, межполушарного взаимодействия и зрительно-моторной координации у учащихся 3–4 классов с ГУО.

Занятия проводились в рамках курса «Сенсорное развитие» 2 раза в неделю (общим объемом 72 часа в год). Динамика детей с ГУО носит замедленный характер, поэтому весь двухлетний цикл был построен на принципах строгой преемственности, поэтапного усложнения и многократного повторения материала.

Этапы реализации программы (Методика работы)

Вся двухлетняя система работы была разделена на четыре последовательных блока, каждый из которых решал свои коррекционные задачи.

1. Тактильно-манипулятивный этап

Работа начиналась с простейшего — преодоления тактильного барьера. Дети учились просто удерживать мешочки в ладони. Первые месяцы активно применялся метод «рука в руке».

– Усложнение: Сжатие мешочков разной текстуры (гладкие/шершавые) и веса. Перенос мешочка из ведущей руки в неведущую на уровне груди, затем — вокруг туловища, под поднятой ногой и над головой. Это позволило сформировать базовый хватательный рефлекс и изолировать движения рук.

2. Этап статического баланса и схемы тела

Для детей с ГУО понимание границ собственного тела — огромный труд. Мы использовали мешочки как зрительные и физические маркеры.

– Практика: Упражнения «Корона» (удержание мешочка на голове) и «Грузовики» (на плечах). Сначала дети удерживали баланс сидя, затем стоя, а к 4 классу — при ходьбе по извилистой дорожке или переступая через препятствия. Мешочек на голове заставляет ребенка рефлекторно выпрямлять спину и удерживать равновесие, что улучшает проприоцепцию.

3. Динамический этап (Подбрасывание и ловля)

Самый сложный этап, требующий созревания зрительно-моторной координации (связки «глаз-рука»).

– Траектория обучения: Мы начинали со сбрасывания мешочка со стола в коробку, затем перешли к низкому двуручному подбрасыванию. Поймать летящий предмет для ребенка с ГУО — высшее достижение. В 3 классе ловля происходила в основном с прижиманием к груди. В 4 классе мы усложнили задачу: ловля только кистями рук, подбра-

сывание одной рукой, а также введение моторной программы (подбросить — хлопнуть в ладоши — поймать).

4. Социально-коммуникативный этап

Дети с глубокими нарушениями интеллекта часто изолированы и не умеют взаимодействовать. Мешочек выступил в роли «коммуникативного моста».

– Игры: Мы начинали с перекачивания мешочка по столу друг другу, затем перешли к перебрасыванию в парах. Особое место заняли игры в кругу («Горячая картошка», «Стоп-музыка»). Передача мешочка по кругу требовала от ребенка не только моторного акта, но и фиксации взгляда на сверстнике, ожидания своей очереди и торможения импульсивности.

Результаты двухлетнего мониторинга и выводы

Анализ результатов по картам индивидуального развития (СИПР) за два года показал, что, несмотря на тяжесть дефекта, все учащиеся продемонстрировали положительную динамику.

1. Снижение сенсорного негативизма: Дети, которые на первых занятиях выбрасывали мешочки, к концу второго года самостоятельно выбирают инвентарь любимого цвета и текстуры.

2. Развитие праксиса: У 70 % учащихся сформировался устойчивый целенаправленный захват. Навык перекачивания предмета из руки в руку автоматизирован.

3. Улучшение координации: Попытки самостоятельной ловли мешочка без прижимания к туловищу стали успешными у половины группы. Ходьба с балансированием на голове улучшила общую осанку и походку детей.

4. Повышение уровня произвольности: Дети научились слышать простейшие словесные инструкции и сигналы («Стоп», «На», «Дай»), а также удерживать внимание на задании до 7–10 минут.

Заключение

Двухлетний опыт работы доказал: кинезио-мешочки являются эффективным, недорогим и универсальным средством в системе сенсорного развития детей с ГУО. Они позволяют дробить сложное движение на микрошаги, делая коррекционный процесс доступным для каждого ребенка. Стабильность результатов достигается исключительно за счет непрерывности процесса, терпения педагога и уважения к индивидуальному темпу развития особого ребенка.

Литература:

1. Баряева Л. Б., Гаврилушкина О. П. Игры-занятия с детьми с тяжелыми нарушениями интеллектуального развития. — СПб.: Союз, 2018.
2. Семенович А. В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза. — М.: Генезис, 2020.

Формирование экологической и здоровьесберегающей культуры школьников через проектно-исследовательскую деятельность (на примере создания учебного травника «Зелёная аптека»)

Расторгуева Алена Олеговна, учитель биологии и химии
МБОУ СОШ № 6 г. Бавлы (Республика Татарстан)

В статье представлен опыт организации проектно-исследовательской деятельности учащихся 5 класса по изучению лекарственных растений родного края и созданию учебного травника. Описаны использованные педагогические приёмы и методы, приведены количественные и качественные результаты, выявлены особенности и проблемы реализации, сформулированы методические рекомендации для учителей-предметников.

Ключевые слова: экологическая культура, здоровьесберегающие технологии, проектно-исследовательская деятельность, лекарственные растения, интеграция образования, 5 класс.

Современные образовательные стандарты ориентируют педагога на формирование у учащихся не только предметных, но и метапредметных, и личностных результатов, среди которых важное место занимает экологическая культура и культура здорового и безопасного образа жизни [1]. Однако практика показывает, что учащиеся нередко владеют значительным объёмом абстрактной информации, но не способны применить её в повседневной жизни. В частности, это касается знаний о природе родного края и её лечебных ресурсах.

В ходе педагогического наблюдения на уроках биологии в 5 классе было выявлено, что учащиеся не могут назвать более одного-двух лекарственных растений, не знают их внешнего вида и не имеют навыков сбора и использования. Данная ситуация отражает общую тенденцию снижения уровня экологических знаний и практических навыков взаимодействия с природой у городских школьников [2, 3]. В возрасте 10–12 лет формируется эмоционально-ценностное отношение к окружающему миру, закладываются основы экологического мышления и здоровьесберегающего поведения, поэтому данный возраст является сенситивным для педагогического воздействия.

Возникает педагогическая проблема: как в условиях городской школы и ограниченного времени восполнить дефицит экологических и здоровьесберегающих знаний у пятиклассников, превратив их из пассивных потребителей информации в активных исследователей и создателей?

Экологическая культура как педагогическая категория

Под экологической культурой понимается интегративное качество личности, включающее систему экологических знаний, ценностное отношение к природе, практические умения и навыки взаимодействия с природой, опыт эмоционально-чувственного восприятия природных объектов [4]. Формирование экологической культуры требует включения учащегося в практическую деятельность, где знания становятся инструментом решения реальных задач.

Здоровьесберегающий подход

Здоровьесберегающее образование предполагает формирование у школьников понимания ценности здоровья, знаний о факторах, влияющих на здоровье, и навыков сохранения и укрепления здоровья доступными средствами [5]. Изучение лекарственных растений соединяет знания о природе со знаниями о человеке, биологию с медициной, традицию с наукой.

Проектно-исследовательская деятельность

Метод проектов в современной педагогике рассматривается как способ организации образовательного процесса, при котором учащиеся приобретают знания и умения в ходе самостоятельного планирования и выполнения практических задач [6, 7]. Проектная деятельность обладает характеристиками, значимыми для решения поставленной проблемы: интеграция знаний из разных областей, практическая направленность, субъектная позиция учащегося, социальная значимость результата.

Утрата традиционных знаний как педагогическая проблема

Исследования последних лет фиксируют разрыв между поколениями в передаче знаний о природе. Урбанизация, цифровизация, изменение образа жизни семьи приводят к тому, что традиционные практики (сбор трав, заготовки, на-

родная медицина) уходят из повседневного опыта детей [8]. Это создаёт не только образовательный, но и культурный дефицит. Восстановление этих знаний — задача не только семьи, но и школы.

Методология и организация работы

Условия реализации

Образовательная организация: МБОУ «СОШ № 6» г. Бавлы.

Класс: 5 (учащиеся 10–11 лет).

Количество участников: 27 человека.

Сроки: сентябрь–август 2025–2026 учебного года.

Форма: внеурочная проектно-исследовательская деятельность с интеграцией в уроки биологии.

Педагогические приёмы и методы

В ходе реализации проекта использовался комплекс педагогических приёмов и методов:

1. Проблемное обучение. На первом занятии учащимся была предложена ситуация: «Вы порезались на прогулке. Аптечки рядом нет. Что делать?» Большинство участников ответили, что нужно обратиться к взрослым или вызвать скорую. Ни один не предложил использовать растения. Это позволило сформулировать проблему: «Мы не знаем природу, которая нас окружает. Мы теряем знания, которые были у наших бабушек».

2. Метод проектов. Учащиеся самостоятельно определили цель (изучить лекарственные растения родного края и создать книгу рецептов), продукт (учебный травник), план работы и распределили роли. Были сформированы четыре группы:

I. «Полевики» — отвечали за сбор и сушку трав.

II. «Лаборанты» — за приготовление мазей, отваров, взваров.

III. «Редакторы» — за оформление текстов и иллюстраций.

IV. «Испытатели» — за тестирование готовых продуктов и сбор обратной связи.

3. Практические и лабораторные работы. Проведено 3 полевых выхода и 6 практических занятий. На полевых выходах учащиеся осваивали определение растений по морфологическим признакам, правила сбора (время, место, часть растения). На практических занятиях — технику безопасности при работе с нагревательными приборами, приготовление водяной бани, смешивание ингредиентов.

4. Групповая работа. Распределение ролей позволило каждому учащемуся найти зону ответственности с учётом интересов. Например, учащиеся, склонные к рисованию, вошли в группу «редакторов»; те, кто интересовался химией, — в группу «лаборантов».

5. Интеграция предметов. Проект потребовал знаний из биологии (морфология растений), химии (растворение, экстракция, температура плавления), технологии (приготовление), русского языка (написание текстов), ИЗО (оформление).

6. Рефлексия. На завершающем этапе проведено итоговое анкетирование, рефлексивная беседа и написаны эссе.

Этапы работы

Этап 1. Мотивационно-диагностический (сентябрь–декабрь)

На уроках биологии при изучении темы «Царство Растения» был проведён входной опрос: «Какие лекарственные растения вы знаете? Где они растут? Как их использовать?»

Результаты показали:

- 87 % учащихся смогли назвать не более 1–2 растений;
- 64 % не знали, как выглядят эти растения в природе;
- 91 % никогда не собирали травы самостоятельно;
- 78 % не знали, что из растений можно делать мази.

Это послужило отправной точкой для формулировки проблемы самими учащимися.

Этап 2. Проектировочный (январь)

Совместно с учителем учащиеся:

- сформулировали цель проекта: изучить лекарственные растения родного края и создать книгу рецептов;
- определили продукт: учебный травник с рецептами мазей, отваров и взваров;
- составили план: сбор трав → сушка → приготовление → описание → оформление книги;
- распределили роли.

Этап 3. Практический (март–август)

3.1. Сбор и сушка трав

Проведено 3 полевых выхода в окрестности города Бавлы. Учащиеся под руководством учителя:

- научились определять растения по морфологическим признакам;
- освоили правила сбора (время, место, часть растения);
- заготовили 26 видов лекарственного сырья;
- высушили и систематизировали травы.

На первом полевом выходе учащиеся не могли отличить ромашку от пупавки, путали душицу с мятой. К третьему выходу большинство уверенно определяли 10–12 видов растений.

3.2. Приготовление мазей и отваров

Проведено 6 практических занятий, на которых учащиеся:

- освоили технику безопасности при работе с нагревательными приборами;
- научились готовить водяную баню;
- приготовили 5 видов мазей (медовая, календульная, ромашковая, с живицей, хвойная);
- заварили и продегустировали 8 видов травяных чаёв;
- приготовили 3 вида взваров.

Первая мазь (медовая) у двух групп расслоилась из-за перегрева. Это стало предметом обсуждения: учащиеся самостоятельно определили причину ошибки и скорректировали технологию.

3.3. Создание книги

Каждый учащийся:

- выбрал 1–2 рецепта для описания;
- написал текст по шаблону (название, ингредиенты, приготовление, применение);
- нарисовал иллюстрацию или подобрал фотографию;
- участвовал в коллективном обсуждении и редактировании.

Этап 4. Презентационный (август)

Проведена защита проекта в формате открытого мероприятия для родителей и педагогов на августовской конференции Бавлинского района. Учащиеся:

- приготовили мазь в реальном времени;
- заварили чай и провели дегустацию;
- представили книгу;
- ответили на вопросы комиссии.

Этап 5. Рефлексивный (август)

Проведено итоговое анкетирование и рефлексивная беседа.

Результативность проектной деятельности

Таблица 1. Количественные результаты

Показатель	До проекта	После проекта
Количество растений, которые учащиеся могут назвать	1–2	12–15
Умение определять растение в природе	8 %	76 %
Знание правил сбора и сушки	0 %	91 %
Умение приготовить мазь	0 %	83 %
Понимание разницы между настоем, отваром и взваром	0 %	89 %

Качественные результаты

Формирование субъектной позиции. Учащиеся перестали быть пассивными слушателями. Они самостоятельно формулировали вопросы, искали ответы, принимали решения, несли ответственность за результат. Например, при обсуждении рецепта мази из календулы одна из групп предложила добавить эфирное масло чайного дерева для усиления антисептического эффекта — это предложение было принято после обсуждения.

Развитие метапредметных умений. Проект потребовал интеграции знаний из биологии (морфология растений), химии (растворение, экстракция, температура плавления), технологии (приготовление), русского языка (написание текстов), изобразительное искусство (оформление).

Эмоционально-ценностное отношение к природе. В рефлексивных эссе учащиеся отмечали: «Я никогда не думал, что трава, по которой я хожу, может лечить», «Мне было жалко рвать цветы, но бабушка сказала, что если аккуратно, то они вырастут снова».

Связь поколений. Некоторые учащиеся привлекли к работе бабушек и дедушек: «Моя бабушка рассказала, что раньше от кашля пили душицу. Мы попробовали — помогло». Это способствовало не только образованию, но и укреплению семейных связей.

Здоровьесберегающее поведение. Учащиеся начали применять полученные знания в повседневной жизни: заваривать чай при простуде, использовать мази при порезах, отказываться от газировки в пользу травяных напитков.

Продукт проекта

Создан учебный травник «Зелёная аптека: мази, взвары и сборы своими руками», включающий:

- 6 глав;
- 20 рецептов мазей;
- 10 травяных сборов;
- описание 30 лекарственных растений;
- иллюстрации, выполненные и подобранные учащимися.

Книга распространена среди родителей и педагогов школы. Один экземпляр передан в школьную библиотеку.

Особенности, проблемы и рекомендации

Особенности подхода

Практическая направленность. Дети не просто воспринимают информацию, а активно применяют её на практике. Знания не сохраняются в памяти в виде статических данных, а сразу же используются для решения задач и выполнения действий.

Создание материального продукта. Книга, мазь, чай — результат, который можно потрогать, попробовать, подарить.

Интеграция урочной и внеурочной деятельности. Проект встроен в уроки биологии и продолжается во внеурочное время.

Интеграция естественнонаучного и гуманитарного знания. Изучение травы — это не только биология, но и история, культура, традиция, язык.

Опора на народные традиции и семейное участие. Бабушки и дедушки — носители традиционного знания, их участие обогащает проект.

Проблемы реализации

Временные затраты. Проект требует значительного времени (6–8 месяцев). Не все учителя могут себе это позволить в условиях плотного учебного плана.

Материально-техническая база. Необходимы нагревательные приборы, посуда, ингредиенты. В условиях обычной школы это требует дополнительных ресурсов.

Безопасность. Работа с горячими жидкостями, стеклом, некоторыми растениями (чистотел, полынь) требует строгого контроля со стороны учителя.

Сезонность. Сбор трав возможен только в определённые месяцы, что ограничивает гибкость планирования.

Разный уровень вовлечённости. Не все учащиеся одинаково активны. Требуется индивидуальный подход и распределение ролей с учётом интересов.

Сравнение с существующими подходами

Традиционно изучение лекарственных растений в школе ограничивается теоретическими сведениями на уроках биологии (тема «Лекарственные растения» в 6–7 классах) или внеклассными мероприятиями (экскурсии, викторины).

Предлагаемый подход отличается:

- практической направленностью (дети не слушают, а делают);
- созданием материального продукта (книга, мазь, чай);
- интеграцией семьи (привлечение бабушек, дедушек, родителей);
- связью с народной традицией (не только научное, но и культурное знание).

Рекомендации для учителей

1. Начинать с проблемы, а не с темы. Не «сегодня мы будем изучать лекарственные растения», а «как вы думаете, что делать, если порезался, а аптеки рядом нет?». Проблема должна быть лично релевантной.

2. Выходить в поле. Теоретическое изучение растений по картинкам малоэффективно. Дети должны видеть, трогать, нюхать, собирать.

3. Позволять ошибаться. Первая мазь может расслоиться, чай — получиться горьким. Это не провал, а опыт. Обсуждать ошибки, а не скрывать их.

4. Создавать продукт. Не «изучили и забыли», а «изучили и сделали книгу, мазь, чай». Продукт должен быть материальным и социально значимым.

5. Привлекать семью. Бабушки и дедушки — носители традиционного знания. Их участие обогащает проект и укрепляет семейные связи.

6. Соблюдать безопасность. Работа с нагревательными приборами, стеклом, некоторыми растениями требует инструктажа и постоянного контроля.

7. Не бояться простоты. Не нужно сложных формул и терминов. Простые объяснения, живые примеры, практические действия — вот что работает.

Таким, образом проектно-исследовательская деятельность по изучению лекарственных растений родного края и созданию учебного травника показала свою эффективность, как средство формирования экологической и здоровьесберегающей культуры школьников.

Основные выводы:

1. Современные школьники имеют дефицит экологических и здоровьесберегающих знаний, который может быть восполнен через практическую деятельность.

2. Проектный метод позволяет интегрировать урочную и внеурочную деятельность, естественнонаучное и гуманитарное знание, школу и семью.

3. Создание материального продукта (книги, мази, чая) повышает мотивацию, ответственность и осмысленность учения.

4. Обращение к народным традициям способствует не только образованию, но и восстановлению связи поколений.

5. Работа с детьми 10–11 лет показала, что этот возраст является сенситивным для формирования эмоционально-ценностного отношения к природе и практических навыков взаимодействия с ней.

Данный опыт может быть рекомендован учителям биологии, химии, классным руководителям, педагогам дополнительного образования для организации внеурочной деятельности, направленной на формирование экологической и здоровьесберегающей культуры школьников.

Литература:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утв. приказом Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287. — М.: Минпросвещения России, 2021. — 91 с.
2. Дерябо, С. Д. Экологическая педагогика и психология / С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. — 476 с.
3. Зверев, И. Д. Экология в школьном обучении: новый аспект образования / И. Д. Зверев. — М.: Знание, 1980. — 96 с.
4. Глазачев, С. Н. Экологическая культура учителя: исследование и разработки / С. Н. Глазачев. — М.: Современный писатель, 1998. — 432 с.
5. Смирнов, Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии в современной школе / Н. К. Смирнов. — М.: АПК и ПРО, 2002. — 121 с.
6. Полат, Е. С. Метод проектов: история и теория вопроса / Е. С. Полат. — Текст: непосредственный // Школьные технологии. — 2006. — № 6. — С. 43–47.
7. Сергеев, И. С. Как организовать проектную деятельность учащихся: Практическое. пособие для работников общеобразовательных учреждений. / И. С. Сергеев. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: АРКТИ, 2005. — 80 с.
8. Ясвин, В. А. Психология отношения к природе / В. А. Ясвин. — М.: Смысл, 2000. — 456 с

Роль транспортного вуза в формировании региональной идентичности и удержании молодежи на Дальнем Востоке

Смирнов Илья Андреевич, преподаватель

Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье автор исследует роль транспортного вуза в формировании региональной идентичности и профессиональных ценностей студентов как фактора удержания молодежи на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: региональная идентичность, профессиональные ценности, Дальний Восток, транспортный вуз, закрепление молодежи.

Дальневосточный регион сталкивается с устойчивым оттоком молодежи, и высшая школа играет в этом процессе двойственную роль: она может быть как «каналом» утечки

кадров, так и «якорем», удерживающим их в регионе. В статье на примере Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС) рассматривается, как транс-

портный вуз через воспитание региональной идентичности и профессиональных ценностей участвует в решении проблемы закрепления молодежи на Дальнем Востоке. Анализ опирается на положения Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [1] и на научные исследования, посвященные взаимодействию университета и региональной экономики [3]. Показано, что специфика транспортного вуза состоит в возможности соединить отраслевую принадлежность с региональной миссией. Обосновывается, что воспитание региональной идентичности в железнодорожном вузе должно идти не через отдельные «краеведческие» модули, а через встраивание регионального измерения в профессиональную подготовку: содержание дисциплин, практику и корпоративную культуру.

1. Постановка проблемы

Проблема оттока молодежи с Дальнего Востока носит структурный и долговременный характер. Дальний Восток остается одним из регионов с наиболее выраженными масштабами образовательной миграции: выпускники дальневосточных вузов устойчиво перемещаются в центральные регионы страны, что обостряет дефицит квалифицированных кадров на месте [2].

Причины этого многомерны, но образование занимает среди них ключевое место. Повышения качества образования самого по себе недостаточно — важно на этапе становления профессиональной идентичности выстроить смысловую связь между молодым человеком и регионом. Как отмечается в программных документах развития Дальнего Востока, закрепление населения и кадровое обеспечение территорий опережающего развития являются приоритетными задачами государственной политики [2].

Транспортный вуз в этом контексте представляет особый исследовательский интерес. ДВГУПС — базовая площадка подготовки кадров для железных дорог Дальнего Востока, и его выпускники ориентированы прежде всего на Дальневосточную железную дорогу и объекты транспортной инфраструктуры региона. Эта отраслевая привязка изначально встраивает студента в сеть «регион — отрасль». Однако отраслевая принадлежность не превращается автоматически в готовность остаться в регионе: выпускник может идентифицировать себя как «железнодорожника», но при этом уехать из дальневосточной зоны. Поэтому центральный вопрос формулируется так: может ли образовательный процесс в транспортном вузе — и каким образом — соединить профессиональную идентичность с региональной?

2. Политико-нормативные рамки и теоретический ракурс

2.1 Ориентиры государственной образовательной политики

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряже-

нием Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р, относит гражданское воспитание и профессиональное самоопределение к приоритетным направлениям [1]. В документе говорится о необходимости формирования у детей и молодежи активной гражданской позиции и гражданской ответственности, развития трудового воспитания и уважения к труду, содействия профессиональному самоопределению и включению детей в общественно полезную деятельность [1]. Существенно, что гражданское воспитание в Стратегии связывается с единством любви к большой и малой родине [1]. Это дает нормативное основание для регионального воспитания: региональная идентичность не конкурирует с общероссийской, а является ее составной частью.

На уровне высшей школы действуют документы, регулирующие развитие дальневосточных вузов. В частности, государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» и связанные с ней меры поддержки университетов формируют институциональные условия для разработки региональными вузами собственных программ развития, ориентированных на кадровое обеспечение территории [2]. Общие требования к образовательной деятельности, включая воспитательную функцию, закреплены в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [4].

2.2 Университет как узел региональной экосистемы

Научные исследования дают аналитическую рамку для понимания роли транспортного вуза в закреплении молодежи. В работе А. Д. Мельник и

А. Е. Судаковой, опубликованной в рецензируемом журнале «Регион: экономика и социология» (2026, № 1), вводится понятие «университетской экосистемы», которая определяется как система продуктивного взаимодействия вуза, студента и региональной экономики [3]. На основе данных по 88 субъектам Российской Федерации авторы выделяют 21 регион с «устойчивой экосистемой», где вузы отличаются глубиной интеграции с рынком труда (базы практик) и интенсивностью инновационной деятельности (внебюджетное финансирование НИОКР) [3].

Главная идея этой рамки в том, что вклад университета в развитие региона измеряется не только количеством подготовленных специалистов, но и качеством связи студента с региональным рынком труда [3]. Для транспортного вуза эта связь изначально сильна: отраслевая направленность означает, что практики, дипломные проекты и трудоустройство студентов сосредоточены в региональной железнодорожной системе. Вопрос в том, как эта структурная связь переходит в субъективное принятие региона самим студентом.

Дополнительную опору дает педагогическая теория профессионального самоопределения, в рамках которой профессиональные ценности рассматриваются как устойчивые смысловые образования, формируемые в процессе

обучения и практической деятельности. Региональная идентичность в этой логике выступает как один из компонентов ценностно-смысловой сферы личности, интегрирующий отношение человека к территории, на которой разворачивается его профессиональная жизнь.

3. Специфика воспитания региональной идентичности в транспортном вузе

3.1 Двойная связка «профессия — регион»

Формирование региональной идентичности отличается от патриотического воспитания в общем виде. Оно требует, чтобы человек на когнитивном уровне знал историю, культуру и ресурсы региона, на эмоциональном — чувствовал принадлежность и привязанность к нему, на поведенческом — был готов вкладывать личные ресурсы в его развитие.

Для студента транспортного вуза особенность в том, что профессиональная и региональная идентичности географически совпадают.

Железнодорожная сеть Дальневосточной железной дороги охватывает практически всю территорию Дальневосточного федерального округа [2].

Это значит, что выпускник, выбирающий работу в дальневосточной железнодорожной системе, своим профессиональным трудом участвует в развитии региона. Роль железной дороги как «артерии жизни» — будь то грузовая логистика или пассажирское сообщение — придает работе железнодорожника прямой региональный смысл. Задача транспортного вуза — перевести эту объективную связь в субъективное сознание студента: выбрать дальневосточную железную дорогу — значит выбрать путь вместе с Дальним Востоком.

3.2 Отличие от модели классического университета

В отличие от классических университетов, региональное воспитание в транспортном вузе не может опираться на «общеобразовательное краеведение». В классическом университете оно может разворачиваться вокруг истории, географии, культуры, экологии Дальнего Востока — содержание здесь достаточно гибкое. В транспортном вузе учебное время плотно занято профессиональными дисциплинами, и региональное воспитание должно встраиваться в логику профессиональной подготовки [4].

Отсюда следует, что эффективная стратегия транспортного вуза — не «добавить курс о дальневосточной культуре», а проникнуть региональным измерением в профессиональные дисциплины и практики. Например, в курсе «Управление перевозками» обсуждать сезонные вызовы дальневосточных железных дорог (зимние холода, содержание пути на мерзлоте, сезонные колебания пассажиропотока), в курсе «Организация логистики» — анализировать специфику взаимодействия дальневосточных портов

и железной дороги. Такая встроенная передача регионального знания позволяет студенту осваивать профессию и одновременно формировать понимание и принятие региональной отраслевой среды.

4. Практические пути

4.1 Глубокое взаимодействие «вуз — предприятие»

Эффективность профессиональной подготовки во многом определяется глубиной связи образовательного учреждения с профильными предприятиями [3]. Эта логика в полной мере применима к транспортному вузу.

Сотрудничество ДВГУПС с Дальневосточной железной дорогой имеет естественные институциональные преимущества. Для эффективного регионального воспитания эту кооперацию нужно перевести с формального уровня организации практик на уровень смыслообразующей практической деятельности. В частности, в практику можно встроить рефлексивные задания: проходя практику на станции или участке, студент не только выполняет технические операции, но и фиксирует, как работа железной дороги влияет на местное сообщество — например, как работники отдаленной станции обеспечивают снабжение, как грузовые поезда поддерживают экономику прибрежных городов. Такая рефлексия превращает техническую практику в опыт сосуществования железной дороги и региона.

4.2 Региональный нарратив вузовской культуры

Культура университета играет незаметную, но важную роль в становлении идентичности. Культура транспортного вуза уже содержит богатый отраслевой нарратив: история строительства железных дорог, биографии героев труда, традиции технических инноваций [1]. Задача регионального воспитания — привязать эти отраслевые нарративы к географии и сообществам Дальнего Востока.

История строительства дальневосточных железных дорог глубоко переплетена с историей освоения Дальнего Востока — от дальневосточного участка Транссиба до БАМа железная дорога всегда была материальной основой формирования и развития региона [2]. Если представлять эту историю только как техническую или отраслевую, ее воспитательный потенциал теряется. Осознанное вовлечение студентов в понимание региональных историй за каждым километром пути позволяет отраслевой гордости и региональной привязанности резонировать друг с другом.

4.3 Региональная направленность профессиональных ценностей

Воспитание профессиональных ценностей — ключевой посредник региональной идентичности [1]. Принятие студентом Дальнего Востока в конечном счете выражается в конкретном профессиональном выборе: я готов за-

ниматься своей профессией на Дальнем Востоке. Поэтому региональное воспитание должно сочетаться с формированием профессиональных ценностей.

Железнодорожная отрасль Дальнего Востока сталкивается со специфическими профессиональными вызовами: суровые климатические условия, удаленность от дальних станций, высокая интенсивность труда [2]. Если воспитание профессиональных ценностей обходит эти реальные трудности и ограничивается призывами к самоотверженности, эффект часто невелик. Более действенная стратегия — конкретизировать смысл профессии: показать, как именно работа дальневосточного железнодорожника влияет на жизнь жителей вдоль линии, на функционирование региональной экономики, на целостность национальной транспортной сети. Когда студент понимает свою профессиональную деятельность как служение конкретным сообществам и конкретным людям, региональная идентичность получает опору в профессиональной этике.

5. Выводы и рекомендации

Транспортный вуз обладает уникальным структурным преимуществом в решении проблемы закрепления молодежи на Дальнем Востоке: отраслевая направленность со-

здает естественный потенциал совпадения профессиональной и региональной идентичностей [3]. Однако этот потенциал не реализуется сам собой. Формирование региональной идентичности требует осознанного педагогического вмешательства [1].

Проведенный анализ показывает, что эффективный путь — не создание отдельного воспитательного модуля, а встраивание регионального измерения во весь процесс профессиональной подготовки: включение регионального отраслевого знания в содержание дисциплин, проектирование рефлексивных заданий в практике, выстраивание связи отраслевого и регионального нарративов в вузовской культуре [1; 3]. Такая встроенная стратегия соответствует как структурным ограничениям учебного плана транспортного вуза, так и внутренней логике формирования идентичности: идентичность не «сообщается» извне, а постепенно конструируется в ходе непрерывного практического участия и осмысления.

Для ДВГУПС это означает уточнение образовательной миссии: от подготовки кадров для дальневосточных железных дорог к подготовке для Дальнего Востока железнодорожных кадров, готовых остаться на Дальнем Востоке [2; 3]. Этот сдвиг формулировки обозначает переход от простого снабжения рабочей силой к роли участника регионального развития.

Литература:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru>
2. Постановление Правительства Российской Федерации «О государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.09.2026).
3. Мельник, А. Д. Университетская экосистема как индикатор продуктивного сотрудничества молодежи и бизнеса в устойчивых регионах / А. Д. Мельник, А. Е. Судакова. — Текст: непосредственный // Регион: экономика и социология. — 2026. — № 1. — С. 76–106.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.09.2026).
5. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.09.2026).

Мотивация к получению образования: теоретические аспекты и современные подходы

Смирнова Юлия Вячеславовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье анализируется учебная мотивация как ключевой фактор успешности образовательной деятельности и профессионализации личности. Рассматриваются структурные компоненты мотивации, динамика мотивационных установок в процессе вузовского обучения, роль педагогического сопровождения и современные инструменты активи-

зации познавательной активности (геймификация, искусственный интеллект). Автором обосновывается необходимость комплексного подхода к формированию устойчивой заинтересованности студентов, учитывающего как традиционные педагогические методы, так и инновационные цифровые решения.

Ключевые слова: мотивационная сфера, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, профессионализация, игрофикация, педагогическое воздействие, высшая школа.

В современной психолого-педагогической науке мотивация к образованию занимает центральное место, поскольку определяет не только академическую успеваемость, но и профессиональное становление личности, её готовность к непрерывному саморазвитию в условиях динамично меняющегося мира. Актуальность проблемы обусловлена также тем, что современный рынок труда предъявляет повышенные требования к специалистам, способным самостоятельно пополнять знания и адаптироваться к технологическим изменениям.

В структуре учебной мотивации традиционно выделяют внутреннюю и внешнюю составляющие. Внутренняя мотивация базируется на познавательном интересе, любознательности, стремлении к самоактуализации; она наиболее устойчива и обеспечивает глубокое личностное принятие образовательных задач. Внешняя мотивация детерминирована оценками, поощрениями, социальным признанием, статусными приобретениями; её действие ограничено по времени и не гарантирует внутреннего удовлетворения. Данные типы мотивации не являются антагонистами: они образуют континуум, на одном полюсе которого находится высокоразвитая познавательная направленность, а на другом — сугубо инструментальное отношение к учёбе. Некоторые внешние побуждения (чувство долга, ответственность) при интеграции с ценностными ориентациями могут приобретать черты внутренней мотивации. Важным теоретическим положением является выделение Е. П. Ильиным и другими исследователями промежуточных форм мотивации, которые сочетают элементы внешнего и внутреннего побуждения. Например, стремление получить одобрение значимого лица может трансформироваться в устойчивую потребность в самоуважении и профессиональном признании.

Эмпирические исследования фиксируют значительную динамику мотивационной сферы студентов в процессе обучения. Согласно методике Т. И. Ильиной [3], у бакалавров доминируют мотивы приобретения знаний (48,4 %) и овладения профессией (38,7 %), тогда как у магистров ведущим становится мотив получения диплома (55 %). Данная тенденция позволяет предположить, что с увеличением срока обучения прагматические установки постепенно вытесняют познавательный интерес, что требует от преподавателей особого внимания к поддержанию внутренней мотивации на старших курсах. Опрос 100 респондентов (Е. В. Пожидаева) [6] выявил иерархию мотивов поступления: получение профессиональных навыков (28 %), высокооплачиваемая работа (28 %), саморазвитие (24 %). Показательно, что мотив саморазвития занял вторую позицию, что указывает на осознание современной молодёжью цен-

ности образования как источника личностного роста, а не только как средства достижения материального благополучия. При этом к старшим курсам внутренняя мотивация усиливается: возрастает значимость профессиональных знаний, что свидетельствует о повышении осознанности. В исследованиях Т. В. Христидис [7] (95 магистрантов) к концу первого года доля студентов с познавательной мотивацией выросла с 62 % до 76 %, а стремление к успеху — с 52 % до 56 %, что подтверждает эффективность целенаправленного педагогического сопровождения.

Преподаватель в свою очередь выступает ключевым агентом формирования мотивации. Как отмечает П. М. Алексеева, педагог призван не только транслировать знания, но и развивать разностороннюю, компетентную личность, пробуждать интерес, придавать учебному процессу личностный смысл. Эффективное воздействие предполагает учёт индивидуальных особенностей студентов, их стилей учебной деятельности. В. А. Семинченко выделяет четыре группы обучающихся на основе таких параметров, как умение планировать деятельность, организация умственной работы, профессиональная направленность и характер мотивированности. Данная типология позволяет преподавателю дифференцированно подходить к выбору методов психолого-педагогического воздействия. Важнейшая задача — помочь осознать личностную значимость дисциплины [1]. Исследование Т. В. Христидис подтвердило, что интерактивные методы (тренинги, игровые технологии, проектная работа, дискуссии) способствуют росту познавательной активности. Следует особо выделить роль преподавателя в создании ситуаций успеха, которые являются важнейшим условием развития внутренней мотивации. Положительное подкрепление достижений, публичное признание успехов и создание атмосферы психологической безопасности способствуют формированию уверенности студента в собственных силах.

Современные механизмы повышения мотивации связаны с цифровизацией образования. Геймификация — применение игровых элементов — вовлекает студентов, усиливает интерес. По данным Е. Г. Кострикиной, 49,1 % студентов отмечают наличие игровых элементов в своих ВУЗах; наиболее эффективны системы прогресса и начисления баллов. Увлечённость видеоиграми среди молодёжи 18–24 лет достигает 56 %, что создаёт потенциал для игровых подходов [4]. Однако не все игровые механики одинаково эффективны: доски лидеров могут провоцировать негативную конкуренцию и снижение качества выполнения заданий, что указывает на необходимость осторожного и взвешенного применения геймификации. Перспек-

тивным представляется гибридный подход, сочетающий игровые элементы с форматом «перевернутого класса», когда студенты самостоятельно осваивают теоретический материал, а на занятиях решают практические задачи в игровой форме. В качестве дополнительного механизма укрепления мотивации можно рассматривать проектное обучение, которое позволяет студентам применять полученные знания для решения реальных профессиональных задач. Такой подход не только повышает заинтересованность, но и способствует формированию навыков командной работы и самостоятельного целеполагания.

Таким образом, учебная мотивация представляет собой сложное системное образование, в котором внутренние и внешние компоненты взаимосвязаны. На-

более продуктивна внутренняя мотивация, основанная на познавательном интересе и личностных смыслах. В процессе обучения наблюдается динамика: от познавательных и профессиональных ориентаций к прагматическим установкам, но при целенаправленном сопровождении внутренняя заинтересованность растёт. Современные цифровые инструменты открывают новые возможности для активации познавательной деятельности, но требуют взвешенного и дифференцированного подхода. Комплексное сочетание традиционных педагогических методов и инновационных цифровых решений позволяет сформировать устойчивую мотивацию, обеспечивающую успешную профессиональную реализацию и личностное благополучие выпускников.

Литература:

1. Алексеева П. М. Роль преподавателя в формировании мотивации к учению у студентов // [Проблемы современного педагогического образования]. — 2023 г. — № 80–1. — С. 31–34.
2. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. — СПб.: Питер, 2011. — 512 с.
3. Ильина Т. И. Методика изучения мотивации обучения в вузе [Электронный ресурс] / Т. И. Ильина. — Режим доступа. — <http://testoteka.narod.ru/ms/1/05.html> (дата обращения: 08.09.2026).
4. Кострикин Е. Г. Современные механизмы формирования учебной мотивации студентов вуза // Общество: социология, психология, педагогика. — 2025. — № 1. — С. 27–32.
5. Кузьменкова, Т. Л., Налетова Н. Ю., Криворучкина Е. А., Кузьмина А. Н. Мотивация получения образования на современном этапе развития // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. — 2021. — № 4 (194). — С. 239–242.
6. Пожидаева, Е. В. Мотивация людей к получению высшего образования // Вестник. — 2023. — № 2. — С. 150–155.
7. Христидис, Т. В. Развитие мотивации к профессиональной деятельности: опыт педагогической практики // Вестник МГУКИ. — 2023. — № 6 (116). — С. 97–106.

Сочетание традиционных и инновационных технологий в обучении иностранному языку в системе среднего профессионального образования: из опыта работы

Турскене Татьяна Владимировна, преподаватель иностранного языка высшей квалификационной категории
Сургутский политехнический колледж

В статье обобщён опыт сочетания традиционных дидактических приёмов и инновационных инструментов — цифровых и бумажных — в преподавании английского языка студентам колледжа. Показано, что такое сочетание даёт измеримый эффект: рост успеваемости и подтверждённую апробацией результативность конкретной разработки.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, иностранный язык, традиционные и инновационные технологии, смешанное обучение, электронный учебно-методический комплекс, бумажные учебные пособия, адаптивные тренажёры.

Цифровизация образовательной среды предъявляет к преподавателю иностранного языка в системе среднего профессионального образования (СПО) новые требования, но не отменяет традиционных дидактических принципов. В автономном учреждении (АУ) «Сургутский политехнический колледж» реализуется методическая тема «Современные подходы к формированию и реализации содержания образования в условиях ци-

фровизации»; индивидуальная методическая тема автора — «Специфика разработки электронных материалов по иностранному языку на примере грамматических тем «Герундий. Множественное число существительных. Числительные. Предлоги. Оборот There is/are». Цель статьи — обобщить опыт сочетания традиционных и инновационных методов обучения английскому языку студентов первого курса колледжа и показать его результативность.

Базовыми при построении занятий остаются деятельностный подход и технология проблемного обучения: студенты самостоятельно формулируют правило на основе языкового материала, а не получают его в готовом виде [1]. Групповые формы работы применяются при отработке лексико-грамматических тем, словесный метод — для развития устной речи, классно-урочная организация обучения обеспечивает систематичность в освоении программы. На взгляд автора, уже на вводном занятии отдельное внимание стоит уделять вопросу, зачем иностранный язык нужен будущему специалисту, и показывать связь с профессией: работа с документацией, оборудованием, профессиональной терминологией. Освоение языка при этом не только углубляет предметные знания, но и развивает надпрофессиональные качества — устойчивое внимание, структурность мышления, дисциплинированность; привычка к структурированию и порядку отдельно воспитывается через единые требования к ведению тетради (нумерация страниц, разделы «Домашнее задание» и «Задолженности», «Содержание» в конце тетради для быстрого поиска материала). Все бумажные и электронные материалы курса разрабатываются в строгом соответствии с рабочей программой дисциплины «Иностранный язык» для специальностей и профессий СПО [2].

Цифровая грамотность преподавателя расширена освоением курсом «Современные основы деятельности работников образования по применению искусственного интеллекта», а элементы модели *blended learning* внедрены после изучения курса «Blended Learning: смешиваем смело».

Инновационная составляющая практики строится по нескольким направлениям, основанным на смешанном обучении. Методология смешанного обучения формировалась многими исследователями, которые предложили различные подходы, модели и принципы интеграции очного и онлайн-обучения. Авторы Н. В. Андреева, Л. В. Рождественская, Б. Б. Ярмахов определяют смешанное обучение как «образовательный подход, совмещающий обучение с участием учителя (лицом к лицу) с онлайн-обучением и предполагающий элементы самостоятельного контроля учеником пути, времени, места и темпа обучения, а также интеграцию опыта обучения с учителем и онлайн» и рассматривают разные модели смешанного обучения [3].

В своей педагогической практике автор применяет модели смешанного обучения «Перевернутый класс», «Ротация станций», используя цифровую платформу «1С:Электронное обучение». На ней размещены электронные курсы и сборник контрольных и проверочных работ по иностранному языку, рекомендованный методическим советом колледжа (протокол № 3 от 28.11.2025).

Искусственный интеллект помогает адаптировать образовательный контент к индивидуальным потребностям студентов с разными физическими возможностями и уровнем подготовки. С помощью инструментов искусственного интеллекта разработана и размещена в от-

крытом доступе авторская образовательная платформа StepEnglish, которая включает многоуровневые адаптивные тренажёры по грамматическим темам с порогом прохождения 50 % для перехода на следующий уровень сложности, модуль ИИ-репетитора, использующего наводящие вопросы вместо готовых ответов, тренажёр произношения [4]. Существенная особенность платформы заключается в том, что результат каждого теста сразу поступает в таблицу преподавателя вместе с параметрами выполнения (выход из теста в процессе выполнения, использование таймера, доступного в тесте справочного материала и подсказок), что позволяет объективно оценивать самостоятельность работы студента.

Ранее, в 2023/2024 учебном году, было создано и размещено на образовательном ресурсе «ЯКласс» 90 тестов, а раздаточные материалы адаптировались и для студентов с нарушением слуха — этот опыт обобщён в отдельной публикации автора [5].

Наряду с цифровыми инструментами применяются бумажные материалы, которые разрабатываются по тем же лексическим и грамматическим темам курса, что и электронные. В рамках студенческого проекта «Создание обучающего тренажёра по английскому языку «Времена группы Simple» разработан тренажёр с двухслойной структурой страниц: отдельные слова на русском языке снабжены открывающимися клапанами, под которыми скрыта подсказка на английском языке. Апробация в восьми группах первого курса (87 студентов) показала рост доли правильно выполненных заданий на 37 % по сравнению с результатами, зафиксированными до использования тренажёра (он применяется индивидуально, в парах и в командной эстафете).

По схожему принципу разработаны двусторонние карточки по лексическим и грамматическим темам курса (например, «Профессии»): слово на русском языке указано на одной стороне карточки, перевод на английский язык — на другой, есть также карточки с фотографиями без подписи. Формат работы с карточками дифференцируется по уровню подготовки: слабоуспевающим студентам предлагается готовый ответ на обороте, более сильным — усложнённое задание (например, описать изображённую профессию своими словами). Такой набор бумажных материалов, выстроенный по единой с электронными ресурсами курса логике, даёт преподавателю гибкий инструмент для дифференцированной работы на одном занятии: пока сильные студенты выполняют усложнённый вариант задания, слабоуспевающие закрепляют материал в базовом формате с опорой на подсказку, не выпадая из общего темпа действий группы.

Дополнительным подтверждением результативности служат достижения студентов: десятки финалистов и один призёр Всероссийской ЯКлассной олимпиады по английскому языку, более ста участников Международной олимпиады *Romantic English: Love's Language*, призовые места на региональной олимпиаде *The Unfailing Charm of Our Yamal* — 2024.

Наблюдается динамика абсолютной успеваемости по дисциплине «Иностранный язык» в последние три учебных года. Период интенсивного внедрения цифровых инструментов (авторская платформа, электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) в 1С) совпадает с периодом роста этого показателя более чем на 5 процентных пунктов, что подтверждается результатами промежуточной аттестации студентов колледжа по общеобразовательной дисциплине «Иностранный язык» (английский язык). Устойчивость показателей абсолютной успеваемости при регулярной смене изучаемых тем и составов

учебных групп говорит не о случайном результате отдельного круга студентов, а о воспроизводимости методики: совмещение традиционной системной подготовки с внедрением цифровых и бумажных инструментов даёт сопоставимый эффект из года в год.

Практика показывает, что сочетание традиционных дидактических приёмов с инновационными инструментами — как цифровыми, так и обновлёнными бумажными — позволяет поддерживать устойчивый рост успеваемости студентов колледжа и даёт измеримый эффект, подтверждённый апробацией конкретных разработок.

Литература:

1. Орехова Ю. М. Дидактический потенциал ЭУМК для развития коммуникативно-речевых умений обучающихся на практических занятиях по иностранному языку / Ю. М. Орехова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2021. — Т. 25. — № 2. — С. 205–213.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 11.06.2026 № 414). — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202609170017> (дата обращения: 20.09.2026).
3. Андреева, Н. В. Шаг школы в смешанное обучение / Н. В. Андреева, Л. В. Рождественская, Б. Б. Ярмахов. — М., 2016. — Текст : электронный. — URL: http://imc-ya172.ru/images/1_3.pdf
4. Турскене Т. В. Использование компьютерных технологий при работе со слабослышащими студентами / Т. В. Турскене // Научно-методическое сопровождение реализации единого содержания образования и единой системы воспитания: сборник материалов I межрегиональной научно-практической конференции, Челябинск, 13–14 мая 2025 года. — Челябинск: ЧИРО, 2025.
5. Турскене Т. В. StepEnglish: образовательный сайт. — URL: <https://turanvic-pixel.github.io/English/> (дата обращения: 18.09.2026).

Формирование коммуникативных умений у детей старшего дошкольного возраста с нарушением зрения

Храмова Софья Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Андреева Лиана Владимировна, кандидат психологических наук, доцент
Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева (г. Чебоксары)

В работе раскрываются теоретические и прикладные аспекты формирования коммуникативных навыков у старших дошкольников с патологией зрительного анализатора. Показано, что трудности общения у данной категории детей обусловлены вторичными отклонениями в развитии, связанными с недостатком визуальной информации. Предложена поэтапная модель коррекционной работы, включающая диагностический, подготовительный, основной и закрепляющий этапы. Особое внимание уделено игровым технологиям как ведущему средству развития коммуникативной компетенции. Рассмотрена роль педагогического сопровождения и семейного взаимодействия в процессе становления социально-коммуникативных навыков.

Ключевые слова: формирование коммуникативных умений, старший дошкольный возраст, нарушение зрения, коррекционно-педагогическое воздействие, игровая деятельность, вербальное и невербальное общение, социально-коммуникативное развитие, тифлопедагогика.

Введение

На современном этапе развития специального образования приоритетное значение приобретают вопросы полноценной социализации детей с ограниченными воз-

можностями здоровья. Среди различных нозологических групп особое место занимают дети с нарушениями зрения, поскольку ограничение или отсутствие зрительной функции создаёт значительные препятствия для естественного овладения социальными нормами и способами

межличностного взаимодействия [3, с. 54]. В старшем дошкольном возрасте закладываются базовые основы коммуникативной компетенции, которая в дальнейшем определяет успешность школьной адаптации и интеграции в социум.

Специфика развития детей с патологией зрения заключается в том, что они лишены возможности полноценно воспринимать невербальные компоненты общения — мимику, жесты, позы партнёра, что существенно обедняет их представления о социальных ситуациях и затрудняет формирование адекватных коммуникативных реакций [1, с. 112]. В связи с этим возникает объективная потребность в разработке специальных педагогических стратегий, направленных на целенаправленное формирование недостающих коммуникативных умений.

Цель настоящей работы заключается в теоретическом обосновании и характеристике эффективных путей формирования коммуникативных умений у старших дошкольников с нарушениями зрительной функции. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: анализ особенностей коммуникативного развития данной категории детей; определение этапов и содержания коррекционно-педагогической работы; выявление роли игровой деятельности и взрослого в процессе формирования коммуникативных навыков.

Особенности коммуникативного развития детей с нарушением зрения. Зрительная депривация накладывает специфический отпечаток на весь ход психического развития ребенка, и коммуникативная сфера не является исключением. По данным исследований Л. И. Солнцевой, у детей с глубокими нарушениями зрения наблюдается значительное обеднение активного словаря, трудности в понимании эмоциональных состояний собеседника, недостаточная выразительность собственной речи, бедность невербальных средств общения [5, с. 176]. Эти проявления носят не первичный, а вторичный характер, то есть возникают как следствие ограниченного чувственного опыта и недостаточной практики социального взаимодействия.

Важно подчеркнуть, что степень выраженности коммуникативных трудностей не всегда прямо коррелирует с тяжестью зрительного дефекта. В значительной мере она определяется условиями воспитания, наличием или отсутствием целенаправленной работы по развитию общения, характером отношений в семье и детском коллективе [4, с. 67]. Это даёт основание утверждать, что при создании адекватных психолого-педагогических условий возможно существенное продвижение в формировании коммуникативных умений даже у детей со значительными нарушениями зрения. Старший дошкольный возраст характеризуется активным становлением произвольных форм поведения, развитием рефлексии и способности к децентрации. Именно в этот период формируются важнейшие предпосылки для полноценного общения: умение слушать собеседника, учитывать его позицию, строить высказывание в соответствии с коммуникативной за-

дачей [6, с. 88]. У детей с нарушениями зрения данный процесс требует специально организованного вмешательства, поскольку естественный ход развития коммуникативной сферы оказывается нарушенным из-за дефицита визуальной информации.

Концептуальные основания коррекционно-педагогической работы. Формирование коммуникативных умений у детей с нарушениями зрения должно строиться на основе принципов коррекционной педагогики и специальной психологии. Ключевым положением является идея о том, что обучение общению следует осуществлять не изолированно, а в контексте значимой для ребенка деятельности, прежде всего игровой. Это соответствует культурно-исторической теории Л. С. Выготского, согласно которой высшие психические функции формируются в процессе совместной деятельности ребенка со взрослым и сверстниками [7, с. 102].

Важным принципом является также учёт компенсаторных возможностей детского организма. Поскольку зрительный канал восприятия ограничен, необходимо активно задействовать сохранные анализаторы — слуховой, тактильный, двигательный. Это означает, что в процессе обучения общению следует делать акцент на интонационную выразительность речи, использование осязаемых средств коммуникации, развитие умения распознавать эмоциональные состояния по голосовым характеристикам и ритмическим рисункам речи [2, с. 39].

Кроме того, коррекционная работа должна строиться с учётом принципа поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин). На начальных этапах ребёнку требуется развёрнутое внешнее сопровождение его действий со стороны взрослого, включающее проговаривание алгоритмов поведения в различных коммуникативных ситуациях. Постепенно внешняя регуляция переходит во внутренний план, и ребёнок начинает самостоятельно применять освоенные способы общения в повседневной жизни.

Организация процесса формирования коммуникативных умений. Практическая реализация коррекционной работы предполагает прохождение четырёх последовательных этапов [7, с. 108]. На диагностическом этапе осуществляется первичное обследование уровня сформированности коммуникативных умений. Для этого используются методы наблюдения в свободной деятельности и в специально организованных ситуациях общения, а также адаптированные диагностические пробы, позволяющие оценить состояние вербальных и невербальных компонентов коммуникации. По результатам диагностики определяются зоны актуального и ближайшего развития каждого ребенка, намечаются индивидуальные маршруты коррекционной работы.

Подготовительный этап направлен на создание благоприятной психологической атмосферы, установление эмоционального контакта с ребёнком и формирование у него базовой мотивации к взаимодействию. В этот период педагог активно использует тактильные и слуховые средства

установления контакта, создаёт ситуации успеха, поощряет любые проявления инициативы в общении. Особое внимание уделяется нормализации психоэмоционального состояния детей, снижению тревожности и страхов, связанных с новыми социальными ситуациями.

На основном этапе осуществляется непосредственная работа по формированию коммуникативных умений. Она ведётся в трёх направлениях. Первое направление — развитие речевых средств общения: расширение активного и пассивного словаря, формирование навыков диалогической речи, обучение построению связных высказываний. Второе направление — развитие невербальных средств коммуникации: обучение распознаванию эмоций по голосу и интонации, формирование умения использовать жесты и тактильные сигналы. Третье направление — развитие регуляционных навыков: умение договариваться, распределять роли, подчиняться правилам, разрешать конфликты конструктивным способом [4, с. 73].

Заключительный, закрепляющий этап предполагает перенос сформированных умений в реальные жизненные ситуации. Для этого организуются совместные мероприятия, праздники, экскурсии, в ходе которых дети имеют возможность применить освоенные способы общения в новых условиях. Важнейшую роль на этом этапе играет взаимодействие с семьёй: родителям даются конкретные рекомендации по поддержке и развитию коммуникативных навыков ребёнка в повседневной жизни [6, с. 215].

Игровая деятельность как ведущее средство формирования коммуникативных умений. Игра занимает центральное место в системе средств формирования коммуникативных умений у дошкольников с нарушениями зрения. Это обусловлено тем, что игра представляет собой модель социальных отношений, в которой ребёнок может безопасно экспериментировать с различными способами взаимодействия, не опасаясь негативных последствий [2, с. 45].

Сюжетно-ролевые игры («Семья», «Магазин», «Поликлиника», «Школа») позволяют моделировать наиболее типичные коммуникативные ситуации, в которых ребёнок учится вступать в диалог, аргументировать свою

позицию, договариваться с партнёрами. Для детей с нарушениями зрения важно, чтобы все игровые действия сопровождались вербальным комментированием, а предметы-заместители были доступны для тактильного обследования. Педагог выступает не как диктатор, а как равноправный партнёр по игре, который подсказывает, направляет и корректирует взаимодействие в случае возникновения трудностей [3, с. 61].

Дидактические игры и упражнения на развитие речи и эмоциональной сферы также являются эффективным инструментом формирования коммуникативных умений. Например, игры типа «Угадай настроение», «Закончи предложение», «Интервью» развивают способность понимать и передавать эмоциональные состояния, активизируют речевую деятельность, учат задавать вопросы и отвечать на них. Важно, чтобы такие игры проводились регулярно, а их сложность постепенно нарастала в соответствии с успехами детей.

Заклучение

Проведённый теоретический анализ позволяет утверждать, что формирование коммуникативных умений у детей старшего дошкольного возраста с нарушением зрения представляет собой сложный, но вполне реализуемый педагогический процесс. Ключевыми условиями его эффективности являются: раннее начало коррекционной работы, системный и поэтапный характер воздействия, использование игровой деятельности в качестве ведущего средства, активное вовлечение взрослых (педагогов и родителей) в процесс общения с ребёнком.

Разработанная поэтапная модель коррекционной работы может служить основой для практической деятельности специалистов дошкольных образовательных учреждений. Вместе с тем, необходимы дальнейшие эмпирические исследования, направленные на уточнение эффективности отдельных методов и приёмов, а также на разработку критериев оценки сформированности коммуникативных умений у детей данной категории. Перспективным направлением является также изучение возможностей использования современных цифровых и мультимедийных средств в процессе формирования коммуникативных навыков у детей с нарушениями зрения.

Литература:

1. Ермаков В. П., Якунин Г. А. Основы тифлопедагогики. Развитие, обучение и воспитание детей с нарушениями зрения. — М.: Владос, 2000. — 240 с.
2. Забрамная С. Д., Боровик О. В. Практический материал для проведения психолого-педагогического обследования детей. — М.: Владос, 2008. — 320 с.
3. Литвак А. Г. Тифлопсихология. — М.: Просвещение, 1985. — 208 с.
4. Плаксина Л. И. Развитие зрительного восприятия у детей с нарушением зрения в процессе предметного рисования: учебно-методическое пособие. — Москва: ВЛАДОС, 2008.
5. Солнцева Л. И. Психология детей с нарушениями зрения. — М.: Классикс Стиль, 2003. — 256 с.
6. Смирнова Е. О. Детская психология. — М.: Владос, 2008. — 368 с.
7. Дружинина Л. А. Коррекционная работа в детском саду для детей с нарушениями зрения: методическое пособие. — Москва: Экзамен, 2006.

Использование искусственного интеллекта на уроках родного русского языка и литературы: новые горизонты педагогики

Хуснуллина Чулпан Нургалиевна, учитель родного (русского) языка и родной (русской) литературы
МБОУ «Гимназия № 125» г. Казани

В современном мире искусственный интеллект развивается в ускоренном темпе. Школьники часто прибегают к использованию нейросетей при выполнении домашних заданий, что может негативно повлиять на степень усвоения учебного материала. В данной статье рассматриваются вопросы эффективного использования нейросетей для достижения образовательных целей. Отдельно описываются аспекты взаимодействия с ИИ при анализе художественного произведения, развитии языковой компетенции и культуры речи.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, методика обучения родному русскому языку и родной русской литературе, агрегатор нейросетей, развитие.

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в образовательный процесс — это не просто дань моде, а мощный инструмент, способный трансформировать преподавание предметов гуманитарного цикла. Родной русский язык и родная русская литература требуют особого подхода: здесь важно не только усвоение правил, но и развитие чувства языка, понимание культурного кода и формирование эмоционального отклика на художественный текст.

Как же ИИ может стать союзником учителя-словесника? Рассмотрим основные направления использования технологий на уроках:

1. ИИ как помощник в анализе художественного текста

На уроках родной русской литературы ИИ может выступать в роли «интеллектуального собеседника». Так, искусственный интеллект может быть полезен, если ученикам сложно понять исторические реалии произведения (например, быт XIX века). Нейросети могут быстро подготовить справку, дать информационный материал по заданной теме, осветить материал по этикету или социальным нормам того времени, делая текст более «живым» и понятным.

К тому же ИИ способен помочь в поиске параллелей между произведениями разных авторов, выявлении сквозных тем или архетипов, что развивает у школьников навыки критического мышления.

С помощью генераторов изображений (Midjourney, Kandinsky) ученики могут визуализировать описание героев или пейзажей из классических произведений, сравнивая свои представления с авторским текстом. Это отличный способ выявить глубину прочтения с помощью ответов на вопросы: «Почему нейросеть нарисовала героя именно так? Какие детали текста мы упустили?»

2. ИИ как тренажер для развития языковой компетенции

Родной русский язык — это не только предмет, позволяющий окунуться в этимологию слов и словосочетаний, историю русского языка, но и дисциплина, предлагающая узнать о богатстве лексики, заимствований, словесных

оборотов, афоризмов, умение чувствовать нюансы речи. Родной русский язык даёт возможность изучить функциональные разновидности речи. Можно использовать следующие приёмы и виды работ:

– **Работа со стилистикой.** Ученики могут предлагать ИИ переписать текст в разных стилях (официально-деловом, разговорном, художественном). Анализ того, как меняется смысл и эмоциональная окраска при смене стиля, помогает глубже понять законы русского языка.

– **Редактирование и корректура.** ИИ можно использовать для генерации текстов с ошибками, чтобы отточить навыки исправления пунктуационных и орфографических ошибок. Данный вид работы позволяет развивать ученикам произвольное внимание через интериоризацию внешнего действия.

– **Обогащение словарного запаса.** ИИ позволяет дополнить синонимический ряд, подобранный учащимися, проверить правильность антонимов, соотносящихся с заданным словом, понять значение фразеологических оборотов. Эти функции способствуют развитию речи школьников, позволяют избегать использования шаблонных выражений в своих творческих работах.

3. Персонализация обучения

Каждый ученик воспринимает литературу по-своему. ИИ позволяет создавать индивидуальные образовательные траектории. Например, он позволяет составить адаптивные задания (тест или систему вопросов к тексту, исходя из уровня подготовки конкретного ученика).

В интерактивных диалогах, сгенерированных с помощью нейросети, ученик может «пообщаться» с персонажем книги (через чат-бота, настроенного на роль героя), задать ему вопросы, что способствует глубокому погружению в психологию персонажа.

4. ИИ как средство нравственного воспитания и развития критического мышления

Использование ИИ на уроках родного русского языка — это прекрасная возможность поговорить об ин-

формационной гигиене. Учитель должен научить детей проверять факты, так как нейросети могут выдумывать факты, поэтому при обращении к нейросетям ученики должны выступать в роли редакторов, сверяя ответы ИИ с первоисточником — текстом произведения.

Важно обсуждать, где заканчивается помощь технологий и начинается подмена собственного мышления. Сочинение, написанное ИИ, — это не творчество, а лишь «черновик», который требует авторской переработки.

Использование ИИ на уроках родного русского языка и родной русской литературы позволяет увеличить возможности для работы любого предметника: для составления плана урока или генерации идей для творческих заданий, сгенерировать разработку любого внеклассного мероприятия, создать много заданий, упражнений, викторин, кроссвордов, рисунков, портретов, таблиц, проектов, рефератов и многое другое, что позволяет заинтересовать учащихся, мотивировать, развивать мышление, память, творческие способности, креативное мышление и так далее.

ИИ открывает учителю много возможностей, но нельзя забывать о том, что это только помощник учителя. Педагог обязан научить учащегося пользоваться этим помощником в образовательных и воспитательных целях, накапливать материал, пополнять лексический запас, помочь грамотно сформировать свои мысли и расположить эти мысли последовательно и логически правильно.

Учитель может использовать многообразие всех существующих сайтов:

1. ИИ-генератор презентаций;
2. Giga.chat
3. Sinonim.org
4. GoGPT
5. GPTunnel
6. ruGPT.io
7. MashaGPT
8. AI Wiz

Агрегаторы нейросетей — не просто модный тренд, а реальный инструмент, который открывает доступ к передовым технологиям искусственного интеллекта. Рассмотрим некоторые из них.

Литература:

1. Дедова Т. В. Использование нейросетей для подготовки заданий по русскому языку и литературе // Актуальные исследования. 2023. № 38 (168). Ч. II. С. 45–47. URL: <https://apni.ru/article/7019-ispolzovanie-nejros-etey-dlya-podgotovki>
2. Сабадашева А. И. Использование нейросетей на уроках русского языка и литературы // edu-ikt.ru (материалы конференции). — 2025
3. Рахметова, З. Б. Формирование критического мышления при работе с нейросетевыми текстами на уроках русского языка и литературы / З. Б. Рахметова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 16.1 (619.1). — С. 35–37. — URL: <https://moluch.ru/archive/619/134568>
4. Шамиева, Р. А. Актуальные проблемы теории и практики преподавания русского языка и литературы в эпоху искусственного интеллекта / Р. А. Шамиева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 16.1 (619.1). — С. 50–52. — URL: <https://moluch.ru/archive/619/134603>

GPTunnel позволяет работать с различными версиями нейросетей для написания текстов, создания программного кода, аналитики, генерации уникальных изображений. Также GPTunnel предоставляет доступ к нейросети Suno, которая позволяет писать музыку и песни.

Российский агрегатор нейросетей ruGPT.io стремится охватить наиболее востребованные направления в области ИИ. Платформа предлагает работу с различными версиями языковых моделей, ориентированных на написание уникального текста, а также включает инструменты для создания эксклюзивных картинок. В рамках платформы ruGPT.io доступны функции, связанные с обработкой аудио, например, транскрибация и генерация голоса.

Сильная сторона MashaGPT — интеграция множества ИИ-сервисов в единую платформу. Объединяет функции чат-бота, генератора текста, визуального редактора и обучающего ассистента.

Агрегатор AI Wiz объединяет функции 50+ нейросетей в одном удобном сервисе. Используется для генерации уникальных изображений, создания креативного контента для соцсетей, написания статей, анализа данных. Более 350 готовых шаблонов позволяют автоматизировать маркетинг, рекламные кампании и email-рассылки.

LeinGPT позволяет создавать программный код на любом языке, генерировать креативные тексты, писать песни, интересные истории, повышать качество текстового контента, получать ответы на вопросы и учить иностранные языки. Также имеется функционал для работы с аудио, записи диалога.

Перечисленные в статье агрегаторы нейросетей — лучшие решения в категории многофункциональных платформ для визуала и текстового контента. Данные сервисы упрощают доступ к ИИ-моделям, помогают экономить время и ресурсы, повышают эффективность работы в гимназии. Выбор подходящего агрегатора зависит от поставленных нами задач.

Искусственный интеллект не заменяет человека, а лишь является эффективным помощником, который делает нашу жизнь удобнее, безопаснее, интереснее.

5. Линецкая, Е. А. Использование искусственного интеллекта на уроках русского языка и литературы / Е. А. Линецкая. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 29 (632). — С. 224–226. — URL: <https://moluch.ru/archive/632/139156>
6. Иванищева, О. Н. Применение чат-ботов при изучении русского языка как родного: проблемы и перспективы // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-chat-bot-ov-pri-izuchenii-russkogo-yazyka-kak-rodnogo-problemy-i-perspektivy1>
7. Разумец, В. В. Нейросети в преподавании русского языка и литературы // Magister. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyroseti-v-prepodavanii-russkogo-yazyka-i-literatury>
8. Семенова, Ю. А., Котлова, Ю. С. Возможности использования искусственного интеллекта в обучении русскому языку и литературе // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. 2026. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-obuchenii-russkomu-yazyku-i-literature>

Опыт создания мобильного приложения для формирования иноязычной компетенции студентов медицинского колледжа

Шемонаев Александр Сергеевич, преподаватель иностранного языка
Московский областной медицинский колледж № 1

В статье представлена методика разработки и использования авторского автономного мобильного тренажера лексики для студентов медицинского колледжа. Описаны дидактические особенности и принципы построения продукта. Раскрыты этапы проектирования приложения. Методом исследования послужит педагогический эксперимент, результаты которого могут повысить эффективность запоминания медицинских терминов при самостоятельной работе студентов и в классе.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование (СПО), медицинский колледж, профессиональный английский язык, мобильное обучение (M-learning), автономное приложение, ИКТ в образовании, профессиональная лексика.

Непрерывная модернизация системы образования и внедрение новых технологий в процесс обучения будущих специалистов среднего звена несут в себе помимо очевидных преимуществ немало сложностей и настоящих вызовов. Это справедливо как в отношении самих обучающихся, так и в отношении педагогов. Наличие в лечебных учреждениях технического оборудования с англоязычным интерфейсом, а также потенциальная необходимость оказания медицинской помощи иностранным гражданам, делают, казалось бы, формирование иноязычной коммуникативной компетенции особенно важным элементом обучения будущего профессионала своего дела.

Однако, как показывает опыт, складывается несколько проблематичная ситуация с освоением терминологии. Представляется очевидным, что изучение иностранного языка без заучивания слов невозможно. Отход от традиционных инструментов, таких как бумажные глоссарии, в пользу электронных словарей был процессом закономерным и его положительные эффекты демонстрировали достаточную эффективность в условиях дефицита аудиторных часов. Но сегодня изучение лексики осложняется повсеместным использованием студентами мобильных приложений-переводчиков. С одной стороны, подобные цифровые помощники значительно ускоряют

работу с англоязычным текстом. С другой стороны, они ожидаемо снижают учебную мотивацию к долгосрочному запоминанию лексических единиц и резко уменьшают эффективность их усвоения. Это и понятно: для студента становится проще переложить кропотливую работу по переводу текста на внешний алгоритм. Это экономит время, и качество перевода получается, в среднем, выше.

Снижение мотивации к учению может быть признаком недостаточной сформированности личностных компетенций и повлечь за собой негативные последствия для формирования компетенций предметных, что для среднего профессионального образования особенно чувствительно. Здесь перед педагогом возникает задача повышения привлекательности к процессу изучения профессиональной лексики. Одним из элементов такой привлекательности может стать M-learning, т. е. то, что «относится к использованию мобильных и портативных ИТ-устройств, таких как карманные компьютеры PDA (Personal Digital Assistants), мобильные телефоны, ноутбуки и планшетные ПК в преподавании и обучении» [4, с.207].

Как отмечают Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез, «формирование лексических умений и навыков предполагает не только учет сведений формально-структурного характера, но и знание ситуативных, социальных и контек-

стуальных правил, которых придерживаются носители языка» [2, с.287]. Как бы то ни было, осознанное запоминание терминов остается одним из первых и критически важных этапов освоения профессиональной терминологии. Без этого этапа не получится не только сформировать полноценный концепт, но даже эффективно усвоить лексическую единицу формально, на уровне артикуляции и написания. Поэтому одна из главных задач для приложения — предъявление наиболее употребительных слов и помощь в их запоминании. Такое приложение параллельно помогает решить ещё одну важную задачу: собрать в одном месте лексические единицы, разрозненно расположенные в многочисленных разделах учебника, а иногда и нескольких пособий.

Стоит сразу оговориться, что автор стремился избежать создания приложения ради самого приложения. Каждый этап разработки был продуман и обоснован с точки зрения методики. Рассмотрим кратко процесс и результат создания данного цифрового продукта.

Основой для разработки послужил комплекс учебно-методических материалов по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной деятельности» для специальности 34.02.01 «Сестринское дело» очной формы обучения. Важнейшей задачей стал отбор содержания, то есть лексики, необходимой для формирования базовой коммуникативной компетенции медицинской сестры. Работа проводилась с использованием тематических словарей и учебных пособий. Вся отобранная лексика подразумевает усвоение в качестве активного словарного запаса. В итоге, был сформирован лексический минимум из более чем 400 единиц, структурированных по 8 тематическим разделам курса (включая разделы «Анатомия и физиология человека», «Больничная служба», «Лечение пациентов» и др.). Разделы соответствуют примерной программе по специальности [1, с.211–234]. Массив слов был также распределён по категориям внутри больших разделов. Эти категории приблизительно соответствуют тематике как отдельных занятий, так и циклов уроков («Сердечно-сосудистая система», «Средства гигиены», «Уход за пожилыми пациентами» и др.). В каждой из этих категорий получилось чуть более 10 слов и словосочетаний. Таким количеством автор пытался, с одной стороны, не нарушить грубо т. н. закон Миллера (активное усвоение за один урок 7 ± 2 ЛЕ), с другой стороны, отобрать употребительную и максимально важную лексику. Внутри категории единицы расположены не по алфавитному принципу, а по принципу смежности значения. Например, если встречается слово «эритроцит», то рядом с ним будут «тромбоцит» и «лейкоцит», даже если это не соответствует словарному алфавитному расположению. Такая кластерная группировка помогает формировать понятийные поля и выстраивать логические связи между терминами.

В процессе отбора слов, была учтена такая психолингвистическая предпосылка овладения лексикой как стремление мышления поместить изолированное слово

в некий контекст. В целях преодоления проблемы механического, изолированного заучивания иностранных слов, структура разработанного глоссария была расширена. Каждая лексическая единица была снабжена не только денотативным русскоязычным переводом, но и контекстуальным примером — аутентичной фразой на английском языке, моделирующей типичную профессиональную ситуацию (например, алгоритм подготовки инъекции, описание симптоматики или взаимодействия с медицинским оборудованием). Таким образом, лексическая единица изначально позиционировалась как активный инструмент профессионального общения, а не изолированный объект запоминания.

Рассмотрим технический аспект. Так как мы не обладаем достаточными навыками программирования, проектирование мобильного тренажера осуществлялось с использованием No-Code технологий. В качестве архитектурного решения было выбрано создание полностью автономного кроссплатформенного приложения, функционирующего без обязательного подключения к сети Интернет. Логика работы приложения базируется на том, что лексические единицы интегрированы непосредственно в структуру приложения в виде фиксированных текстовых констант внутри независимых функциональных блоков. Это обеспечивает полную автономность и отсутствие внешних зависимостей. Данная архитектура, основанная на логическом ветвлении (if-else), исключает сбои при работе с данными и гарантирует стабильность функционирования, а также мгновенный отклик интерфейса.

Рассмотрим, наконец, основной функционал продукта. Разработанный интерфейс тренажера имитирует работу с флэш-карточками. При выборе необходимой категории и подкатегории студент видит список слов/словосочетаний. Нажав на любое из слов, он попадает в экран карточки слова, где перевод скрыт до нажатия кнопки «Показать перевод». Кнопка «Знаю» обеспечивает визуальное подкрепление обучения, отмечая слово галочкой в списке, что стимулирует самостоятельную когнитивную деятельность.

Функционал приложения расширен за счет интеграции технологии синтеза речи (Text-to-Speech), позволяющей воспроизводить корректное англоязычное произношение медицинских терминов. Внедрение аудиовизуального подкрепления активизирует слуховой канал восприятия информации, что способствует формированию правильных фонетических навыков у студентов и повышает общую эффективность запоминания лексики. Для корректной работы синтеза речи, однако, может потребоваться подключение к сети.

Для обеспечения комплексного характера обучения в архитектуру тренажера был интегрирован модуль интерактивного контроля знаний. Он реализован в виде системы тестирования, доступной как для каждого отдельного подраздела лексики, так и в формате сквозного контроля по всему терминологическому массиву. Сессия тестирования включает в себя фиксированную выборку

из 10 лексических единиц, предъявляемых обучающемуся в случайном порядке. Контроль осуществляется через механизм множественного выбора (Multiple Choice) из предложенных вариантов перевода.

Дополнительно в интерфейс приложения внедрен инструмент поиска, позволяющий осуществлять мгновенную сквозную навигацию по всей локальной базе данных. Данное решение оптимизирует работу студента со словарем, трансформируя тренажер из обучающего инструмента в оперативный справочно-методический ресурс, доступный непосредственно на занятии иностранного языка.

Мы стремились, если не ликвидировать, то снизить «деструктивное влияние мобильных технологий на образовательный процесс и превратить их в полезные и удобные образовательные инструменты» [5, с.79]. Разработанный автономный мобильный тренажер прошел этап предварительного технического тестирования и подготовлен к интеграции в образовательный процесс ГБПОУ МО «Московский областной медицинский колледж» с начала нового учебного года. Внедрение цифрового продукта планируется реализовать в рамках инвариантной и вариативной частей дисциплины «Иностранный язык в профессиональной деятельности» при подготовке студентов специальности «Сестринское дело». Методика применения автономного приложения в учебном процессе включает три основных компонента:

1) аудиторная экспресс-работа: использование тренажера на этапе актуализации знаний (в первые 5–7 минут занятия) для быстрой проверки освоения лексического минимума текущего раздела;

2) внеаудиторная автономная самоподготовка: самостоятельная работа студентов со словарем и контекстными примерами в условиях отсутствия стабильного сетевого соединения (во время поездок в транспорте, на базах производственной практики в медицинских организациях);

3) интерактивный самоконтроль: подготовка к рубежному тестированию по модулям профессионального

курса без когнитивного сопротивления, вызванного перегруженностью традиционных учебных пособий.

Оценку эффективности внедрения мобильного тренажера планируется проводить в ходе педагогического эксперимента на протяжении одного семестра. Для этого формируются контрольная и экспериментальная группы студентов. В качестве ключевых критериев эффективности определены: уровень сформированности профессионального лексического запаса (определяемый по результатам входного и итогового тестирования), скорость распознавания терминов в профессиональном контексте, а также субъективная оценка студентами удобства и доступности мобильного формата обучения (путем анкетирования).

Ожидается, что автономность цифрового ресурса позволит повысить регулярность обращений студентов к профессиональной лексике вне колледжа, что должно обеспечить перевод терминологического аппарата из кратковременной памяти в долговременную.

Проектирование и внедрение авторских цифровых образовательных продуктов является одним из наиболее перспективных путей интенсификации обучения в современной системе среднего профессионального образования. Мы разделяем мнение, что «мобильное обучение является не панацеей, а лишь одним из средств эффективного образовательного процесса <...> не может заменить традиционную систему обучения, но является дополнительной, удобной формой, особенно при организации самостоятельной деятельности обучающихся» [3, с.63]. Этим можно успешно разрешить ключевое противоречие между необходимостью глубокого осознанного усвоения профессиональной медицинской лексики и дефицитом аудиторного времени.

Предложенный в статье No-Code подход к разработке локальных приложений демонстрирует высокую технологическую доступность для преподавателей СПО и может быть экстраполирован на другие дисциплины профессионального цикла медицинского колледжа в целях повышения цифровизации образовательного процесса.

Рис. 1. QR-код для скачивания автономного мобильного тренажера в магазине приложений RuStore

Литература:

1. Примерная образовательная программа [Электронный ресурс]: уровень профессионального образования — среднее профессиональное образование. Образовательная программа подготовки специалистов среднего звена. Специальность 34.02.01. Сестринское дело. Квалификация выпускника медицинская сестра/медицин-

ский брат. — URL: https://firpo.ru/netcat_files/540/1383/h_0a4a7e3a0350b6bf9f27b1d35da2aac7 (дата обращения: 12.08.2026)

2. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. — 3-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2006. — 336 с. — Текст: непосредственный.
3. Герасименко, Т. Л. Возможности и перспективы использования m-learning (мобильного обучения) в процессе изучения иностранного языка / Т. Л. Герасименко, С. В. Ковальчук, О. Л. Мохова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. — 2013. — № 1. — С. 61–64.
4. Данилова, В. А. Возможности использования мобильного обучения (m-learning) в процессе изучения английского языка для профессиональных целей (ESP) / В. А. Данилова, Т. Г. Шихалкина // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2020. — Т. 39, № 2. — С. 206–215.
5. Заседатель, В. С. Мобильное обучение в концепции современного образования / В. С. Заседатель, В. А. Сербин // Открытое и дистанционное образование. — 2014. — № 4(56). — С. 77–87.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 38 (641) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 30.09.2026. Дата выхода в свет: 07.10.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.